

МИР СИЛ

Я поднял руку. Обычная рука... только появилось множество мозолей, от разнообразных деревяшек, рукоятей, камней. Кожа огрубела и выгорела под солнцем. Мышцы гораздо рельефней. Помнится, как-то сенсей заставил меня отжиматься... двести с лишним раз подряд, и это еще до того, как я научился постоянно подпитывать свои мускулы силой. Раньше я о таком и не мечтал. Мне не надо видеть свое тело, я и так понимаю, насколько оно изменилось, стало подтянутым, мускулистым, в разы выносливей и сильней. Странно... В том, далеком своем мире, я хотел быть сильным... Сейчас моя мечта осуществилась... Только почему я этому не рад?

Мягкий снег бесшумно падает из вечерней мглы, нежно обнимает землю, оседает на ветвях деревьев, скрипит под ногами редких прохожих. Пустынные улицы, неяркий свет окон. Кажется, время замерло, и на город опустилась сказка. Сказка, сошедшая со страниц детских книг. Даже заблудившиеся машины не нарушают идиллии позднего зимнего вечера, одного из тех немногих вечеров с особенным, неповторимым покоем. Такие моменты запоминаются надолго, оседая в уголках уставшей от беспокойства души. Остаются, чтобы всплыть потом, через много лет, напомнить, что есть тихая гавань. Место, где может найти приют измученный корабль и обессиленный экипаж. Место, куда бессознательно стремятся многие люди, но так и не могут найти...

Я иду по знакомым дворам. От порывистых движений сухой снег вздымается небольшими облачками и медленно оседает на запорошенный тротуар. Морозный воздух врывается в легкие и очищает голову от тяжелого тумана высшей математики. Не знаю, кто был тот умник, поставивший нам в этом семестре четыре пары высшей математики в понедельник, но вся наша группа вспоминает его регулярно и с чувством. Вот и сейчас я привычно пожелал неизвестному герою железного здоровья и долгих лет жизни.

Перейти через дорогу, нырнуть в арку. А тут надо быть осторожным — вчера была оттепель и сейчас тротуары больше похожи на ледяной каток, прикрытый сухим снегом.

Ботинок в очередной раз скользнул по предательскому льду. Восстановив равновесие инстинктивным движением, я осмотрелся. До дома уже совсем недалеко. Можно идти через двор, спустившись по обледенелой лестнице, или вокруг, по тротуару рядом с дорогой. Прошлой зимой я чуть было не сверзился с этой лестницы, едва удержался, только сильно приложился локтем об железную трубу, заменяющую перила. Локоть болел почти неделю, и с тех пор я это место недолюбиваю. Мысленно пожав плечами, я направился к лестнице. В другое время я бы с ней не связывался, но чувство голода — единственное, что не смогла притупить высшая математика.

Выдохнув клуб пара, я задумчиво посмотрел на «перила». Старая темно-бордовая краска почти вся облупилась, оставив горбатые чешуи под налетом свежесвыпавшего снега. Взгляд падает на неровные края бетонных ступенек — снег не успел еще спрятать их под своим все скрывающим одеялом. Хвататься за металл голой рукой не хочется, а носить перчатки я не люблю — они постоянно теряются или мозолят глаза, когда нужды в них нет. Впрочем, деваться некуда. Занеся руку над так называемыми «перилами», я начал аккуратно спускаться. На третьей ступеньке нога улетает вперед, только успеваю выдохнуть: «Ё!»

Я пришел в себя уже во дворе. Странно, ничего не болит, только руки, лежащие на снегу, уже ощутимо покалывает, а на лицо неспешно падают снежинки, напоминая — разлеживаться не стоит. И что еще непонятней — совершенно не помню падения с этой чертовой лестницы. Несколько мгновений просто выпали из памяти.

Выругавшись, я поднялся, и, стряхивая снег с куртки и джинсов, осмотрел злополучную лестницу. Перестал отряхиваться, осмотрел еще раз, внимательней.

— Не понял... — Лестница на запорошенном земляном скате всего лишь в рост человека. На свежем снегу все следы видны как на ладони. Однако после третьей сверху ступени лежит девственно чистый снег.словно я взлетел в воздух, пролетел метра четыре и приземлился уже во дворе... на спину...

«Сказать кому — не поверят... Может, по перилам съехал?» — подумал я, но труба покрыта все тем же, свежим снегом. За исключением одного места, как раз над третьей ступенькой. Ситуация настолько нелогична, что несколько мгновений я бессмысленно разглядывал нетронутый снежный покров, пока голод не привел меня в чувство.

Взгляд невольно скользнул по старой кирпичной четырехэтажке. Все как обычно — часть окон светится неярким светом, кое-где маячат блики работающих телевизоров. Никому нет дела до происходящего на улице, лишь пара фонарей освещает пустой двор. Почти пустой... На снегу, возле первого подъезда, лежит темное пятно, сильно напоминающее человеческое тело в темной одежде.

Большинство, наверное, прошло бы мимо. В наше время популярен лозунг «Каждый сам за себя!». И помогать человеку, лежащему на улице, стало глупым. Бессмысленно заниматься тем, что не сулит ничего, кроме проблем и какой-то эфемерной благодарности. Но я вырос в другое время и при родителях, давших мне «неправильное» воспитание.

— Эй, мужик! Ты живой? — спросил я, подойдя к телу.

Лежащий мужчина одет в странный темный, практически черный, комбинезон с капюшоном. На комбинезон успело наместить немного снега, но буквально капли. Похоже, «тело» пролежало тут минуту или две. После случая с лестницей, я неосознанно попробовал найти отпечатки ног — их не было.

«Решили шесть ребят в ниндзя поиграть. Один сорвался с крыши, и их осталось пять, — из ниоткуда всплыли строки детского стишка. — Домушник, что ли? Но зачем тогда наряжаться как на маскарад? Первый же милиционер остановит...» Происходящее мне нравилось все меньше и меньше, но бросить человека на морозе не позволяла совесть.

— Мужик, ты живой? — я осторожно потрепал «ниндзю» по плечу. В ответ мужчина глухо застонал и заторможено попытался подняться.

— Эй! — только и успел сказать я, подхватывая заваливающееся тело. Я вроде как не слабак, но спасаемый по весу напоминает большой мешок цемента. А еще от него веет холодом, обжигающим, всепроникающим холодом.

— Держись, сейчас вызову скорую, — сказал я первое пришедшее на ум, происходящее сильно сбило меня с толку. Незнакомец в ответ что-то невнятно мычит и, наконец, поднимает голову. Большую часть его лица скрывает шарф из той же ткани что и комбинезон, оставляя открытыми только глаза. Глаза... они тут же заслоняют все остальное. Блеклые, словно покрытые корочкой льда, равнодушные и безжалостные. Их взгляд проникает прямо в душу. Минуя тварный мир, игнорируя телесную оболочку, выхватывает саму суть вещей, обнажая все спрятанные в дальних закоулках мысли. Глаза захватывают меня, и несколько мгновений под их властью превращаются в вечность... Пока незнакомец неожиданно четким движением не впечатывает ладонь в мою грудь.

— К-хе, — от несильного на первый взгляд удара воздух вышибает из груди. От ладони идет нестерпимый холод, он пробирает до самых костей, вымораживает костный мозг. Попытка вздохнуть захлебывается болью, плененный взглядом я не могу даже отстраниться. Холод проникает все глубже и глубже. «Бум, бум...», — отдаются в ушах удары застывающего сердца. На несколько мгновений я словно замираю между небом и землей. Меня обволакивает серая пелена, и мир проваливается в милосердную тьму.

Дорогу домой практически не помню, брел по улице словно пьяный. Ноги удавалось переставлять с большим трудом. Несколько раз накатывало беспамятство, и я падал прямо на заснеженный тротуар, потом вставал и снова шел вперед. Что произошло с незнакомцем,

я не знаю. Да и желания узнавать нет. Осталась лишь одна цель — дойти домой, как будто это может спасти.

Дверь подъезда удается открыть лишь с пятого или шестого раза. Потом несколько минут уходит на попытки поднять ключи скрюченными окоченелыми пальцами. Холод никуда не делся, затаился в костях, превращая любые движения в неуклюжие трепыхания марионетки. Но боли больше нет, на ее смену пришло какое-то странное равнодушие — заставлять себя двигаться приходится с большим трудом.

Подъем по лестнице на третий этаж превратился в тяжелое испытание. Ноги подобны каменным тумбам. Поднять, поставить, поднять другую... поставить, перехватиться руками, подтянуть тело вверх. Отдых на площадке, бездумно привалившись к стене, и снова, новый пролет.

А вот и родная квартира. Открытие замков становится новой пыткой. Пальцы двигаются все медленней и медленней, ключи выскользывают из рук, разум охватывает апатия. Только какой-то стальной стержень внутри не позволяет сдаться. Наконец, второй замок щелкает в последний раз, дверь бесшумно и безумно медленно распаивается, я проваливаюсь в квартиру. Силы на исходе, я медленно сползаю по стене. Только в последний момент успеваю привалиться к шкафу. Что-то внутри меня, не дает мне просто свалиться.

— А ты молодец, — негромкий сухой голос, идет из ниоткуда и ото всюду одновременно. — Дошел домой... — продолжил голос, и почему-то мне показалось, что в эти слова он вложил какой-то недоступный мне смысл.

Уже нет сил удивляться. Все чувства ушли окончательно, осталось только равнодушие. Я безразлично смотрю в глубину неосвещенного коридора и жду. Просто жду, что будет дальше.

— Что же с тобой делать? — внезапно спросил звонкий женский голос прямо над ухом. Невольно я обернулся. С другой стороны, пусто — только приоткрытая дверь. Через щель пробивается свет с лестничной площадки. Поворачиваюсь назад и утыкаюсь взглядом в темный силуэт. Кажется, он состоит из сплошного мрака, даже в темном коридоре выделяется полной, неестественной чернотой. Тьма слегка колышется, притягивает взгляд, пугает и отталкивает одновременно.

«Ну все, приехали. У меня уже начались галлюцинации», — даже с некоторым облегчением подумал я. «Наверное, я все-таки ударился на этой лестнице. Ничего, скоро мать придет домой, она вызовет скорую. Меня вылечат... Может быть», — от последней мысли я невольно усмехнулся.

— Смеешься? — спросил силуэт глубоким мужским баритоном. — А ты ничего. Мне нравишься, — донесся оттуда же голос красавицы из ночного клуба.

Силуэт медленно плывет ко мне, но я лишь равнодушно смотрю, как он разрастается, разбухает, становится все больше и больше, заполняет собой весь коридор. Смотрю, пока вокруг меня не остается только мрак.

— Лето... птицы поют... Хорошо-то как! — думал я, нежась в постели. Теплое, мягкое и очень уютное одеяло нежно ласкало кожу. Я вспомнил детство — несколько недель, проведенные в деревне у дальних родственников. Меня тогда поразила уютность деревянного дома, мягкость одеял, свежесть воздуха. Вспомнил куриц с потешными цыплятами, коня, большого и страшного, потому что кусается, огромную и непонятную корову. Вспомнил, как мы с ребятами бегали купаться на речку, небольшую, но с быстрым и холодным течением. Рыбалка... Моей навороченной отцовской удочке завидовали все окрестные пацаны. — Эх, лето... надо как-нибудь рвануть в деревню...

— Стоп! Какое лето?! Сейчас же середина зимы! — я резко сел, перед глазами смазанным хороводом промчались события последнего вечера. Несколько секунд уходит, чтобы прийти в себя. Впереди маячит стена из светло-желтого камня с медовым отливом, шероховатая и даже на вид теплая.

— Какая, к черту, стена?! Где я?

Небольшая комната с куполообразным потолком, плавно переходящим в стены из медового камня. С левой стороны большое окно необычной яйцевидной формы. Почему-то, в сочетании с потолком и стенами оно вызывает чувство странной, едва ощутимой гармонии. Через легкую, колышущуюся от ветерка бежевую занавесь, доносится щебет птиц. С другой стороны, дверь из светлого дерева, с тем же медовым отливом. Большая кровать с белоснежной постелью и какие-то стойки с одеждой завершают убранство спальни.

Осмотр добавил еще больше вопросов... Последнее, что я помню — это разрастающийся силуэт из непроглядной тьмы. Сейчас же я нахожусь в чужой, странно выглядящей комнате. Я сошел с ума? Летаргический сон? Галлюцинации? Мне это снится?

Так, оставим вопросы на потом, для начала нужно хотя бы понять, что это за место. Под откинутым одеялом меня ждало два открытия — во-первых, нижнего белья на мне нет и, во-вторых, мое тело не изменилось. Я не похудел, не выглядел изможденным, на мне нет шрамов или бинтов — обычный студент, увлекающийся спортом, между походами на пиво и забегами на пары. Версия с комой в больнице отпадает, но откуда тогда летняя погода и птицы?

Кстати, о птицах, неплохо бы подойти к окну и посмотреть, что там снаружи. Сказано — сделано, я скинул ноги с кровати и выпрямился. К счастью, мои опасения не оправдались, я вполне нормально себя чувствовал и уверенно держался на ногах.

Прежде всего в глаза бросилось небо... Небо, наполненное неестественной синевой, без единого облачка. Абсолютно чистое, бескрайнее, бездонное... оно захватывало настолько, что, казалось, в нем можно утонуть. На несколько мгновений я потерял связь с реальностью, полностью погрузившись в безбрежную синеву.

Взгляд с трудом вырвался из синей бездны и перескочил на белые скалы, поросшие редким лесом. Потом скользнул вниз, «заметил» под скалами горную долину и озеро... Озеро снова приковало мое внимание — отражения белых скал, опять неестественно синее небо, лес, цветущий луг... Водная гладь кажется куском зеркала, брошенным на землю неизвестным богом. И воздух... Я только сейчас обратил внимание на горный воздух. Попав после города в деревню, непроизвольно удивляешься чистому и свежему воздуху. Но здесь ощущается нечто особенное. Кристально чистый, такой же неестественно свежий,

прохладный, наполненный ароматом цветов горный воздух щедро одаривает легкие силой и очищает разум.

Я закрыл глаза и стал просто дышать. Десять... Двадцать... Тридцать... Мысли наконец прояснились, чувства пришли в норму. Зрелище прекрасной горной долины неожиданно вызвало бурю эмоций и какой-то детский восторг. Хотелось бежать, прыгать, смеяться... с трудом получилось вспомнить о более важных делах, например, нужно понять, где я.

За полуметровым подоконником обнаружилась такая же белая скала, увитая зеленым плющом. Склон горы плавно переходит кустарник и скрывается в лесу, а там уже недалеко до луга, окружающего озеро. Похоже, окно вырезано прямо в скале, примерно на пятиэтажной высоте. Никаких рам или ставен нет и в помине, только темная полоса, шириной в три пальца, опоясывает проем.

— Санаторий для богатых? — вслух сказал я.

Вряд ли, слишком все выглядит естественным. Роскошные спальные номера с видом на нетронутую природу — я даже о таком ни разу не слышал. Еще сильно беспокоит летняя погода за окном, будто меня самолетом перекинули через экватор. С чего такая честь для обычного студента?

— М-да, проблемы никуда не делись... — настроение, навеянное прекрасным видом, несколько испортилось.

Хотя я могу продолжить осмотр, посмотреть, что за дверь... только куда я пойду, голый? Одежда... Возле кровати, на странно выглядящей стойке, аккуратно развешено нечто напоминающее тренировочное кимоно, мы в таких занимались на карате. Ощущение нереальности происходящего становилось все сильнее. Странное место, странная одежда, странная обувь. Все, похоже, сделано руками из натуральных материалов, никакой синтетики или фабричных швов... Куда я попал?

Вежливый стук в дверь прервал мои мысли.

— Войдите, — сказал я, благо одеться я успел.

Дверь мягко распахнулась, и в комнату бесшумно вплыла девушка в красном кимоно. Платье сразу приковало мое внимание. Яркая алая ткань переливается и словно сверкает при движении. Черные, искусно изображенные цветы кажутся живыми. Гостья кажется красивой фигуркой из японского кукольного театра. Черные волосы и сложная прическа с большими заколками в восточном стиле только усиливают впечатление.

— Господин, не желаете ли позавтракать? — спросила девушка, не поднимая взгляда. Ее рост, почти на голову ниже меня, и почтительно склоненная голова не позволяет рассмотреть лицо.

— Эээ... Да, было бы неплохо, — внезапно я понял, что сильно хочу есть. — А... Простите, а где я нахожусь?

Вдруг девушка распрямилась и взглянула прямо мне в глаза. Черты ее лица были скорее европейскими, однако, явно кто-то из ее предков был с востока. В темно карих глазах плясали бесенята, взгляд лучился озорством. «А она ничего, симпатичная... даже очень», — пронеслось в голове.

— Господин, Вы находитесь в Мире Великих Сил, — голос по-прежнему наполнен почтением, несмотря на полный ехидства взгляд.

— Энг Тха Н'ра. — машинально повторил я. Только тут я понял, что незнакомка не сказала ни слова на русском языке, но, тем не менее, я без труда все понимал.

— Мой глубокоуважаемый прадед поставил на вас, господин, печать познания, — слово

«господин» она произнесла с особым «уважением». — Теперь Вам доступно понимание языка Империи Солнца, и, со временем, Вы легко научитесь на нем говорить, — казалось, мой ошарашенный вид доставлял ей искреннее удовольствие.

— Империя Солнца? — ее слова с трудом проникали в мой ошеломленный разум. Мысли пустились вскачь. — Япония? Страна восходящего солнца? Но почему тогда «Мир Великих Сил»? И как можно передать знание языка при помощи какой-то печати? — Внезапно меня озарила догадка, все объясняющая, но, слишком невероятная:

— Это другой мир?

— Да, Господин, это другой мир. Приносящий Мрак перенес Вас сюда. — Она по-прежнему смаковала мою растерянность, но ее голос и интонации оставались почтительно-нейтральными.

— Приносящий Мрак? Это черный силуэт, разговаривающий разными голосами? — невольно поинтересовался я.

— Да это он. Или она... Или оно. — Ехидство, наконец, просочилось в ее голос. — Никто не знает, кем на самом деле является Приносящий Мрак, — ответила она. Хоть я говорил на русском — она все прекрасно понимала.

Что ж, это все объясняет. Похоже, я, сам того не желая, попал в сказку. Не знаю почему, но я поверил ее словам сразу, безоговорочно. Да и кто из нас не мечтал попасть в сказочный мир? Отбросить всю обидную шелуху реального мира и стать принцем или принцессой? Вместо зевания на лекциях побеждать чудовищ и спасать мир. Вместо хождения на работу просыпаться в своем собственном замке, в своих владениях. Обязательно, чтобы еще были многочисленные слуги, богатства, рыцарские турниры, балы... Я покосился в сторону окна — замок и владения у кого-то есть, а сказка — если вспомнить вечерние события, — совсем не добрая.

Теперь есть ответ на многие вопросы, но появились новые. Ведь меня сюда притащили не просто так. Что-то им нужно... И наверняка, это что-то связано с тем «павшим ниндзей». Вряд ли это был король, передавший мне наследство, но, все началось после того, как он меня «припечатал»... Припечатал?! Может он наложил какую-то печать?!

— Эээ... не могли бы вы, пояснить, что со мной произошло? — скомкано спросил я. Девушка все так же с интересом наблюдала за метанием моих мыслей. Наверное, пришельцы из других миров тут в новинку.

— Адепт Хлада, Ледяной Змей, наш близкий друг, попал в ловушку и смертельно раненый был вынужден бежать в ваш мир. Приносящий Мрак поспешил на его зов, но, к сожалению, он прибыл слишком поздно. Ледяной Змей умер, успев передать Силу вам. А Мрак забрал вас, дабы Круг не потерял силу Хлада, — с улыбкой ответила девушка.

— То есть, я должен передать эту силу кому-то из вас? — попытался я выяснить, что будет со мной дальше.

— Если Вы не подойдете на роль адепта силы, то мы найдем подходящего кандидата и проведем ритуал передачи силы. Правда Вы, господин... — она сделала небольшую паузу, — скорее всего, умрете.

— Скорее всего?

— Выживает один из десяти, но теряет разум, — выражение ее лица изменилось, взгляд алчного патологоанатома скользнул по мне. От этого взгляда по коже побежали мурашки. Я сразу поверил — церемониться со мной никто не будет. Распнут на алтаре и передадут эту чертову силу подходящему кандидату.

— А как вы определяете, подходит ли вамкто-нибудь на... роль адепта? — спросил я, хватаясь за последнюю соломинку.

— Для этого, господин, Вам необходимо стать энг'хато — она использовала сложное понятие. Прямого перевода не произошло — меня коснулись образы того, что можно назвать единением с миром, становление его частью, неотъемлемой и гармоничной. Дав мне время прийти в себя, она продолжила — Вам нужно стать сильным, достойным членом Круга. Этого уровня достигают единицы из сотен тысяч. Шансы еще меньше, чем пережить обряд передачи силы и сохранить разум. — Она с улыбкой наблюдала, как я реагирую на ее слова. — Но только один из двух ритуалов передачи проходит успешно, а в случае неудачи сила уходит безвозвратно или кандидат гибнет. Поскольку сила уже у вас... — Она снова сделала паузу, взглядываясь в мое лицо. — Может быть, Хранитель даст Вам шанс овладеть ей и последовать по пути Круга.

— Хранитель? — эхом отозвался я.

— Так часто называют главу Круга Сил. Мой глубокоуважаемый прадед основал Круг более полутора тысяч лет назад. И с тех пор является его бессменным главой. — Она вновь сделала паузу, наблюдая, как я перевариваю ее слова. — Впрочем, господин, Вам будет интересно побеседовать с ним лично. Прошу вас. — Незнакомка грациозно отстранилась от двери и сделала приглашающий жест.

Заваленный обрушившейся информацией, я безропотно вышел из комнаты. За дверью открылся длинный коридор, выложенный узорчатой плиткой. Белые каменные стены расписаны сложными геометрическими узорами. А потолок... я моргнул... от потолка исходит мягкое, белоснежное сияние.

— Прошу вас, господин, — девушка волшебным образом переместилась в коридор и манила за собой.

Длинный коридор со светящимся потолком. Мимо проплывают двери разнообразных оттенков дерева, под ноги ложится узорчатая мозаика пола, моя спутница в ярко-алом кимоно бесшумно скользит рядом. Вновь нахлынуло чувство нереальности происходящего. Вот сейчас мать разбудит меня, и придется бегом собираться в институт. Я проснусь и забуду этот кошмарный сон, так пугающий своей чуждостью и реалистичностью.

— Прошу вас, господин, сюда, — голос правнучки Хранителя вернул меня... Интересно, а куда вернул?

Коридор заканчивался винтовой лестницей, плавно уходящей вверх. Светящийся потолок и белые ступени вызвали ассоциации с лестницей на небо. «Сейчас я вознесусь, а там будет старец в белых одеждах», — хихикнул я.

Я перехватил взгляд моей спутницы. Похоже, мой полуистерический смешок вызвал у нее удивление.

«Я смог ее удивить? Надо же... А я уже подумал, что подобные чувства ей недоступны», — я продолжал веселиться, правда, уже про себя.

«Лестница в небо» закончилась таким же прозаическим коридором, разве что заметно короче нижнего, даже немножко обидно.

— Прошу Вас, господин, сюда, — моя спутница скользнула куда-то в бок, открывая незаметную дверь. Я поймал себя на мысли, что за все время не услышал не то что шага, даже шороха от ее платья. Словно какой-то призрак плывет рядом.

А за дверью... М-да... Резкая смена обстановки, ошеломляющие известия — подсознательно я думал, что уже ничему не удивлюсь. Но, новое чудо снова выбило у меня

почву из-под ног, заставив глупо стоять, хлопая глазами.

Ноги щекочет мягкая травка. Вокруг разноцветные цветочные кусты с одуряющим запахом. Звон ручья, шелест деревьев, солнечные зайчики, прыгающие по глади небольшого озера. И старец в белых одеждах в кресле на берегу... Дверь вела в райский уголок.

«Поднявшись по лестнице в небо, надо зайти в неприметную дверь, — мелькнула мысль. — Нужно запомнить на будущее. Пригодится...»

Мимо бесшумно скользнула моя спутница. «Как ей удастся так незаметно просачиваться у меня за спиной?» — отрешенно подумал я. Фигурка в красном кимоно сделала несколько шагов вперед и застыла в глубоком поклоне, преисполненном искреннего почтения.

— Тахиро, ты привела нашего гостя, — голос старца, сильный и глубокий, ворвался в разум, разбивая оцепенение.

Очнувшись, я сосредоточился на Хранителе, наверняка это именно он. Белоснежные ниспадающие одежды, ослепительная в своей белизне длинная борода и белая повязка, закрывающая глаза. Одна рука покоится на подлокотнике, другая плавно скользит по заплетенной в косы бороде. Под пальцами в белой перчатке мерцают вплетенные драгоценные камни. От всего облика старца веет мудростью и покоем.

Меня пробрало ощущение, что, несмотря на повязку, Хранитель все прекрасно видит. Точней — ощущает... ощущает целиком и полностью. Гораздо лучше, полней и объемней чем доступно обычному человеку с простыми глазами.

— Моя внучка уже рассказала тебе многое, — слова старца падали тяжело и медленно. Их понимание приходило ко мне с большой задержкой, словно невидимый переводчик не справлялся с огромными пластами скрытого смысла.

— Ты должен ответить на один вопрос, — продолжил он. — Желаешь ли ты принять Путь Круга?

Наверное, будь передо мной обычный человек, я бы все сказал, что думаю об их «пути». О том, что нельзя забирать людей из их мира. Нельзя вливать в них непонятно что, превращать их в подопытных кроликов. Сказал бы, где я их вижу со всеми чудесами, и что они могут сделать со своим жертвенным алтарем. Но здесь и сейчас, всех моих сил хватило только на одно — выдавить через пересохшие губы только одно слово: «Да».

«Бу-у-м...» — надгробным колоколом накатило осознание — слово услышано и записано. Сохранено где-то на скрижалях судьбы. Я сделал свой выбор, пусть не понимая, что он значит, — но за него придется ответить в полной мере...

Погруженный в себя, я не сразу заметил, как пропало ощущения внимания со стороны Хранителя. И только тут я ощутил, как мне тяжело — словно пропустили через мясорубку, выжали, а потом собрали назад. Сразу вспомнился злополучный вечер и подъем по бесконечной лестнице. Дыхание с хрипом прорывается наружу, горячий пот застилает глаза. И, кажется... Кажется, что подъем никогда не кончится, только внутри что-то толкает, заставляет снова и снова делать новый неподъемный шаг. Ступень, еще ступень... Но что это? Сердце, бьющее набатом, постепенно стихает... Я возвращаюсь обратно... Обратно, в неизвестный и чуждый мир.

Сознание возвращалось медленно, словно нехотя. Бессмысленная рябь в глазах сложилась в знакомую картинку райского уголка... Те же деревья, трава, цветы, только какие-то тусклые... И старец, вглядывающийся слепыми глазами в глубину кристально чистого пруда... А еще появилось ощущение, что я здесь лишний. Чужой, нарушающий

гармонию элемент.

Чья-то рука ведет меня, проем, бесшумно закрывается дверь. Я не видел ее движения, не слышал стука, но знал — дверь закрылась. Снова вокруг каменные стены, а коварный рай остался где-то там... далеко.

— Ты сильный. Для нулевика выдержать Познание и остаться на ногах... — донесся откуда-то голос молодой девушки. — Может, у тебя получится... — она оборвала себя на полуслове.

Остаток вечера я провел словно в тумане. Меня куда-то водили, чем-то кормили. Девушка в алом кимоно, — кажется, ее звали Тахиро? — исчезла. Вокруг были какие-то блеклые человеческие фигуры. Наверное, это слуги. Восприятие играло в какую-то непонятную игру, оно то возвращалось, то оставляло меня наедине с размытыми пятнами.

Под конец я пришел в себя уже в знакомой, медовой комнате. В голове царила пустота и отсутствие всякого желания шевелиться. Только на краю сознания маячила надежда, что я сейчас засну, а встану уже в своей кровати. В своем привычном мире. Пусть он был скучен и обыкновенен до зубной боли, но в нем никто и никогда не выворачивал меня наизнанку

Я попытался поймать эту мысль, но она исчезала, ускользая и снова возникая на задворках сознания. Ее мираж то маячил прямо передо мной, то проявлялся где-то далеко-далеко. Наконец потолок поплыл куда-то в бок, и я провалился в такую долгожданную тьму.

В этот раз пробуждение наступило сразу, с полным осознанием, где я нахожусь. Робкие попытки представить произошедшее вчера странным, пугающим сном, были безжалостно убиты веселой птичьей песней.

«Чертовы птицы! Чертов мир, где даже выспаться спокойно не дают!» — настроение просто отвратительное. Голова раскалывается от глухой боли, по всему телу гуляют отзвуки мутной тошноты.

Та же, вчерашняя комната. Раздражающе теплые стены, бежевая занавесь с назойливым пением птиц, белоснежное одеяло, которым меня заботливо укрыли слуги. Я скривился — вчерашние события несли с собой привкус отвращения и стыда.

Вспоминать произошедшее не хочется, однако придется. Просто плыть по течению, заботливо подправляемым тем слепым... старцем, меня устраивает еще меньше.

Странно, но даже сейчас я не могу подобрать других слов к этому старцу в белых одеждах. Весь его облик внушал уважение и даже некоторый трепет. Он вызывал подсознательное желание почтительно склониться и внимать каждому его слову.

Но... вслед за уважением пришла ярость. Этот старик, не спросив, даже не предупредив, вывернул меня наизнанку! Как там сказала эта девица?! Познание? Что-то было еще... «Мало кто из нулевиков может выдержать Познание и остаться на ногах?» — тихо накатила колючая злоба, заставив крепко стиснуть зубы. «Меня просто используют как подопытного кролика! — головная боль исчезла, смытая горячей волной. — Надо бежать отсюда!»

Но, как и куда бежать? Спуститься по плющу с высоты пятого этажа? Наугад блуждать по коридорам? А куда потом идти из этой долины? Волна злости ушла, оставив после себя туманный отголосок мигрени и твердую решимость. Пока дергаться бессмысленно, надо ждать. И попытаться узнать, как вернуться в родной мир.

Какая ирония... Предложи мне пару дней назад перенестись в другой мир — согласился бы не раздумывая. А сейчас... А сейчас я мечтаю отсюда сбежать. Хорошо, что хоть в клетку не заперли. Хотя зачем им это? Я и так никуда не денусь.

В глазах что-то щелкнуло. Потолок приблизился, словно кто-то подставил лупу — можно разглядеть мелкие шероховатости, трещинки. А еще можно разглядеть, как белую скальную поверхность покрывает мелкая металлическая сетка темно-золотистого цвета, именно она дает медовый отлив. Изредка по ней пробегают небольшие искорки, словно метеориты во время звездопада. Сеть переливается, мягким, почти невидимым сиянием.

— Кхе, кхе, — старческий кашель царапнул барабанные перепонки.

Я моргнул несколько раз, эффект лупы пропал. А жаль, разглядывание потолка оказалось довольно интересным занятием. Зато теперь можно посмотреть на нежданного гостя... Вот только комната пуста, разве что возле двери на светло-желтом камне отпечаталась чья-то тень.

— Как здоровье у нашего пациента? — раздался голос сексуальной медсестры.

Ага, это Несущий Мрак пожаловал. Или как там его? Хотя какая разница, все они одинаковы. Равнодушие продолжало царить в моей душе, и я лишь молча смотрел на блеклую тень.

— Послушай, парень... — теперь это голос ковбоя из вестерна. Кстати, в отличие от всех остальных Мрак говорил на чистом русском языке. — Ты здесь никто, и звать тебя

никак. В нашем мире все просто, — звук плевка. — Считаются только с сильными.

— А где ты таких фраз нахватался? — спросил я неожиданно для самого себя.

— Кино ваше — единственное, что у вас есть интересного. Только из-за него еще не забыл, как к вам ходить.

— А это тяжело — попасть в другой мир? — вспомнил я про свой вопрос.

— Хе-хе, — теперь это голос ехидного старикашки. — Непросто. Для тебя так вовсе невозможно.

Чего и следовало ожидать. Будь это просто — нашлось бы кому шастать туда-сюда и рано или поздно это бы всплыло. Хотя... есть же всякие истории о без вести пропавших... Как там моя мать? Каково ей прийти домой и никого не найти? Отец вернется из командировки только через неделю.

— Не парься, чу-у-вак. Ты теперь с нами или ника-а-ак, — голос рэпера. После секундной паузы силуэт продолжил уже каким-то нейтральным голосом. — После передачи Силы ты был обречен на смерть. Ритуал изменяет твою суть, преобразуя тебя в точку фокуса. Но биение Сил в твоём мире слишком слабое, и ты бы просто умер, — рассказ завершил глупый смешок.

«Вообще-то я не просил, чтобы из меня делали какую-то точку», — мысль пронеслась и погасла. Кому интересно мое мнение? Держат как запасную батарейку... лучше бы я загнулся в своём мире...

— И зачем ты меня сюда притащил? — меланхолично спросил я.

— Потому что мне скучно! — голос плачущей маленькой девочки. — Впрочем, как я вижу, у нас есть один небольшой вопрос, — голос молодой девушки, неестественно серьёзно произносящий мужскую фразу.

Блеклая тень наливается чернотой. В ней появляется глубина, она начинает все больше походить на провал в стене. Черный провал в бездну, из которого веет могильным холодом. По коже пробегает дрожь, я явственно чувствую какое-то давление. Липкое, холодное и мерзкое. Дискомфорт и какой-то беспричинный страх.

— Давай не будем тратить времени зря, — сухой, лишенный каких-либо эмоций голос. — Если хочешь, я убью тебя прямо сейчас.

— Нет, не надо!

— Ну и ладно... — тень настолько быстро вернулась в прежнее состояние, что я даже не сразу это заметил. — Одевайся, через пять минут выходим, — тень поблекла и через мгновение полностью растворилась в солнечном свете.

Неяркий солнечный свет пробивается сквозь занавесь. Из окна доносится пение птиц. Шероховатый, желтый камень там, где несколько секунд назад был могильный мрак... «А не привиделось ли мне это? — сам собой возник вопрос, и тут же пришел ответ: — Нет, не привиделось».

Во всяком случае, Мрак оказал мне хорошую услугу. Я вспомнил, что хочу жить. Жить несмотря ни на что. Равнодушие исчезло, растаяв без следа. Эти перепады настроения... То внутри все кипит от ярости, то накатывает глухое безразличие. Начинают закрадываться сомнения о своём психическом здоровье. Хотя... Почему закрадываться? Они уже прочно поселились в моей душе.

Ритуал одевания занял от силы две минуты. На стойках был развешан комплект, в точности повторяющий вчерашний, за исключением легких кожаных туфель. Мокасины, или что-то в этом роде. Разобравшись с одеждой, я подошел к окну, может там что-то

изменилось со вчерашнего дня.

Не изменилось. Горное великолепие вновь раскинулось перед моим взглядом. Словно открываешь старую книгу, и на тебя свежей волной накатывают старые воспоминания. Та же долина, те же поросшие лесом величавые скалы, цветущий луг перед зеркальным озером.

— Нижайше прошу прощения, Господин, что прерываю Вас, — раздался голос Тахира.

Я резко развернулся — пустая комната, закрытая дверь, только на стене рядом с дверью маячит темный человеческий силуэт. Наверное, если бы он мог, то сейчас бы вовсе ухмылялся.

— Собрался? Молодец. Теперь иди по коридору налево, потом по лестнице вниз до подвала. Там, на столе, будет сумка с едой. Возьми ее, — сказал глубокий мужской голос.

Тень бесследно растворилась, едва отзвучали последние слова. Пожав плечами, я направился к выходу. От небольшого толчка дверь бесшумно распахнулась, пропустив меня в пустынный коридор со светящимся потолком. Мне нужно налево...

А вот и лестница... белые каменные ступени спиралью уходили вверх. Или лучше сказать вниз, мне ведь нужно в подвал. «Интересно, а это та же лестница?» — хоть убей, не помню куда мы вчера повернули. После долгого спуска я оказался в большой скудно освещенной пещере, заставленной всяким хламом. Наверное, это и есть тот самый подвал.

Сумка... Сумка с едой... Только где ее искать среди гор хлама? Впрочем, чего это я? Вот же стол, а на столе сумка. А в сумке... я подошел ближе и заглянул внутрь — свертки, остро и приятно пахнущие едой.

— Эй, найденыш, бери еду и иди сюда, — донесся слева чей-то голос.

Между заставленных стеллажей есть свободный проход, упирающийся в полутемную арку. Похоже, звали именно оттуда. Точно — из арки вышел человек среднего роста укутанный в черную ткань. Кстати, есть что-то в его одежде... Что-то необычное, ее края как-то неуловимо сливаются с тенью. Человеческий силуэт дрожит и расплывается, становясь практически тенью.

— Приносящий Мрак? — неуверенно спросил я.

— Он самый, детка, — ответил голос ковбоя. — Иди за мной.

Черная фигура направилась вглубь темного коридора, мне ничего не оставалось, кроме как следовать за ней. Мрак шел широким, размашистым шагом, и чтобы успевать за ним приходилось чуть ли не бежать.

В самом коридоре не было ничего интересного. Он похож на верхние коридоры, но здесь не тратились на мозаики и узоры. Впрочем, шли мы недолго — уперлись в большую металлическую дверь, скорее даже проем, перегородженный металлической плитой.

— Возьми факелы, — бросил Мрак и склонился над дверью.

Факелы, или то, что их здорово напоминало, оказались в стойке рядом со стеной. Недолго думая, я сгрэб все что было. Похоже, этот мир не знает фонарей, да и по технологиям гораздо ближе к средневековью. Хотя... нам, например, и не снилось, что можно обучить чужому языку за одну ночь.

Противный скрип ударил по нервам. От скребущего звука по коже пробежали мурашки. Металлическая плита медленно уползла вверх, за ней открылся точно такой же коридор, брат-близнец нашего, только неосвещенный. Повинуясь жесту Мрака, я двинулся вперед. Дверной проем внушал уважение — толстые металлические накладки, железный порог и сама запирающая плита не менее полуметра толщиной.

«Интересно, а сколько в ней тонн? И как они ее поднимают?» — чужой мир

подбрасывает все новые и новые загадки. Внезапно, один из факелов вспыхнул. Я дернулся, и чуть было не выронил его. Сбоку раздался ехидный смешок.

— Тебе надо спокойней относиться к происходящему рядом с тобой, — донесся из темноты менторский голос.

Словно в подтверждение его слов сзади вновь раздался противный скрип, завершившийся оглушительным грохотом. Пол подпрыгнул и толкнулся в ноги. В пламени факела взвилась невесть откуда взявшаяся каменная пыль. Подсознательно я ожидал чего-то подобного, но в животе все равно противно екнуло.

— Не стой столбом, найденыш, — донеслось откуда-то спереди.

— А куда мы идем? — спросил я, догнав размашисто шагающую черную фигуру.

— В место, где тебя будут учить.

— А это далеко?

В ответ раздался новый ехидный смешок. В этот раз голосом молодой девушки.

— К вечеру мы там будем, — ответил Мрак уже нейтральным мужским голосом. — А теперь умерь свое любопытство. На привале я отвечу на твои вопросы.

После этих слов Мрак стал шагать еще быстрее. Я поспешил за ним, черный силуэт легко мог потеряться во мраке тоннеля. Интересно, если я отстану — вернутся ли за мной? Не знаю... но если он не вернется, я останусь один в подземелье, а выход назад отрезан полуметровой плитой. Невеселая перспектива...

Сколько мы плутали по пещерам, одному богу известно, но до привала я дотянул, даже умудрился не сбить ноги в кровь. Мы устроились на берегу какого-то подземного озера. Обстановку можно назвать экзотической или даже романтической... Да только все эти пещеры мне уже осточертели.

Какой-то там по счету факел устроился в щели между камнями. Теперь можно заняться едой — отсутствие завтрака и длинный переход уже давали о себе знать. В сумке оказались свертки с вяленным мясом и что-то вроде сыра, а еще там была фляга с очень вкусной и холодной водой.

— Не хочешь? — спросил я, протягивая своему спутнику мясо.

— Ха-ха-ха-ха! — раздался в ответ заливистый мужской смех. Мрак даже запрокинул голову, смеясь.

— Давно меня так не веселили, — отсмеявшись сказал он. — Мне еда нужна так же, как тебе трубка для дыхания.

— Зачем мне трубка для дыхания?

— Не знаю, — ехидство так и сочилось из его голоса.

Некоторое время я молча поглощал еду. Мясо и сыр оказались необыкновенно вкусными. Маленькие кусочки таяли во рту, оставляя после себя необычный, очень приятный вкус. Или, может быть, во всем виновато чувство голода. Наконец, проглотив очередной кусок, я понял, что наелся. Пора попробовать получить хотя бы некоторые ответы.

— Давно хотел спросить — почему меня понимает Тахиро?

— Тахиро и Хранитель Чтецы Мира, — ответил Мрак. Казалось, он ничуть не интересовался мной — отвернувшись, смотрел на неподвижную озерную воду. — Для них понять, что человек хочет сказать, задача ничуть не сложнеей чем для тебя выпить воды из этого озера.

— Тахиро сказала, что на меня поставили печать познания. Что это значит? —

следующий наболевший вопрос.

Мрак ничего не сказал в ответ. Он смотрел на безмятежную озерную гладь и, казалось, думал о чем-то своем. Не глядя поднял мелкий камешек и щелчком отправил его в воду. Осколок бесшумно канул в темную поверхность, только разошедшиеся круги безмолвно лизнули каменный берег.

— У Мира есть душа, — наконец начал он отвечать тихим голосом. — С ней можно говорить. От нее можно получать силы и знания. Через нее можно даже менять мир. Самые сильные Чтецы Мира могут общаться с Душой Мира. Они могут предсказывать будущее и узнавать настоящее. Печать познания — это договор с Душой Мира. Твоя душа сейчас может получать знания напрямую от нее. К тебе просто приходит понимание, что значит то или иное слово.

— А это сложно — поставить такую печать? — спросил я после паузы, заполненной молчанием.

— Не знаю, — ответил Мрак и поднялся. — У меня больше нет желания отвечать на твои вопросы, но я тебе скажу еще одну вещь. В нашем мире ты ходячий золотой слиток. Тебя можно продать за хорошие деньги. Есть много желающих получить одну из сил стихий. У тебя есть только один выход — стать сильным. Достаточно сильным, чтобы убить желающих отнять у тебя силу. Там куда мы идем, тебя будут учить быть сильным. Это будет непросто, и за все тебе придется заплатить.

— Заплатить? Чем?

— Цена везде одна, — ответил Мрак, отступая в темноту.

Я лихорадочно бросился собирать свертки с едой. Похоже, о том, что надо подождать, пока соберутся твои спутники, в этом мире не слышали или просто считаются только с сильными. Подхватив факел, я побежал догонять своего спутника.

Пещеры сменялись другими пещерами. Отблески факела то падали на стены узких проходов, то исчезали во тьме. Иногда приходилось карабкаться по каменным склонам. Как Мрак находит дорогу в этом лабиринте — одному богу известно.

Пещеры маленькие, пещеры большие, спуски и подъемы. Во многих местах проходы были явно расширены, где-то прорублены ступеньки, расчищен переход, а то и целиком выдолблен тоннель-перемычка. Постепенно стало понятно — мы все больше и больше забираем наверх. Наконец за очередным поворотом оказался выход на поверхность. Треугольный проем сиял косыми солнечными лучами. Солнце... как я соскучился по тебе в этом каменном царстве...

— Убери факел, — сказал Мрак. Я послушно сунул потухшую палку в сумку. — Дальше я с тобой буду говорить только на языке Солнечной Империи. Если я просто услышу где-нибудь, что ты из другого мира — ты умрешь, — продолжил он ровным голосом.

Я спокойно воспринял его слова. А какая разница? В любом случае выжить у меня шансов немного.

— Не отвечай на вопросы «Откуда ты?». Не рассказывай никому про Хранителя или Круг. Все, кому необходимо, уже знают. А если кто-то будет спрашивать — можешь ответить, что тебе запретили об этом рассказывать и потом покажешь этого человека мне, — продолжил Мрак. — Теперь пошли.

Мой конвоир надел невесть откуда взявшуюся большую соломенную шляпу. Темный силуэт с широким конусом на голове мелькнул в косых лучах и исчез. Мне же опять пришлось идти за ним.

Пещера выходила на горный склон, покрытый невысоким лесом. Вход скрывался за большим валуном. Густые заросли кустарника вокруг делали лаз практически невидимым. Протерев отвыкшие от солнечного света глаза, я разглядел внизу удаляющуюся шляпу своего спутника. Похоже, марафон продолжается.

И вновь быстрым шагом вслед за проводником. Только спускаться по склону горы гораздо приятней подземного путешествия. Деревья, пение живых птиц, редкие солнечные лучи — я даже не замечал, насколько гнетет царство молчаливого камня.

Черный силуэт мелькает впереди. Цепляясь за деревья, похожие на перекрученные яблони, иногда спрыгивая с невысоких уступов, я стараюсь его догнать. Тот словно чувствует мое приближение и, не напрягаясь, держит дистанцию. Пробежавшись по очередному спуску, я чуть было не врезаюсь в закутанную в черные одежды фигуру. Мрак стоит на краю каменного уступа, лишённого деревьев. Отсюда я в первый раз смог рассмотреть место, в котором мне предстояло учиться.

Со склона открылся вид на новую горную долину. Она гораздо больше долины Хранителя, но не столь живописна. Голые пики коричневых гор, постепенно переходящие в зелень лесов. Леса же обрываются на краю пологого дна, испещренного квадратами маленьких полей. Посередине долины змеится небольшая речка.

— Долина Серого Копья, — сказал Мрак на языке Солнечной Империи. — Понял?

— Да, — ответил я.

Перед глазами мелькнуло синее небо и макушки деревьев. И вот я лежу посреди какого-то куста, уткнувшись в мелкие треугольные листья. В голове стоит противный звон. Зеленые листья подрагивают, пытаюсь размыться в неопределенные пятна.

— Как правильно говорить слово «Да»? — донеслось до меня сквозь звон.

— Хо, — не задумываясь выдохнул я.

— Видишь, как все просто, — послышался голос красавицы. — А почему я тебя ударил? — теперь это серьезный мужской голос.

— Я ответил на вопрос на языке своего мира, — тут же ответил я. Похоже, иногда полезно получать по черепу — мозги лучше работают.

— Вставай. Идем, — все тот же серьезный голос.

Я с трудом поднялся. Меня слегка водило. Деревья расплывались, на языке появился противный привкус. Мрак виднелся черным пятном на фоне размытого горного пейзажа. Когда он успел меня ударить? Впрочем, на размышления нет времени. Черный силуэт не стал меня дожидаться, спрыгнул с уступа и с легкостью начал спускаться дальше ко дну долины. Пришлось опять следовать за ним, рискуя в любой момент споткнуться и покатиться по горному склону.

Все заканчивается, закончился и этот марафон. Позади остался горный склон, покрытый неизвестными мне растениями, безлюдные поля, засаженные чем-то похожим на пшеницу. За полями последовал подъем к монастырю на противоположном склоне. Пустынная дорога петляла между ровными рядами террас с местным виноградом. Под конец я понял, что достиг своего предела, ноги налились свинцом и начали мелко дрожать. Слава богу, мы уже стоим перед монастырем.

Наш путь преграждают массивные ворота из толстого деревянного бруса, окованного металлическими полосами. За невысокой стеной из коричневого камня виднеются каменные дома с темными проемами окон, несколькими ступенями поднимающиеся по склону горы. Сверху эту лестницу венчает красивое белое здание, купающееся в лучах закатного солнца.

Издали оно напоминает небольшой дворец из восточных сказок.

Мрак вскинул вверх правую руку. В ответ за стеной раздался глубокий звук гонга. Легкий скрип — толстые ворота величаво распахнулись, открывая взору пятерку монахов. Бритые головы, суровые лица восточного типа, одинаковые посохи в правых руках. На плотных темно-синих одеждах, больше напоминающих тренировочное кимоно, нежели рясы, нарисован белый крест, вписанный в круг.

— Монастырь Сату приветствует мастера, ступающего по пути тени, — произнес монах в центре строя, почтительно поклонившись. Остальные встречающие синхронно повторили его движение.

— Да пребудет с вами благодать солнца, — ответил Мрак, неподвижно стоя на месте.

— Поющий Песню Ветра ожидает вас в приемном зале, — продолжил монах. — Прошу вас следовать за мной. Вся пятерка четко развернулась и отступила во внутренний двор.

Пройдя ворота, я с любопытством оглянулся — выложенный каменными плитами двор, каменные стены, узкие бойницы окон, все проходы перегорожены стенами с массивными дверями, голый камень и рационализм. Это не монастырь, а крепость какая-то...

— Вас предупреждали о моем спутнике, — сухой голос Мрака прозвучал как-то неуместно среди суровых каменных стен.

— Да, Мастер, — ответил тот же монах и снова склонился в поклоне. — Мы подготовили келью для него.

Откуда-то слева вынырнул подросток в коричневом кимоно и тут же замер в низком поклоне. «И почему они все кланяются?» — мелькнул вопрос на краю сознания.

— Отдыхай, завтра будет тяжелый день, — снова голос Мрака, теперь он обращается ко мне.

Подросток распрямился и жестом пригласил следовать за ним. Я подавил желание оглянуться на своего недавнего проводника. В этом чужом мире Мрак — для меня единственное связующее с прошлым звено. Единственное, что мне хоть как-то знакомо. Но оборачиваться и просить остаться с ним бессмысленно. Не оставят и посчитают проявлением слабости.

Монашек вел меня между каменных домов, напоминающих маленькие крепости. Каждый проход перегорожен каменной стеной с небольшими воротами. Поворот направо, очередные ворота выпускают нас на небольшую каменную площадь. В центре площади большая каменная лестница на следующий уровень. Монастырь построен по принципу пирамиды. Каждый новый ярус отделен от предыдущего скальным уступом со стеной наверху.

Подъем вслед за проводником на высоту пятого этажа, новые ворота приветливо распахиваются. Монах в синей рясе смотрит на меня, как на пустое место. Меня же больше волнует вопрос — как бы не свалиться. Дрожь в ногах после подъема усилилась, того и гляди ноги откажут и сложусь, как мешок с картошкой, на потеху местной публике.

Подросток вновь куда-то устремился, сверкая бритой головой. Второй уровень разительно отличался от того, что было внизу. Дома уже с нормальными окнами стоят отдельно. Широкие дороги, аллеи с невысокими деревьями, рядом с воротами обширный плац, посыпанный белым песком.

Пройдя по алее между трехэтажными домами, мой проводник сворачивает к угрюмому дому, неведомо как перенесшемуся с первого уровня. Глухие каменные стены с мрачными бойницами окон смотрятся чуждо в окружении цветущих аллей. После короткого стука

толстая окованная железом дверь распаивается. Новый лысый монах в синих одеждах смотрит на меня, как на пустое место.

Обстановка внутри соответствует внешнему виду — голые каменные коридоры, массивные деревянные двери. Лестница вниз, короткий коридор, новая дверь. Монашек открывает дверь и делает приглашающий жест. Я захожу в комнату, или правильней назвать ее кельей? Дверь хлопает — я остаюсь один, и слава богу... Что-то я часто его вспоминаю. Может стану верующим? Монастырь, самое подходящее для этого место.

Усмехнувшись, я осмотрел свою комнату. Узкое прямоугольное окно под потолком еле освещает аскетичную обстановку — голые каменные стены, деревянная кровать слева, стол со стулом справа. Мебель простая, без всяких изысков. Наверное, так и выглядят монашеские кельи.

Перекусив из оставшихся запасов в свете заходящего солнца, я упал на кровать и отключился.

Кто-то бесцеремонно тряс меня за плечо. Да встаю я, встаю... Зачем так больно сдавливать? С трудом разлепив глаза, я увидел недовольного монаха. Лысая голова, чуть раскосые глаза с презрительным прищуром, белое кимоно. Перед глазами пронеслись события последних дней. Интересно, а я когда-нибудь привыкну к этому миру? Стану ли воспринимать его без шока в начале каждого дня?

Монах недвусмысленными жестами показывает, что надо идти. Кажется, еще немного, и он меня погонит пинками. Здешние служители больше похожи на адептов боевых искусств, нежели на смиренных молельщиков. Они скорее дадут по уху, нежели будут кого-то ждать из «низших».

Кое-как оправив одежду, я направился на выход. Хорошо одно — вчера я поленился раздеться и не предстал перед этим торопыгой в голом виде. Монах быстрым шагом провел меня по вчерашней дороге. Вот уже привратник в синем кимоно безразлично наблюдает, как мой новый проводник с трудом открывает массивный засов.

Сдается мне, цвет кимоно означает ранг в местной иерархии. Эти, в синем, самые серьезные ребята. Хотя... у тех, кто встречал нас в воротах монастыря, были похожие, но черно-синие одежды. А подросток, приведший сюда, был в коричневом. Белый... Белый, наверное, занимает промежуточное положение между коричневым и синим.

Пока я размышлял, монах открыл засов. Теперь мы шагали по каменным мостовым второго уровня. В отличие от вчерашнего вечера здесь то и дело мелькали человеческие фигуры. В основном в серых робах. Они таскали какие-то корзины, несли охапки белья и подметали мостовую. Изредка мелькали белые и коричневые пятна.

Мой проводник вдруг резко повернул. Увлеченный рассматриванием внутренней жизни монастыря, я чуть было не пропустил этот момент. А за поворотом мне открылось гораздо более интересное зрелище. На посыпанном белым песком плацу ровными рядами стояли монахи в белых кимоно. У каждого посох в руках, и все они синхронно двигались, словно танцуя. Посохи то взлетали к небу, то припадали к земле. Белые фигуры то стремительно срывались с места, то безмолвно замирали. Все это вместе походило на действие какого-то сложного механизма, чьи движения непонятны, но завораживают своей математической точностью. И полное молчание, лишь шелест песка, попираемого босыми ногами, говорил о том, что это не иллюзия.

С трудом оторвавшись от захватывающего действия, я оглянулся в поисках проводника. Пустая вымощенная булыжником дорога, кольцо деревьев, опоясывающее плац, силуэты домов, полускрытые листвой и шелест песка — мой сопровождающий словно растворился в воздухе.

Что ж... думаю, пытаться искать местного в этом немаленьком комплексе зданий бесполезно. Если меня куда-то должны дальше провести, то за мной вернутся. А тем временем я могу понаблюдать за тренировкой. Со стороны это зрелище большее всего походит на тренировку ката в секции карате. Надо было заниматься, тогда может и не выглядел бы по сравнению с местными полной никчемностью. А вот и подходящие лавочки на краю плаца. У нас посторонним не запрещалось смотреть на тренировку, может и здесь меня не четвертуют.

Белые фигуры полностью проигнорировали мой маневр. Их танец продолжался, одни

фигуры сменяли другие. Белые птицы парили над белым песком, синхронно взмахивая крыльями, посохи пели свою песню. Скрип песка и ни единого слова. Никаких команд, никакого счета, только танец... Я внимательно следил за движениями — поворот, удар, блок, шаг, уход в сторону. Все это вместе слишком сложно для восприятия. Тогда я попробовал сосредоточиться на движениях ног. Когда еще я не забил на всякие секции, этот метод мне помогал разобраться в новых приемах, демонстрируемых тренером.

Пятка, носок, шаг, подшаг, уход... постепенно я уловил ритм. И вот... уже кажется, что я захваченный танцем стою среди белых фигур, двигаюсь вместе с ними. Поворот, уход с линии атаки. Посох вверх, к солнцу. Корпус назад. Руки вниз. Посох скользит в сухих ладонях. Полированное дерево ласкает кожу. В нужный момент пальцы сжимаются, древко, подправленное легким движением, кружится вокруг моей руки... Ритм подхватил и понес меня. Движение вправо-вверх. Подъем, переход, удар. Пропуск, блок. Три, два, раз. Поворот, уход, подъем. Посох порхает в руках. Тело летает по песку, изредка замирая в жесткой конструкции или сбрасывая энергию в неожиданном ударе.

Внезапно, все кончается. Белые фигуры безмолвно замирают. Ровные спины, взгляд вперед, посохи в правой руке. Без команды, в молчании, белые ряды склоняются в поклоне. Проходит миг... другой. Ряды, так же синхронно, распрямляются и замирают.

Деревья плывут вокруг, солнце, белый песок, голова слегка кружится и подташнивает. Что это было? Только что я ощущал себя одним из них. У меня в руках был посох, и я шел вместе с ними по Пути Зари... Путь Зари? Какой Путь Зари? Откуда я это знаю? Что со мной происходит?!

На плацу появилась новая фигура. По белому песку неторопливо шел монах в черно-синем одеянии. Он, казалось, неспешно прогуливается вдоль белых рядов, изредка задерживаясь и бросая пару фраз. Похоже, местный сенсей указывает ученикам на их ошибки. Ученики же никак внешне не реагировали. Безмолвно стояли, направив взгляд прямо вперед.

Закончив свой обход, сенсей встал напротив строя. На несколько секунд картина замерла. Ученики смотрят прямо, для них нет ничего интересней деревьев за спиной наставника. Учитель же безразлично глядит куда-то сквозь строй.

Монах в черно-синем что-то рявкнул. Невидимый переводчик с опозданием донес смысл его слов: — Поклон Императору Солнцу!

Строй синхронно склонился и вновь распрямился.

— Поклон Ведущему по Пути Посоха! — строй слитно повторил поклон.

— Поклон Учителю! — в этот раз в поклоне участвовал и сам наставник.

Главный монах рявкнул еще одно слово, смысл которого я примерно понял как: «Занятие окончено — всем разойтись». Ровный строй тут же смешался, разбившись на одиночек и маленькие группки. Кто-то куда-то спешил уйти, кто-то что-то обсуждал, обычная картина после окончания тренировки. Пару раз я поймал на себе любопытные взгляды, спрятанные за показным равнодушием.

Из ниоткуда возник мой утренний проводник — все та же недовольно-презрительная мина. Знаками он приказал следовать за ним... У них что — запрет на разговоры с посторонними?

Опять мы куда-то идем. Теперь улица заполнена белыми кимоно, небрежно куда-то фланирующими, ну прям студенты по окончанию пар. А вот, похоже, и наша цель — «Студенты» неторопливо вливались в большое приземистое здание. В нос настойчиво полез

аромат горячей каши... Столовая?

Да, и впрямь столовая. За большими распахнутыми дверями открылся большой зал с ровными рядами столов. Белые кимоно чинно рассаживаются по лавкам. Серые роботы разносят подносы с едой. Пайка, насколько я смог разглядеть, у всех одинаковая. Тарелка каши, нечто похожее на салат и компот. Миры меняются, а компот вечен.

Я подавил рвущуюся наружу улыбку — еще поймут не так и прибьют ненароком. А мой проводник уже тянет меня куда-то в сторону. Его рука недвусмысленно показывает на отдельный стол с одиноким подносом. Набор продуктов ничем не отличался от порций других «студентов». Что ж... я не брезгливый.

Не успел я доесть кашу, кстати, довольно вкусную, как меня снова куда-то потащили. В этот раз к лестнице на третий уровень. По пути мы миновали еще один плац, набитый уже подростками в коричневых кимоно. Среди них сновали белые, что-то показывали, поправляли, заставляли делать заново. Как я заметил, практически все упражнения связаны с посохом. Прямо какой-то шаолиньский монастырь. Хотя... откуда мне знать какими должны быть монастыри в этом мире?

Рядом с лестницей меня передали монаху в синей робе. Этот даже не утруждал себя жестами. Безразлично посмотрел сквозь меня, молча развернулся и направился к лестнице.

Внутри начало копиться раздражение. Такое впечатление, что со мной возятся, словно с маленькими ребенком. Будто я должен быть благодарен только за то, что дышу одним воздухом с ними. С другой стороны, возражал голос разума — собственно, а кто я в этом мире? Как сказал Мрак — ты никто, и звать тебя никак. Даже в движениях белых студентов прослеживается хищная грация. Я же по сравнению с ними выгляжу неуклюжим ребенком. Чего уж говорить о синем проводнике, непринужденно скользящем по лестнице впереди меня. Хорошо хоть ноги после вчерашнего марафона не болят, а то был бы полным инвалидом...

Отвлечись от неприятных мыслей, я бросил взгляд на открывающийся с лестницы вид. Ухоженные аллеи, каменные островки домов, дороги с фигурками людей и плацы. На белых квадратах коричневые и белые фигурки. Где-то они синхронно двигаются в танце, где-то разбиты на пары, отрабатывают приемы. Этот уровень дышал жизнью. Жил, подчиняясь своему собственному ритму, готовил новых идущих по Пути Посоха...

Между делом мы дошли до конца лестницы. На площадке перед воротами дежурил уже черно-синий монах. Его взгляд устремлен куда-то вдаль. Он не замечал ни меня, ни моего проводника в синем, замершего в почтительном поклоне. Я мысленно усмехнулся — чем выше, тем меньше реакции на низших.

Интересно... на мне белое кимоно. По здешнему табелю о рангах я должен перед черно-синим на карачках ползать. А я стою, в отличие от моего синего проводника. Наверное, такая ситуация должна здорово бесить этих спесивых снобов. Эта маленькая, злорадная мысль, немного подняла настроение.

Привратник скользнул по нам безразличным взглядом. Не произнес ни единого слова, не сделав ни единого жеста, он равнодушно отвернулся и вновь начал рассматривать горные вершины. Мой проводник простоял в поклоне еще несколько секунд, затем распрямился и тоже, без единого жеста или слова, направился в распахнутые ворота. После секундного колебания я последовал за ним.

Третий уровень во многом похож на второй. Только больше зелени, дома облицованы белым мрамором и в целом все выглядит более опрятным и ухоженным. Да на очередном

плацу тренировались уже монахи в синих кимоно. Но деталей разглядеть не удалось — мы резко свернули в небольшой сад.

За зарослями деревьев, похожих на ивы, скрывалась небольшая полянка. В центре лужайки, на берегу маленького пруда, красуется небольшая беседка с резной покатой крышей. За фигурной оградой виднеются две темные фигуры. Мой проводник махнул рукой в сторону беседки и отступил назад — мне предлагают прогуляться в одиночестве?

Но уже некого спрашивать. Монах отвернулся и растворился среди деревьев. Эта манера периодически бросать меня в одиночестве раздражала. Как будто им наплевать на меня. Хотя... им на самом деле наплевать.

Так о чем беспокоиться? Можно смело идти и если что-то будет не так — то это их проблемы. Через пару шагов я заметил узкую, буквально сантиметров тридцать шириной, тропинку, вымощенную белыми покатыми камнями. Она плавно извивалась в невысокой траве, практически незаметная со стороны. Будем воспитанными людьми — пойдем по дорожке.

В беседке сидели два человека в знакомых черных комбинезонах. Кстати, мебели и в помине не было — сидели на больших плоских подушках, лежащих на отполированном до блеска деревянном полу. Из мебели только низенький столик в центре беседки с двумя глиняными кружками. Обстановка чем-то напоминала чайную церемонию.

В одном из присутствующих я без труда опознал Несущего Мрак. Кромка его одежды слегка дрожит, расплываясь, рядом лежит большая конусовидная соломенная шляпа. Его собеседник мало чем от него отличается. Очень похожий комбинезон с капюшоном, скрывающим лицо. Только цвет комбинезона немного другой, менее темный, что ли...

— Садись, — сказал Мрак на языке Империи Солнца, указав мне на свободную подушку. Хоть он не ленится пояснять свои жесты... Или это намек, чтобы я не ляпнул что-нибудь на русском?

Тут я чуть было не опростоволосился, только в последний момент заметил аккуратно снятую у входа обувь. Еще бы немного, и залез бы грязными ногами на сверкающий пол. Хоть бы местным правилам вежливости научили... Неловко сняв мокасины, я наконец зашел в беседку и неуклюже примостился на подушку.

Близость местных вызывает во мне чувство неполноценности. Они двигаются, разговаривают и даже просто сидят с какой-то неуловимой грацией. Ощущение внутренней гармонии, полной уверенности в себе, проскальзывает в каждом движении, жесте. Особенно в этих двух. Никто из них не делал ничего угрожающего, но я ясно понимал, что при желании меня прихлопнут как муху, за доли секунды.

— Хххсааа... — произнес Мрак шипящим голосом. — Это ученик, и ты должен его учить искусству боя Тени четыре года.

«Это они про меня что ли?!» — ошарашило меня. Внешне я никак не отреагировал — но не из-за стальной выдержки, просто слишком сильно удивился.

Незнакомый мне человек в черном комбинезоне не спеша поднял руку. Капюшон бесшумно соскользнул с лысой головы, открыв миру невзрачное лицо с чуть раскосыми глазами. Я попытался всмотреться — безуспешно. Мой взгляд словно соскальзывал с этого лица, тщетно пытаясь зацепиться хоть за какие-то отличительные черты.

В беседке повисло глухое молчание. Невыразительные глаза стального цвета безразлично буравят меня. И мне тяжело и неудобно от одного этого взгляда. Мрак молчит.

— Да будет так, — сказал незнакомец и наконец отвел взгляд. Рука так же неспешно

поднялась, капюшон снова скрыл невзрачное лицо. Сухой, шипящий голос спросил: — Когда мне начать обучение?

— Завтра утром, — ответил Мрак и после небольшой паузы продолжил: — Тебе покажут место для тренировки и предоставят все необходимое.

Невзрачный человек, закутанный в черный комбинезон, слегка склонился и выдохнул что-то шипящее. Не успели отголоски шипения стихнуть, как он плавно поднялся, скользнул к выходу и вот он уже удаляется, бесшумно плывя по травяному озеру.

Я молчал. Я не знал, что говорить, как реагировать на происходящее. Поэтому просто молчал.

Мрак тоже не спешил. Его рука плавно скользнула к невысокому столику в центре беседки. Так же плавно подняла глиняную кружку, чуть подержала перед лицом и вернула на место.

— Это Мастер Тени, — разрезал тишину сухой голос. — Он будет твоим учителем на протяжении трех лет.

Мрак замолчал, я молчал тоже.

— Если выживешь, конечно, — продолжил Мрак тем же сухим голосом. — Отнесись к этому серьезно... очень серьезно. Выполняй в точности все его поручения... Старательно, очень старательно... От этого зависит твоя жизнь... и даже больше.

Прервав свою речь, Мрак поднялся. Я не видел самого движения, в одно мгновение он сидит, в другое уже стоит.

Тебя сейчас проводят назад. Возьми этот флакон, — я заметил на столике небольшой флакон из черного стекла, еще секунду назад его там не было. — Когда придешь, ляжешь на постель и выпьешь его... весь. Это средство мобилизует твой организм и поможет тебе выжить на тренировках, — мне показалась, в последних словах мелькнула усмешка. — Теперь, все зависит только от тебя.

Соломенная шляпа скрыла голову Мрака. Еще мгновение, и он повторяет путь моего нового учителя, так же беззвучно скользя по травяному озеру. Я остаюсь один.

Я сижу в своей келье, передо мной на столе флакон из черного стекла. Во флаконе, по всей видимости, какая-то термоядерная смесь, призванная «мобилизовать мой организм». Если я ее выпью, мне станет настолько плохо, что Несущий Мрак посоветовал заранее лечь в постель. А если не выпью, то на тренировках мне будет еще хуже.

Я потянулся к флакону — небольшое усилие, и стеклянная пробка покидает узкое горлышко. Поднести флакон к лицу. Взмах рукой над горлышком, как учили на химии. Нос щекочет запах спирта и чего-то еще, непонятного...

В конце концов, кого я обманываю? Хотели бы меня убить — давно бы убили. Одного удара бы хватило. И никаких заморочек с ядами в черных склянках... Так что надо пить... пить яд, чтобы жить... Странные мысли у меня возникают в последнее время.

Отставив флакон, я извлек из сумки флягу, на дне булькнули остатки воды. Водой плохо запивать, но за неимением гербовой... К стеклянной пробке, присоединилась металлическая пробка от фляги. Теперь флакон в правую, флягу в левую... Эх, жаль закусить нечем... Голову вверх, рот распахнуть, не дышать.

Огненной, обдирающей горло, струей зелье устремилось вниз по пищеводу. Сразу же, вдогонку за ним, понеслись остатки воды. Я замер. Горло горело, на языке стоял отвратительный привкус, в желудке ворочался неприятный ком... Хм... Бывало и хуже... Может, местные не рассчитывали на пьющих водку и самогон русских студентов?

Тут ком в животе взорвался. Огненная волна прокатилась по телу. В ушах эхом отдался чей-то хрип. В глазах все помутнело и расплылось от слез. За волной огня пришла боль. Кто-то вонзил в мой живот меч, и теперь проворачивает его, разрывая внутренности. Снизу поднимается рев боли. На секунду замирает, клопоча в горле, и вырывается наружу, разрывая голосовые связки. Я сложился пополам. В застланных слезами глазах мелькнула столешница. Потом осталась только боль...

Кажется, меня кто-то бьет по щекам. Во рту отвратительно гадостный вкус. Голова от чужих ударов мотается на ватной шее. Наконец, меня перестают бить — незнакомец отпускает меня. Затылок с размаху бьется об каменный пол. Бум... Боль набатом прокатывается по черепу, отдается в висках и замирает в глазах. От нестерпимой боли они распахиваются — я вижу размытое белое пятно. Пятно постепенно конденсируется в моего вчерашнего проводника в белом кимоно.

Вот только что-то с ним не так... Куда делось презрительно-недовольное выражение? На лице молодого монаха легко читается сильное беспокойство и... страх. Очень сильный страх. Что же его так напугало?

Сбоку появилось черное пятно. С трудом сфокусировав взгляд, я различил человеческую фигуру в черном мешковатом комбинезоне с капюшоном. Наверное, вчерашний незнакомец из беседки. Странно... Мрак говорил, что тренировки начнутся с утра завтрашнего дня... Или я тут валяюсь уже почти сутки?

Незнакомец сделал неопределенный жест рукой, как будто смахнул что-то со стола. Монах, с видимым облегчением, низко поклонился и торопливо покинул комнату. Оставшаяся в одиночестве черная фигура стала пристально изучать меня. Я чуть ли не физически ощущал, как скрытые под капюшоном глаза ползают по моему телу. Снимают одежду, кожу, проникают сквозь мышцы к костям.

Неуловимым движением фигура склоняется надо мной. Стальные пальцы впиваются в челюсть. В поле зрения появляется черная рука, держащая фиолетовый стеклянный флакон... уже открытый. Еще одна отравка?!

Мои жалкие трепыхания были просто незамечены. Как не замечает дорожный каток сопротивления раздавливаемой лягушки. Новая огненная струйка пролилась через разжатые железными тисками зубы. Все внутри меня заполонил обжигающий, ментолово-мятный вкус. Тиски исчезли. Я дернулся и снова об что-то ударился головой. Залитые слезами глаза слепы, в желудке полыхает новый огонь.

— Поднимайся вверх, на внутренний двор, — донесся сквозь рев внутреннего пожара шипящий голос.

Я лежу на каменном полу, силясь вздохнуть без всхлипа. Каждое движение воздуха отзывается свербящей болью в носу, в горле и потоками слез. Где-то в отдалении, за ментоловой мутью, хлопнула дверь.

Не знаю, зачем я встал. Зачем полз к двери, опираясь на жесткую кровать. Зачем тащился по коридору к лестнице. Зачем поднимался, шатаюсь и рискуя опрокинуться назад. Наверное, мое проклятое упрямство снова решило всплыть из глубин сознания.

Впрочем, каждый следующий шаг мне давался все легче и легче. Ментолово-мятный пожар постепенно спадал, унося с собой разбитое состояние и оставляя за собой ментоловую свежесть. Свежесть... меня сейчас стошнит от этой свежести.

Я остановился, шатаюсь и держась рукой за стену. До меня только сейчас дошло — я не знаю, куда идти. Я понятия не имею, где тут внутренний двор. В этом доме мне известна только келья, да коридор с массивными дверьми.

Позади донеслись чьи-то торопливые шаги. Я оглянулся — из-за поворота выскочил давешний монах в белом кимоно. Страх в его взгляде уже нет, его сменила нешуточная озабоченность. На секунду монах замер, недоумевающий взгляд уперся в меня. То, что я стою посередине коридора, без сопровождения, явно не вписывается в его картину мира. Я открыл рот... и тут же захлопнул его. Перед глазами всплыла картина горного склона, и удар Мрака. С местными надо разговаривать на местном языке.

— Внутренний двор, — слова чужого языка с неохотой сорвались с моих губ.

В глазах молодого монаха забрезжило понимание. Он указал на одну из дверей недалеко от себя, и даже открыл и придержал ее, пока я к ней ковылял. За дверью оказалась небольшая комната с увешанными разнообразным оружием стенами. Сквозь небольшие окна падают косые солнечные лучи. В противоположной стене, между окон, темнеет новая массивная дверь. Сдается мне, это выход во двор, вот только с дверями у них нет никакого воображения. Я проковылял через комнату и положил руки на тяжелую створку. Монах наблюдает за мной из коридора, не проявляя никакого желания помочь. Ну и черт с ним... Я налег на грубое дерево.

Солнце на несколько секунд ослепило меня. Сквозь новые слезы постепенно проступил плац, засыпанный белым песком... Только в этот раз его окружают стены дома. По бокам стоят разнообразные деревянные конструкции, лесенки, манекены, непонятные сооружения с торчащими деревянными отростками. Вдоль конструкций неспешно прогуливается незнакомец в черном комбинезоне.

— Тебе незнакомы наши обычаи, — сухой шипящий шепот отчетливо слышен, хотя до чужака метров десять. — Ученик, придя на место для тренировки, должен совершить эххой.

Я не сразу понял, что он хочет. Последнее слово имело смысл похожий на «Отдать дань»

уважения». Но, потом вспомнил — на секции карате было принято кланяться при входе в зал для тренировок. Я выпрямился и медленно поклонился. Похоже, здесь будут заставлять кланяться при каждом удобном случае, как этих белых болванчиков.

— Ты должен благодарить не меня, а дух этого дома — фигура в черном наконец повернулась. Я снова ощутил его рентгеновский взгляд, по позвоночнику пробежали мурашки.

— Зови меня Мастер, — прошипела фигура. — Ты должен выполнять все, что я скажу. Быстро и с полной отдачей... Отжимайся.

Интересно, а здесь под отжиманиями понимают то же самое, что и в моем мире? Тело тем временем само приняло позицию «упор лежа»... Как бы я не храбрился, сколько бы раз не повторял про себя, что смерть мне безразлична, — все равно этот Мастер пугает меня до дрожи в коленях. С некоторым напрягом я отжался пятнадцать раз и замер, опершись на вытянутые руки. Что же будет дальше?

— Вижу, ты меня не понял, — раздался шипящий голос над самым ухом.

Стальная хватка на моем плече. Резкая боль, плац перед моими глазами рывком изменяется на синее небо. Его тут же заслоняет черный капюшон. Боль и тяжесть на груди. Хрип захлебывается. Во рту грубая деревяшка, давящая на челюсти и разрывающая губы. Потом... потом все поглотила боль...

Эта боль непохожа на то, что я испытывал раньше. Она, словно вспышка молнии, поразила все тело разом. Заполнила и ослепила меня. Наверное, я кричал. Я не видел ничего, кроме ультрафиолетовой-белой боли. Я не слышал ничего, кроме боли. Я плыл по океану из боли, боль была вокруг меня, и я был ее частью.

Не знаю, сколько это продолжалось. Просто, в один момент, белая боль сменилась красной. Потом она опала, и появился синий цвет. Я не сразу понял, что синий это не цвет боли. А когда понял, то просто лежал и наслаждался им. Он нес покой и умиротворение. Лежать в нем хорошо и приятно. Потом, я поплыл куда-то, и синий сменился холодным серым. Серый не такой теплый. Но мне все равно — главное, что в нем нет боли. Все что угодно, хоть черный, только без боли.

Очнулся я уже вечером, на жесткой кровати в своей келье. Все тело глухо ныло, в голове темным маревом висели воспоминания о произошедшем. На этом фоне ощущения от саднящих губ тихо меркли. Я лежал и смотрел в никуда ничего невидящим взглядом.

Лежал, пока не надоело, и не появился голод. Он заставил меня встать. Встать и съесть еду на столе. Неведомые добрые духи оставили поднос с едой. Вкус еды не ощущался. Все чувства будто умерли. Осталось только зрение... Я видел красно-оранжевые отблески заходящего солнца. Лучи прорывались через узкое окно и отпечатывались на сером камне. Я сидел и смотрел на них. Смотрел, пока они не стали кроваво красными. Кровавые отпечатки медленно потускнели и растворились в тусклом камне стен.

Я один. Есть только пустота внутри меня.

«Ад» — вполне подходящее слово для описания проходящих дней. Каждый день был адом. Он начинался рано утром, когда надо было встать, одеться и заставить себя подняться по лестнице на тренировочную площадку, преодолевая тошноту и слабость. Потом ад из бесконечных изматывающих упражнений — этот ад легче. Легче, потому что не нужно думать. Просто выполняешь приказы. Выполняешь, пока могут двигаться мышцы.

Если что-то делаешь не так — наступает боль. Эта боль лишь бледное подобие той, первой, самой страшной боли. Но это подобие пугает. Пугает очень сильно, одним напоминанием о том, что та боль может вернуться. Страх заставляет двигаться... двигаться даже если кажется, что не я могу сделать больше ни единого шага. Меня выжимают до конца, каплей за каплей выкручивая мускулы и сухожилия. И мне все равно... Лишь бы не возвращалась боль.

Иногда я вспоминал о доме. Воспоминания — единственное убежище в этом аду. Хотя сначала я старательно избегал думать о своем мире. Любое неосторожное прикосновение к запретным уголкам памяти приносило с собой глухую волну тоски. Родители, институт — сейчас все кажется таким далеким, нереальным. Лица друзей... иногда они сами собой мелькают перед внутренним взором. Они приносят с собой боль, уже не физическую — духовную. Но даже это лучше реальности. Исключая тех моментов, когда я вспоминал мать. Это было хуже всего.

Люди устроены странно. Они совершенно не ценят то, что у них есть. Только потеряв, понимают, чего лишились. Так и я... Только оставшись в одиночестве, я понял, что для меня значили родители. У меня была семья, были друзья, было будущее, было свое место в мире. Сейчас же остался только ад. Ад на долгие годы. И неизвестность... Неизвестно — выживу ли я. И самое главное — зачем? Зачем мне все это терпеть?

Но пока я терпел. Не знаю почему, но каждое утро вставал, поднимался наверх и занимался. Тренировался до кровавых мозолей, выполнял упражнения до потери сознания. Потом вставал и снова тренировался. Зачем я это делал? — не знаю. Наверное, все-таки из-за страха. Боль — это страшно. Что будет потом — в момент, когда тяжесть ада перевесит страх? Не знаю, но это тоже пугает. Я стараюсь не думать об этом. Потому что... страшно.

Ноги распяты в растяжке на поперечный шпагат, в вытянутых руках, параллельно земле, короткие тяжелые палки. Связки нудно стонут, мышцы ног мелко дрожат, руки... я просто не понимаю, почему они еще не упали. Соленый пот, кажется, выступает из каждой поры. Солнце, хоть и не жаркое, но все равно ощутимо печет затылок и плечи. Я стараюсь удержать равновесие, одновременно пытаюсь расслабить ноги — тогда не так больно стоять в растяжке.

Капля соленого пота катится по лбу, минует брови, переносицу, сбегает по носу. Замирает на кончике и качается. Даже сдуть ее, нет сил. Наконец, срывается и падет... падает на белый песок, чтобы тут же исчезнуть без остатка. Невольно я проследил за ее полетом. Тело чуть наклонилось вниз. Вздрогнуло. Руки опали, словно перерубленные веревки. Я пытаюсь спасти положение, но добиваюсь лишь падения назад. Тело складывается как сломанная марионетка, спина бухается на горячий плац. Потная кожа мгновенно покрывается песчаной корочкой... А я смотрю в небо, в такое глубокое, синее небо... Сейчас будет больно.

Скрип песка — сенсей идет. И ведь не таится, я-то прекрасно знаю, как он умеет бесшумно подкрадываться. Специально так делает, чтобы я боялся.

— Расслабься, взгляни внутрь себя, слушай биение сердца, — раздается ненавистный шипящий голос.

Странно... вместо боли какие-то наставления. Часть моего сознания замерла от неожиданности — другая привычно попыталась их исполнить... Расслабься? Куда уж расслабленной... Я не смогу напрячься, даже если захочу. Посмотреть внутрь себя? Часть сознания продолжает смотреть в небо. Другая часть словно закрыла глаза. Это странно — видеть одновременно небо и мерцающие желтые и красные круги. Они плыли, расширялись и исчезали. На месте исчезнувших тут же возникали новые. Что там еще — слушать биение сердца? Бум... Бум... Бум... Под глухие удары большого тамтама круги цвели, завораживая своим странным, величавым ритмом.

— Обратись к Холоду. Ощути Силу. Окунись в ее поток, — шипящие слова странным образом накладывались на ритм, вплетаясь в него, становясь его частью.

Я не знаю, как это описать... словно мое тело извернулось невыносимым образом, и упало в холодную горную реку. Маленькие струйки, ручейки и потоки холодной воды пронизали мою суть, проходя через каждую кость, через каждую мышцу, через каждую клетку моего измученного организма. Они несли с собой желанную прохладу, тушили угольки утомления и боли.

— Отдай потоку свою усталость. Возьми Силу. Наполни свое тело Силой, — журчащий голос пробился сквозь ледяной водопад.

Я по-новому взглянул на свое тело... точнее — ощутил. Одновременно видя его со стороны и чувствуя каждую клеточку... зная, как она должна выглядеть. Кости — почти серые и незаметные. Жгуты мышц — розовые, какого-то блеклого, усталого оттенка. Растянутые связки теплятся красноватым, нагруженным цветом. Мерцающая холодно-синим сеть нервов. На миг я отстранился от завораживающего зрелища, и обратился... к чему-то... Еще миг — ручейки прохлады изменили свое течение. Теперь они обтекали мышцы и связки, одновременно проникая внутрь и оседая маленькими холодными искорками. Постепенно красный и розовый сменялся прохладным, спокойным синим цветом. Это похоже на ночной вид большого города из окна самолета... Волшебное поле сверкающих самоцветов. Мерцающее, текучее, переливающееся...

— Достаточно! — ворвалось в мое сознание, чье-то шипение. — Отринь Силу, и возвращайся назад.

С большой неохотой я все же подчинился. Почему-то этот голос имел власть надо мной, хоть и вызывал крайнюю неприязнь. Волшебная россыпь огней растворилась в красно-желтой мути. Бум... Бум... Бум... Муть заколыхалась под ударами больших тамтамов. Круги от ударов невидимых барабанов были все больше, резче... Наконец, муть начала рваться, обнажая в проемах светло-синий цвет...

Я смотрю на небо... Мне хорошо... У меня ничего не болит... И не надо никуда идти... Мне хорошо...

— Вставай! — резкое шипение полностью разрушило идиллию неги и покоя.

Я подчинился... опять. Передо мной каменная стена, рядом с ней угрожающего вида деревянная конструкция, больше похожая на перекрученную пыточную клетку, под ногами белый песок... где-то я это уже видел.

— Обернись, — неведомая сила развернула меня на сто восемьдесят градусов. —

Смотри, — черная рука ткнула вниз.

На песке рядом с моими ногами отпечатался контур человеческого тела. Он выглядел довольно... необычно — весь контур покрыт белоснежной изморозью. Словно тут лежало тело из жидкого азота.

— Еще немного, и ты бы стал куском замерзшего мяса, — прошипело у меня над ухом. — Запомни навсегда, любое обращение к Силе — это смертельный риск. Любая ошибка — смерть.

Тут я все вспомнил. Вспомнил кто я, где нахожусь и почему. Словно возвращаешься в хорошо знакомое место после долго отсутствия — распахиваешь дверь, и на тебя накатывает волна знакомых ощущений. Вид знакомой прихожей, запахи, эмоции, картинки из далекого прошлого... Добро пожаловать обратно в ад. Я криво усмехнулся... про себя. Скрывать эмоции меня научили быстро и больно. Но, все-таки, что же это было?

Я вопросительно посмотрел на своего учителя, и случилось чудо. Впервые он снизошел до объяснений:

— Сейчас ты истощен физически и духовно. Ничто не мешает обратиться к Силе. Запомни это состояние. Отныне ты будешь каждый день работать с Силой, или умрешь.

Весело... Обращение к Силе — смертельный риск, не обратиться — смерть. Удивительно, почему я все еще жив?

Небольшая оплеуха привела меня в чувство. Совсем небольшая, только лязгнули зубы, и я кувыркнулся на песок.

— Продолжай выполнять Путешествие Аой[1], ученик, — странно, последнее слово было произнесено с явным сарказмом. На моей памяти это едва ли не единственное проявление эмоций этого черного демона.

Пока я удивлялся, тело само подобрало палки и вернулось в позицию для растяжки. Чему-чему, а подчинению меня научили на отлично... Методом электрошока... Зато можно спокойно подумать над произошедшим, пока другой слой сознания занят поддержанием равновесия. Кстати — что там с моими мышцами?

Мышцы чувствовали себя просто отлично, как и связки. Как будто провалился в постели дня три. Исчезла усталость и ноющая боль. Мускулы налились новой силой. Единственно, все тело было каким-то... одеревеневшим, словно подмороженным. Последствия обращения к Силе?

После «Путешествия Аой» последовал «Круг Сатха», по намекам невидимого переводчика, этот комплекс назвали в честь знаменитого в древности монаха путешественника. Путешествовал он много и разнообразно — почти два часа всевозможных упражнений: кувирки, гусиный шаг, перекаты, хождение на коленях и многое другое. В начале, да и сейчас, очень помогала печать познания. После завершения очередного упражнения появлялось знание о следующем, как именно его выполнять и сколько раз. Правда, стоило отвлечься и знание уплывало. Потом следовала неизбежная ошибка и кара болью.

Благодаря подзарядке занятия сегодня продлились на два часа больше. Солнце уже клонилось к закату, когда я сверзился с очередного пыточного комплекса. Рухнул, и не смог встать. Мой учитель даже не стал меня мотивировать на продолжение упражнений, только что-то прошипел и исчез во тьме дверного проема. Двери перед ним всегда распахивались легко и абсолютно бесшумно.

Прошло еще полчаса, прежде чем я смог подняться. Эти полчаса я провел в

размышлениях. Не так часто у меня бывает возможность спокойно подумать. Вырвавшиеся на свободу мысли скакали, словно теннисный мячик. Вот холодная как ад рука умирающего незнакомца впечатывается в мою грудь. Вот первое явление Мрака — и тут же образ старца с усыпанной самоцветами бородой. Ощущение пустоты в душе утром следующего дня. Внезапно все закрывает лицо Тахира, над чем-то весело смеющейся, почему-то я уверен — она смеется надо мной. Вот, уже сегодняшней день, река прохлады, россыпь из холодных синих огней. Но... огни заслоняет образ моей старой квартиры — кухня, на столе тушеная картошка с курицей. От курицы идет умопомрачающий запах, поджаренная кожица с ломтиками лука, капельки жира переливаются и капают на румяную картошку.

Гм-м... надо спуститься в свою келью и поесть. Монахи исправно поставляют еду прямо в номер или на плац во время обеда. Только съесть ее не всегда получается. Сначала меня тошнило при виде еды, но потом я ощущал только зверский голод.

Я с трудом поднялся. Обессиленные пальцы несколько раз соскальзывали с деревянной стойки. Поднявшись, я с удивлением посмотрел на свои колени, от дрожи мышц они гуляли, выписывая странные ломаные кривые. Чудеса... нет, бывало и хуже, но сейчас я себя не ощущаю настолько разбитым. Будто мои ощущения идут в разрез с реальностью, показывая картину лучшую, чем есть на самом деле.

Так, теперь шаг, другой. Если напрячь мышцы, блокируя колено, то дрожь прекращается, и можно ходить, деревянным шагом старого паралитика. Но сейчас плевать, как я выгляжу — главное дойти до своей кельи и поесть.

На краю зрения мелькнуло темное пятно на галерее второго этажа. Обернувшись, я увидел стройную фигуру в темно-коричневом, почти черном платье. Слегка рыжеватые, прямые волосы, затянутые в сложную прическу, перевитую темно-коричневыми лентами, лицо... странное, бледное, неземное лицо, словно нарисованное талантливым художником легкими, летящими касаниями кисти. Заинтересованно-отрешенный взгляд, словно смотрящий одновременно на меня и сквозь...

Девушка... девушка здесь, в монастыре?! Более того — в странном, европейского вида платье! Удивление на несколько секунд парализовало меня, увиденное полностью выпадало из сложившейся картины этого восточного мира.

А девушка тем временем продолжала смотреть на меня странным, отрешенным взглядом. В ней не было ни единой капли «восточности», постоянно мозолящей глаза. Вместе с тем, в ней присутствовал тот привкус чуждости, характерный для всего, что я видел в этом мире. Мысль — «Может, она из моего мира?!» мелькнула и бесследно исчезла. Девушка явно местная, но принадлежит к совершенно иной культуре.

«Как она здесь оказалась? Что она здесь делает?» — новым вопросам суждено остаться без ответа.

Некоторое время мы так и стояли, смотря друг на друга. Она, похоже, видела что-то мне недоступное, а я не мог решиться обратиться к ней. Молчание царило между нами. Нереальность ситуации неудобным грузом лежала на сердце, лишь легкий ветерок напоминал о том, что все это происходит на самом деле.

Наконец, она медленно закрыла глаза. Еще миг, и точеная фигурка удаляется от меня. Проходит еще мгновение, кажущееся вечностью, и стук двери возвращает меня обратно к жизни.

Я бессмысленно смотрел на дверь, за которой скрылась незнакомка. Эта встреча совершенно выбила меня из колеи. Усталость навалилась тяжелым комом. Голова стала

пустой, глухое безразличие воцарилось в душе.

Не оглядываясь, не обращая ни на что внимания, я направился к своей комнате.

[1] Комплекс упражнений на растяжку. Аой — дерево похоже на иву.

И вновь дни закружились однообразной выматывающей каруселью. Но теперь через них проходила ярко синяя нить Силы. Работать с Силой было интересно, мне открывалось нечто новое, необычное, яркое... Это сложно описать — иногда Сила напоминала горную реку... иногда извилистый и звонкий ручей... а порой, северное спокойное море... Но она всегда была холодной.

Я окунался в нее, просил изменить свое течение, поделиться со мной — и она отзывалась. Поток омывал меня, уносил усталость, оставляя взамен часть себя. Синие искорки растворялись во мне, даруя вторую жизнь измученному телу, новый поток душе. Иногда поток звал с собой, предлагал погрузиться в него полностью, раствориться, плыть вместе с другими искрами. Забыть о боли, страдании, неизвестности — и я ощущал, что могу просто уйти. Оставить этот пугающий жестокий мир и стать чем-то другим, частью чего-то могучего, бессмертного, безразличного. Но что-то меня удерживало. Удерживало каждый раз, хотя достаточно лишь сделать шаг. Наверное, это страх, и что-то еще... упорность, отказ принять поражение и маленькая, тихая надежда, что я пройду этот ад. Поток не возражал, ему было все равно.

Пару раз приходила мысль: «А что будет, если я просто умру? Умру внезапно, от рук сенсея или других доброжелателей — что будет со мной?» И тут же следовал ответ: «Ты присоединишься к потоку, ты уже его часть». Может быть странно — но от этого знания приходило спокойствие. Я переставал бояться, переставал дергаться и спокойно и тщательно выполнял команды сенсея. Я изменялся, становился другим.

Тренировки постоянно менялись — медитации, растяжка, бег, дыхательные упражнения, силовые, на координацию. Некоторые из них просты и понятны, вроде пресловутого шпагата, судить о назначении других мне просто не хватало фантазии. И Сила... мне практически постоянно приходилось обращаться к Силе. Тоненький ручеек постоянно лился, поддерживая уставшее тело. Мускулам физически не хватало времени для восстановления.

Два раза я проходил по краю, в первый раз отделался примерзшими к ноге штанами — отодрали вместе с кожей. Второй раз, похоже, отморозил себе часть легкого. Несколько дней я кашлял кровью и задыхался от боли в груди. Монахи заставляли пить настои на редкость гадостного вкуса и дышать парами какой-то вонючей смеси. Помогло... и довольно быстро. После этого я стал осторожней, постоянно контролировал себя, даже если это грозило наказанием от сенсея.

Учитель не останавливался и не давал возможности отдохнуть. Тренировки шли каждый день, начиная с утра и до того момента пока я не валялся с ног, полностью истощенный. Каждый раз он придумывал что-то новое. Мои новые способности служили лишь поводом продлить и усложнить тренировки.

— Подойди сюда, — тихое шипение ворвалось в мои мысли. Выбравшись из очередной пыточно-тренажерной конструкции, я подошел к сенсею. Тело расслаблено, взгляд опущен, голова почтительно склонена. Местные правила вежливости в меня вбили быстро и эффективно. И сейчас меня могут наказать за витание в облаках. Впрочем, я сохраняю спокойствие, как внутренне, так и внешне.

Руку обожгло болью. На предплечье из широкой царапины... пореза, выступает кровь.

Капли сливаются вместе, скатываются вниз, прокладывают красные дорожки, скользят между пальцев, срываются и исчезают в песке. Песок слипается, отпечатки быстро сливаются в одно большое, бордовое пятно. Удара или замаха я не заметил, сенсей двигался со скоростью, находящейся за гранью моего восприятия.

— Лечи, — краем взгляда я заметил, как мой учитель бесшумно развернулся и пропал из поля зрения.

Лечить... Я поднял руку — из длинного, сантиметров двадцать, пореза щедро выступает кровь. Порез неглубокий, вены не задеты, если просто замотать — быстро заживет. Заживет... я криво усмехнулся... про себя. Раз сенсей сказал лечить, то надо лечить. Халтура или попытки «не понять» приказа пресекались моментально и... очень больно.

Я сел на песок, прямо там, где стоял, только чуть отодвинулся от пятна. Сосредоточиться, очистить разум от посторонних мыслей, обратиться к Силе. Поток, маячивший на краю сознания послушно откликнулся. Прохлада... приятный холодок объял мое разгоряченное тело. Недавно заметил, я практически перестал потеть. Достаточно небольшого обращения к Силе, тени желания, чтобы убрать лишнее тепло.

Закрывать глаза, окунуться в темную прохладу, погрузиться в другой мир. Сверкающие огоньки, переливающиеся в ритме биения сердца. Отодвинуться немного назад — теперь видно все тело. Красные мышцы, сероватые кости, пылающие синим огнем нервы. Все органично связано, слито в единой гармонии. Если приблизиться — можно разглядеть отдельные волокна мышц, маленькие сосуды, наполненную жизненной силой кровь.

От этой картины каждый раз перехватывало дух. Какое это все-таки чудо — человеческое тело. Живая сверкающая ода чему-то божественному. Возможно, все это лишь мое воображение, но это зрелище... слишком живое, и слишком захватывающее. В очередной раз я с трудом оторвался от этого великолепия. Если слишком увлечься, то можно потерять себя, заблудиться в сверкающих огнях... и потухнуть...

Рука... правая рука и порез на ней. Пространство, послушное моей воле, сместилось. Перед моим «взором» сложная конструкция предплечья... или того, что можно назвать предплечьем. Мышцы, сосуды, нервы, кровь, лимфа, кожа... слишком сложно... и просто страшно испортить что-то в своем теле. Но надо... надо научиться лечить себя, и тут сенсей прав.

Усилием воли я попробовал найти порез — это оказалось несложно. Рана ощущалась как нечто неправильное, диссонанс в отлаженном механизме. Место, откуда шли тревожные сигналы, где пропадала живительная кровь.

«И что дальше?» — простая мысль поставила меня в тупик. И в самом деле — что делать дальше? Замораживать себя я умею, снимать усталость тоже, а вот лечить раны — нет.

Не знаю, сколько я просидел в трансе. Когда я открыл глаза, уже наступила глубокая ночь. Сначала получилось прекратить кровотечение — просто охладил края раны, а может к этому времени кровь просто успела свернуться. Я тогда еще внутренне улыбнулся, представив себе, как мои раны мгновенно покрываются корочкой льда, на манер какого-нибудь терминатора из американского боевика. А потом настал ступор — я не знал, что делать дальше и не было никаких идей. Выручила та же ассоциация с терминатором. Я подумал: «А почему бы мне не поделиться Силой со своим организмом, чтобы он сам залечил рану в ускоренном режиме?»

Идея хорошая, только претворить в жизнь ее оказалось очень сложно. Тело не хотело

брать Силу, или брало ее слишком много. Избыток становился угрожающим для меня, диссонанс охватывал всю руку. Такое впечатление, словно система шла в разнос. Приходилось останавливаться, потихоньку убирать Силу, и начинать все сначала. Это сложно описать, но в конечном итоге у меня получилось. Поток равнодушно тек мимо и сквозь, ничтожная доля его задерживалась и поглощалась. Сила, уже измененная, направлялась к месту диссонанса и помогала моему организму бороться с ним. И это работало, я чувствовал, пусть гораздо медленней, чем хотелось, но работало.

Черное небо. Звезды. Прохлада... Тихий стрекот местного сверчка... Покой... Хочу просто покоя... Никуда не идти, ничего не делать, просто лежать. Лечебный транс отнял силы как полноценная тренировка. Голова совершенно пустая, мысли ворочаются с трудом и ограничиваются простейшими конструкциями-желаниями. Пошатываясь, я поднялся и побрел в свою келью. Спать мне хотелось еще больше, чем покоя.

Следующее утро, плац. Я жду учителя, порез слегка зудит и чешется. Я знаю — регенерация идет гораздо быстрее обычного, но вот хватит ли этого сенсею? Черная фигура появилась как всегда внезапно. Секунду назад плац был пуст, а вот уже в десяти шагах темный силуэт идет ко мне прогулочным шагом.

Сначала эта манера внезапно появляться сильно нервировала. Потом я как-то догадался спросить печать, и у меня даже получилось. Пришедшее знание несколько пояснило ситуацию. Я узнал не только о своем учителе, но и получил кусочек информации о социальном устройстве этого мира. Мрак называл моего учителя Мастером Тени. Мастерами в этом мире называют людей, достигших высот Искусства одного из Домов. Дома Тени занимаются шпионажем и убийствами, иными словами — эдакие ниндзя. Мастера Тени — лучшие убийцы и шпионы, воспитанные многими поколениями убийц. А срок жизни в этом мире может достигать сотен лет. Мне даже страшно представить, что получается в итоге. Хотя, что представлять... я этот итог каждый день вижу.

Сама же система Домов довольно интересна. Жаль, мне не дают времени разобраться в ее устройстве. Например, есть три Дома Тени, официально признанные императором, самые сильные и влиятельные. Они выполняют «грязную работу» для «спецслужб» Империи Солнца: шпионаж, сбор слухов, устранение неудобных. И есть порядка дюжины более мелких, непризнанных, со своей спецификой и специализацией. Имперским домам идут самые крупные заказы, они получают наибольшую власть, и все малые мечтают занять их место. Но, если императорский Дом слишком зарывается или слабеет, то Император лишает его своего благословения, и стая конкурентов уничтожает отверженного за считанные дни, а один из малых домов занимает его место. Сбалансированная и отточенная столетиями схема, построенная на постоянной жестокой и кровавой конкуренции.

В Империи есть множество искусств, и множество Домов, где знания передаются от отца к сыну, оттачиваясь и совершенствуясь. Дом может заниматься одним или несколькими Искусствами, может создавать новое направление. Многие из них совмещают Искусство с религией или Силой, или смешивают все вместе.

Система Домов сложна и причудлива, во многом мне не хватало знаний, чтобы осознать полученную информацию. Для многих понятий нет слов в русском языке, они слишком чужды для меня, и даже получив знания, я не могу их полностью воспринять.

Учитель смотрит на меня ничего не выражающим взглядом. Похоже, я опять замечтался. Сейчас мне сделают больно... или не сделают — я до сих пор не понял, когда за мелкие просчеты наказывают, а когда нет.

В этот раз сенсей просто поднял руку и хлопнул меня по ребрам. Хруст... волна боли. Багровая пелена закрывает глаза. Каким-то чудом я удержался на ногах, и даже не согнулся.

— Лечи, — донесся шипящий голос.

«Он мне что — ребра сломал?!» — волна бешенства взметнулась и опала, только воздух со свистом вырвался сквозь зубы. Бросаться на сенсея — чистое безумство. Впрочем, его уже, небось, и след простыл... Точно — внутренний плац сияет пустотой, даже песок, где он стоял, нетронут.

Несколько мгновений я просто стоял на месте, стараясь успокоиться и вдохнуть без приступа новой боли. Получалось плохо, каждое движение легких отзывалось волной боли. Боль породила новый приступ злости и мешала попыткам сосредоточиться. Наконец, взяв себя в руки, я, шипя и ругаясь сквозь зубы, поплелся в свою келью. Ребрами лучше заняться лежа.

Ребра заживали пять дней. Пять дней я лежал в трансе, пробуждаясь только, чтобы поесть и немного размяться. Пару раз я проваливался в короткий, беспокойный сон. Треснувшие, к счастью не до конца, кости заживали на порядок медленней и сложней. Но этим утром можно идти на тренировку. Впрочем, черный силуэт уже маячит возле моей кровати. Сенсей не дождался... это плохо. Я с трудом потащил себя из кровати. Мышцы после суток лежания на одном месте одеревенели.

— Слишком долго, — произнес холодный шипящий голос. Длань в черной перчатке снова хлопнула по ребрам. По тем самым, только что зажившим ребрам.

Грудь словно обожгло огнем, слезы навернулись на глазах. Воздух покинул легкие и отказывался возвращаться. Колени подогнулись, стол рядом — опереться на него... В этот раз гораздо больней. В этом мире я вижу только боль. Надо собраться, сосредоточиться и обратиться к Поток. Спасительная прохлада затопила грудь, пришел Хлад и забрал с собой всю боль. Местная анестезия... и почему я не догадался до этого раньше?!

Кровать... рядом... лечь. Хорошо, что в этот раз учитель навел меня прямо в келью. Кстати, где он? Опять исчез? Да — келья пуста... Я один... Опять один... и опять у меня сломаны ребра. Пять дней коту под хвост... Зачем?

Дыхание ровное. Руки вдоль тела, мышцы расслаблены. Потолок из серого камня и косые солнечные лучи. На улице солнце идет к зениту, начинается новый день. А мне опять лежать сутками и воевать со своим телом... Зачем?

Нет, если подумать логически, все понятно. Выносливость, быстрое заживление ран, умение переносить боль — вещи очень нужные в этом новом мире. Но что мне с этого? Зачем мне это? Выжить? А зачем мне такая жизнь?! Жизнь, где нет ничего кроме боли.

Накатила глухая тоска, захотелось выть. Выть на одной ноте, высоко и протяжно... Но с губ сорвался лишь короткий шипящий выдох... Эмоции меня научили сдерживать. Сдержанность забила на подсознательный уровень. Надо отдать должное учителю. Учит он больно, жестоко, даже порой с явным садизмом, но очень эффективно.

Я поднял руку. Обычная рука... только появилось множество мозолей, от разнообразных деревяшек, рукоятей, камней. Кожа огрубела и выгорела под солнцем. Мышцы гораздо рельефней. Помнится, как-то сенсей заставил меня отжиматься... двести с лишним раз подряд, и это еще до того, как я научился постоянно подпитывать свои мускулы силой. Раньше я о таком и не мечтал. Мне не надо видеть свое тело, я и так понимаю, насколько оно изменилось, стало подтянутым, мускулистым, в разы выносливей и сильней. Странно... В том, далеком своем мире, я хотел быть сильным... Сейчас моя мечта

осуществилась... Только почему я этому не рад?

Короткий истерический смешок все-таки сорвался с моих губ... Жить больно... Умирать страшно... Что будет дальше — неизвестно. Хотя... А что мне терять? Боль я научился глушить — посмотрим, что будет дальше. Уйти в Поток я всегда успею. Почему-то я уверен, сделать это будет просто и совсем не больно. Пока будем дальше смотреть и дальше идти... идти по этой дороге в никуда.

Смирившись, в который раз, со своим положением я прикрыл глаза. Надо снова уходить в транс и лечить свои многострадальные ребра... Насколько меня еще хватит?

Многокрасочное великолепие человеческого тела и Потока захватывало и увлекало. Хотя за дни лечения картина уже успела изрядно поднадоесть, монотонная работа и боль от срастающихся костей не способствует эстетическому наслаждению. Но, к счастью, до полного перелома не дошло, опять обошлось трещинами, хорошими такими... чувствительными.

Внезапно картину нарушил какой-то диссонанс... В течение потока вмешивалось нечто чуждое... словно на гладь спокойного пруда подул ветер... чужой ветер. Что-то недалеко от меня, и оно порождает чуждые колебания.

Глаза закрыты, дыхание ровное — надо быть осторожным, не выдать, что я вышел из трансa. Хотя, наверняка для местных все мое притворство выйдет неуклюжими потугами ребенка... но мне как-то спокойней. Кто-то еще есть в келье. Я ощущал это сквозь закрытые глаза, чувствовал кожей чуждость рядом со мной.

Веки неохотно поднялись. Серый потолок, каменная стена, решетчатый свет, льющийся сквозь окно, и темный контур на краю взгляда. Я несколько раз моргнул и сфокусировал взгляд. Возле моей кровати, на грубом деревянном стуле сидела девушка. Та самая девушка, что видел я однажды на террасе второго этажа. И в том же платье — темно-коричневом. Рыжеватые волосы, перевитые темными лентами в тон платью. Спокойный, отрешенный взгляд... Пронзительные, зеленые глаза... Тогда, на плацу, я не разглядел ее, запомнил только ощущение взгляда. Непонятное ощущение, как будто она одновременно видит меня и что-то еще, мне недоступное.

В комнате повисло молчание. Я не знал, что говорить, как реагировать, она же, похоже, вовсе этим не интересовалась — просто рассматривала нечто доступное ей одной. Странно, молчание не тяготит меня, напротив — душа словно прекратила метаться и замерла в покое. Тягучие секунды спокойствия... как мне их не хватает, в этой безумной гонке, ставшей моей жизнью. Она смотрит на меня, я смотрю на нее, и в комнате царит тишина.

Мгновения летели, а я продолжал глядеть на нее. В память откладываются тонкие черты лица, легкие колебания кончиков волос, сверкающих в солнечном свете, темный цвет лент на фоне светлой кожи и зеленые изумрудные глаза. Откладываются слой за слоем, обновляя старые слои и врезаясь глубже. Что-то неземное, чуждое и вместе с тем родное в ее облике. Что-то, что хочется сохранить, спрятать в глубинах памяти, оставить себе...

Я не сразу заметил движение ее руки. Это движение не нарушало сложившийся баланс, оно гармонично вплелось в равновесие и молчание, сложившееся в комнате. Изысканная, словно выточенная неизвестным мастером, ладонь замерла над моей грудью. Взгляд незнакомки изменился, теперь она смотрит на место под своей ладонью, там, где треснули ребра. Ее действия не вызывают у меня никакого страха. Покой и гармония — единственное, что я ощущаю.

От ее ладони повеяло теплом. Горячим, сухим теплом. Я легко ощущаю его сквозь

одежду, сквозь кожу. Тепло проникает вглубь, сквозь ребра и ноющие места переломов, усиливается, становится жарко. За жарой приходит боль, острая и злая. Болит каждый миллиметр трещин, я чувствую каждый излом. Жар нарастает, боль тоже, трещины уже просто пылают огнем. Однако я лежу и спокойствие мое незыблемо.

Что-то изменилось. Жар начал спадать. И я опять заметил это с опозданием. Волны тепла откатывались назад, неспешно и размерено. И вот, тонкая ладонь скользнула назад. Мгновение, она снова смотрит на меня и куда-то еще. Мгновение, темный силуэт направляется к двери. Мгновение... и комната пуста.

Что-то с моими ощущениями. Накатывает усталость, веки опускаются, и я падаю в никуда.

После визита незнакомки заживление пошло заметно быстрее. На третье утро после вторичного перелома я вышел на плац. Трещины заросли и ребра вновь стали единым целым. Я снова могу свободно двигаться и продолжать тренировки, чем, естественно, и воспользовался сенсей. Тренировки «приятно» разнообразились различными ушибами и порезами, а мне было объяснено, что травмы необходимо заживлять с максимальной скоростью, не отвлекаясь от выполнения упражнений. Я быстро научился пользоваться местной анестезией и замораживанием порезов, и снова чуть не отморозил руку.

Вскоре начались тренировки с оружием. У сенсея появился новый способ истязаний. Нет, спаррингов не было, а вот отстоять полдня и ночь с занесенной для удара тяжелой дубиной мне пришлось. Руки потом болели сутки, несмотря на помощь Силы и притирания монахов. Кстати, изменилось и отношение монахов. Раньше на меня смотрели как на пустое место, сейчас же замечали, что в этом месте что-то есть, нечто среднее между жабой и коровьей лепешкой.

Но были и хорошие моменты. Мне неожиданно понравилось метать ножи. Правда, ножи были лишь одним из пунктов в обширной коллекции средств дистанционного лишения жизни, вываленной на меня учителем. Здесь было все, что могла вообразить моя фантазия и гораздо больше: ножи, иглы всех форм и размеров, метательные пластины, колющие шары, различные бомбы, колбы с ядами, цепочки с грузами и без, металлические ленты, кольца и еще много чего малопонятного. С большей частью мне тренироваться не пришлось, сенсей мне выдал весьма небольшой набор... всего двадцать две разновидности.

Сильно выручала печать познания. Взяв в руки очередное смертоносное произведение человеческого гения, я понимал, как им пользоваться... теоретически. Но это не спасало. Как бы я ни старался ошибки были неизбежны, как и боль наказания. Сенсей то бросал меня в океан боли, то молча, равнодушно поправлял. Я не знал, когда и за что меня могут наказать, и эта неизвестность пугала и заставляла выкладываться полностью.

Мышцы, уже казалось, приученные ко всему, снова начали болеть. Легким не хватало воздуха, пальцы дрожали и выпускали рукоятки, но учитель продолжал меня терзать до тех пор, пока я не падал подобно загнанной лошади. Состояние полутранса стало привычным, как дыхание.

Постепенно я привык к новым нагрузкам и упражнениям, а коллекция оружия, с которым приходилось заниматься, сократилась. По странному совпадению осталось именно то, что мне больше всего нравилось.

Легкое копьё, примерно двух с небольшим метров длиной. Линейки у меня не было, я мог ориентироваться только на свой рост и глазомер. Это копьё, тедах — как называли его местные, у меня почему-то ассоциировалось с рогатиной. Только перекладину заменяли широкие металлические крюки, загнутые вперед, а плоским длинным, остро заточенным наконечником можно наносить как колющие, так и рубящие удары.

Номером два в программе шла цепь — акс, тонкая, прочная, пяти метров длиной, со сменными грузами. Если копьё мне чем-то напоминало посох, и, работая с ним, я вспоминал о первом дне в монастыре, то цепь была похожа на змею. Гибкая, быстрая, готовая ужалить в любой момент, свивающаяся в кольца, и тут же распрямляющаяся в стремительном броске.

На третьем месте меч, изящный и легкий с виду, а на самом деле довольно увесистый.

Узкий слегка изогнутый клинок полметра длиной, очень удобный для рубящих и режущих ударов. Рубящий конец явно утяжелен. Впрочем, на ширину лезвия это мало повлияло и колющие удары наносить вполне сподручно. Рукоять длинная, свободно умещаются две руки, с изогнутым под девяносто градусов навершием. Вместо гарды — толстая полоса металла, что только придает симметричность и стремительность клинку. Легкий изгиб рукояти, гармоничный зацеп навершия так и подталкивают руки на всевозможные финты с перехватами и вращательно-секущими движениями. Ксан'ра, или «Ус дракона» — так называли этот меч.

В паре к мечу шел нож, к'тха — «клык». Клинок, примерно двадцати сантиметров длиной, изгибами напоминающий язык пламени. Лезвие плавно перетекает в довольно массивную для ножа крестовину. Спереди крестовина загибается над рукоятью, защищая указательный палец, сзади изгибается зацепом к клинку. Очень удобная, с выемками для пальцев, рукоять. Гармоничность и хищность во всем облике.

И напоследок перевязь с дюжиной метательных ножей — небольшие, хватистые, свободно умещающиеся на ладони с Т-образной короткой рукояткой. Ножны на перевязи оснащены удобными фиксаторами, надежно удерживающими клинки и позволяющими их доставать свободно, одним быстрым движением. Все оружие выполнено с мастерством и любовью, с качеством и чувством смертоносности, говорящим о поколениях опыта.

Лезвие к солнцу. Шестигранная металлическая пятка описывает полукруг. Вдогонку спешит острие. Песок плаца тяжело скрипит под ногами. Меня ведет танец... Танец копья и огня. Перехват — полукружье стали на уровне шеи. Перехват — резкий удар в горло снизу вверх. Разрыв дистанции — отсекающий вниз, пяткой копья в колено. Выпад. Удар. Парирование и уход. Каждое движение наполнено смыслом, завораживающим ритмом.

Иногда, в такие моменты мне слышится музыка. Тихая, едва различимая. Она гармонично вплетается в скрип песка и свист разрубаемого воздуха. Она задает ритм и ведет меня. Почти каждый танец из задаваемых мне Мастером, имеет свой ритм, свою гармонию и свою музыку. Порой было достаточно прислушаться и пойти за музыкой. Разум отключается, и тело само следует мелодии, уходя куда-то за грань.

Музыка убыстряется, скрип песка становится постоянным. Копье порхает, выписывая замысловатые зигзаги. Свист рассекаемого воздуха, скольжение полированного древка, расплескивающиеся блики заточенной стали. Нисходящая спираль — широкая дуга. Лезвие почти задевает белый песок плаца и тут же возносится вверх. Пятка копья тяжело зарывается в песок. Выдох... Долгое мгновенье тишины... Танец закончен.

Несколько мгновений покоя — единственный отдых, который я могу себе позволить. Взгляд начинает искать черную фигуру сенсея... А вот и он — на краю плаца, а рядом с ним небольшая угловатая фигурка в серых одеждах. Странно, обычно слуги стараются держаться подальше, ужасного Мастера Тени они боятся, как ночного кошмара. Впрочем, монахи от них недалеко ушли.

— Копье в стойку, подойди сюда, — так можно перевести краткую шипящую фразу.

Еще пара мгновений, и я замираю перед сенсеем и девочкой в сером. Мышцы расслаблены, взгляд опущен, голова почтительно склонена. Краем взгляда я успеваю заметить ничем не примечательное полуазиатское лицо с набором веснушек. Девочке нет и пятнадцати — зачем она тут?

— Меч. Шея. Рубящий удар! — серия лающих команд вспарывает воздух.

Короткий подшаг вперед. Теплая рукоять тычется в ладонь. Рука мягко и стремительно

поднимает меч. Разворот плеч, косой росчерк полукружья стали. Голова манекена улетает вправо. Отшаг назад. Кистевым взмахом стряхнуть капельки крови. Тело манекена неуклюже валится на песок. Меч скользит назад в узкое устье ножен. Мышцы расслабляются, руки вдоль тела, взгляд опущен, из обрубка хлещет кровь.

Только тут до меня откуда-то издалека доходит, что это вовсе не манекен. Я только что, действуя на полном автомате, убил девушку. Ни в чем не повинную девушку, которую видел в первый раз в жизни... Кровь... Кровь на белом песке... Бордовые пятна расползаются, серое марево приходит из ниоткуда и застилает глаза. Очертания предметов мутнеют и расплываются.

— Круг восходящего солнца и луны. Двадцать раз, — шипящий голос прорывается сквозь завесу. Мое тело самостоятельно разворачивается и следует к перекладинам одного из десятков тренажеров. Я же... Я же нахожусь не здесь, я где-то рядом. Отстранённо наблюдаю за происходящим. Мыслей нет. Одна пустота. Глухая и беззвучная.

Тело напрягается, выполняет затверженную последовательность движений. Подтянуться, рывком перекинуть ноги, переворот... назад, повторить в обратном порядке. Так это было сотни раз до этого, так это будет сотни раз после. Я словно вижу себя сбоку и сверху. Мысли пусты, тело продолжает бездумно повторять нужные движения.

Серое безразличие колыхается и откатывается назад, но недалеко. На плацу новые гости — одна белая фигура, в сопровождении двух черно-синих.

Белоснежное свободное кимоно, седая борода и белый же посох. От идущего впереди старика в белом веяло уверенностью и силой. Чувствовалось, что он в любой момент может ударить, стремительно и точно.словно сжатая пружина, многих десятилетий опыта и силы. Двое сопровождающих ему подстать. Уверенные в себе воины, в расцвете силы молодости и уже обожжённые огнем схваток. От них шла уверенность, агрессия... и знание, что сейчас они могут встретиться с более сильным противником.

Темная фигура учителя на их фоне выглядит невзрачно, безобидно. Она теряется среди силуэтов тренажеров, ее затмевают яркие ауры пришедших. Однако диалог начинается на равных. Даже с преимуществом невзрачной тени моего учителя.

Яркая белая фигура просит, именно просит, пусть настойчиво и твердо, но просит. Она говорит, что нельзя нарушать гармонию священного места, напоминает, что тень всего лишь гость здесь. Так, во всяком случае, до меня доносится перевод вычурных фраз официального языка. Темная фигурка выслушивает их, и сообщает, что их пожелания будут приняты во внимание... может быть.

Белая фигура, ничем не высказывая своих эмоций, молча удаляется. За ней следуют две агрессивные темно-синие фигуры. Тень безразлично смотрит им вслед. Потом разворачивается и бросает на меня взгляд — словно кипятком ошпаривает.

Я прихожу в себя уже в своем теле. Задыхаюсь и глотаю такой вкусный свежий воздух. Сенсей стоит недалеко и задумчиво смотрит сквозь меня.

— Большой круг Сатха, и на сегодня все, — команда прерывает неловкое молчание. Сейчас сенсей говорит почти без шипения.

Тень беззвучно отдаляется, расплывается в сером мареве. Я опять один и впереди цикл упражнений на три часа. Впрочем, мне все равно... Отступившая было пустота, вновь накатывает, накрывает, словно толстым одеялом, гасит все эмоции. Мое тело старательно выполняет все необходимое. Лишь один раз отвлекается на двух слуг, что уносят тело.

Все когда-то заканчивается, закончился и большой круг. Я вновь стою на плацу. Ноги

гудят от усталости, подкрашенное красным небо заливает двор мягким розовым светом. На взрыхленном песке пятна крови выглядят почти черными.

Мое внимание привлекает небольшой продолговатый предмет. Подойдя поближе, я различаю что это... На подсвеченным розовым песке лежит обрубок косы той девочки. Темные, почти черные волосы перевязаны тонкой голубой лентой. Все срезано чисто, под единый ровный скос. Хороший меч... и хороший удар... сенсей, наверное, доволен.

Возвращение в келью выпало из памяти. Просто выпало. Вот я смотрю на срезанную косу, а вот уже лежу на кровати и бездумно пялюсь в потолок. Серый потолок, кровавые отблески заката. Кровь на моих руках... Нет, у меня нет душевных терзаний, каких-то мук совести. Просто как-то пусто. Нет мыслей, чувств... ничего нет.

Я лежу на кровати. Секунды и минуты медленно текут мимо... По стене ползут отблески заходящего солнца. Где-то далеко надывается местный сверчок. Пару раз слышится птичий крик. Легкое движение воздуха через открытое окно. Скоро станет совсем темно. Странно, сколько вещей вокруг просто не замечаешь. Шум постоянно мчащихся мыслей, сиюминутные желания заслоняют все, ослепляя и оглушая. Подменяют собой все окружающее. И человек живет в вымышленном, созданном своими руками, суетном бессмысленном мире. Впрочем... меня это уже не волнует. Я равнодушно смотрю на серые камни потолка, секунды и минуты медленно текут мимо...

Тихонько скрипнула дверь, в комнату зашла знакомая прекрасная незнакомка. Небольшая лампа в ее руке слегка разогнала сгустившиеся тени. В отблесках язычка пламени лицо кажется еще более неземным и красивым. Невольно я залюбовался игрой света и тени. Дрожащими бликами, падающими на неизменное темно-коричневое платье. Рыжими волосами, что отсвечивают красным золотом в свете заходящего солнца. И глазами, загадочными изумрудными глазами.

Я не заметил, как лампа очутилась на столе, а незнакомка присела ко мне на кровать. Может это мое восприятие снова играет со мной, а может это она двигается настолько гармонично, что я не замечаю происходящих изменений.

Моя рука оказывается в ее изящных ладонях. Ее тонкие, почти невесомые пальцы, скользят по огрубевшей коже. Почему-то мне стало неловко из-за шрамов, грубости кожи и мозолей. Неловко и вместе с тем неожиданно спокойно и хорошо. Хорошо просто лежать, смотреть на ее руки, ощущать воздушные, нежные прикосновения. Смотреть, как играет свет на мерцающих золотом прядях. Любоваться отражением пламени в изумрудных глазах. И ни о чем не думать...

Дни сменялись днями, сливались в недели, недели складывались в месяцы. Бесконечные тренировки сливались в одну выматывающую безликую череду. Меня по-прежнему выкручивали насухо, заставляли выкладываться, добиваться, казалось, невозможного. Все было по-старому, но кое-что изменилось. У меня появилась цель. Своя, личная цель. Не просто выжить в этой сумасшедшей мясорубке, а стать сильнее. И в один прекрасный день убить своего учителя.

Человек — гибкое существо, он приспособляется почти ко всему. Он может предать, убить, изменить свою мораль. Но все же у каждого уважающего себя человека есть принципы, через которые он не может переступить. У разных людей они могут сильно различаться и на первый взгляд вовсе отсутствовать, но они есть, и если человек их нарушит, то перестанет себя уважать. Зачастую это хуже смерти — жить и ощущать постоянное отвращение к самому себе.

Об этом я слышал раньше, в том, спокойном и благодушном мире, где я вырос. Но в полной мере я это понял только, когда сам заступил за грань. Не то чтобы я моралист, и мне претит одна только мысль об убийстве. Скорее я об этом вообще никогда не задумывался. Не приходилось сталкиваться. Но вот напоролся, и мне это не понравилось. Сильней всего не понравился тот автоматизм, с которым я убил совершенно незнакомую девушку. Я совершенно не задумывался, просто махнул мечом, выполнил очередное упражнение.

Я как-то читал, как спецназовцев в процессе подготовки заставляли резать собак. Чтобы в бою не дрогнула рука, когда надо будет убивать. Может, сенсей тоже хотел добиться чего-то похожего. Или проверить, могу ли я убить человека — молодую девушку. Но меня это не волнует. Уже не волнует. Сенсей заставил меня нарушить мои принципы. Пусть я даже на этот момент их не осознавал. И я ничего не могу сделать, чтобы исправить произошедшее. Могу только отомстить.

Решение отомстить помогло справиться с состоянием аффекта и безразличия, нахлынувшего на меня тем памятным вечером. Еще сильно помогло присутствие Элианор. Так звали загадочную незнакомку в темно-коричневом платье. Осознание ее имени пришло само собой, словно всплыв откуда-то из глубины, словно вспомнил то, что знал давным-давно...

А на следующее утро я открыл глаза и пообещал себе пройти через этот ад, овладеть Силой и убить сенсея. Потом встал, перехватил скудный завтрак и пошел на тренировку. Вновь, как и прежде, скрупулезно и старательно выполнял команды сенсея. Может даже капельку старательней. Ведь внутри меня, на самой глубине, лежала старательно спрятанная, забытая на время, решимость убить своего учителя. А для этого мне нужны его уроки, вся сила и весь опыт, что я могу из них извлечь. Больше у меня нет ничего...

Злоба, ярость, боль, жажда мести — из всех чувств можно черпать силу. Их маленькие кусочки, обрывки, помогают сделать следующий шаг. Пройти чуть дальше, сделать чуть больше. И я шел, делал, познавал себя. Весь мой мир сократился до внутреннего плаца в наглухо закрытом сером доме.

Потом это закончилось... Очередным утром на плацу вместо сенсея меня ждал Мрак. Черную фигуру, окутанную дрожащей дымкой, тяжело с кем-то спутать. Но меня все равно посетило чувство какой-то нереальности происходящего. Слишком сложно поверить в

нарушение привычного порядка жизни.

— Я смотрю, ты изменился, детка, — хриплый голос ковбоя.

Ковбой... Кино... Господи, когда же это было? Неужели там, где-то есть другой мир? С телевизором, кино, мягким диваном и теплым пледом... с горячим душем?!

Мрак медленно обходит вокруг меня, бормочет что-то себе под нос. Его взгляд, кажется, физически ощутим. Не торопясь, разбирает меня, раскладывает по кусочкам, расставляет по полочкам.

— Неплохо, неплохо, могло быть и хуже. — Голос недовольного старика. — Посмотрим, что будет дальше...

Внезапно Мрак остановился передо мной. Жесткие пальцы, обтянутые черной перчаткой, уперлись в подбородок и заставили поднять глаза. Черный капюшон, контуры лица, скрытые вечной тенью и ощущение взгляда. Чуждое, холодное, отталкивающее и затягивающее ощущение. Тьма под капюшоном притягивала и пугала. Время замерло. Мир вокруг поблек. Звуки исчезли.

Так я стоял несколько бесконечно долгих мгновений, потом тьма меня отпустила. Я отшатнулся назад. Перед глазами все плывет и кружится. Хриплое дыхание отдается в ушах. Руки вцепились в бедра, помогают сохранить равновесие. Еще немножко, и я упаду...

— Ты не сломался... это хорошо, — холодный безразличный голос молодой девушки.

Я перевел взгляд с белого на черные одежды. Черное марево и мешковатая ткань прекрасно скрывала фигуру. Даже утреннее солнце не помогало. А всматриваться в черное марево под капюшоном я боялся.

Внезапно накатила злость. Злость на самого себя, на свой страх, на весь этот мир. Я отбросил здравый смысл и вцепился взглядом во тьму под капюшоном, пытаюсь разглядеть контуры лица, понять, что скрывается за ней.

В этот раз в чувство меня привела струйка холодной воды. Она лилась откуда-то сверху, и это было неприятно. Я фыркнул, отдергиваясь. Голова болела. Сильно болела. Перед глазами все двоилось и расплывалось. Проморгавшись я увидел черную фигуру с небольшим кувшином в руке.

— Как головка? Не болит? — ехидный старческий голос окончательно привел меня в чувство. — Вот, вытрись, — в меня полетел кусок грубой ткани.

Краем глаза я заметил, как упал на песок уже ненужный кувшин. Остатки воды быстро исчезли в посеревшем песке.

— Пошли за мной, разговор есть, — спокойный голос уверенного в себе мужчины.

Через пару десятков шагов головокружение почти пошло, а боль снизилась до терпимой. Мрак вел меня к выходу, за прошедшее время я успел изучить строение, ставшее мне домом. Монах у входа торопливо распахнул дверь и согнулся в поклоне. Мрак высокомерно прошествовал мимо него, а я следовал за ним в трех шагах, как положено ученику. Я уже не помню, откуда знаю эти нормы местного этикета, то ли они появились после очередного обращения к печати, то ли сенсей их вбил между делом.

Аллеи, посаженные деревьями, отделанные плиткой тротуары, открытое пространство. За пролетевшее время я был наружи считанные разы. Все что я мог — это любоваться небом, заключенное в квадрат внутреннего двора.

Появляющиеся слуги и ученики украдкой бросали на нас пару взглядов и спешили скрыться. Мы же явно направлялись к воротам на нижнюю ступень... Да, вот и они. Уже услужливо распахнутые дежурным караулом. И снова почтительно склоненные спины...

даже как-то неловко.

Пустой лабиринт дворов нижней ступени. Открытые переходные ворота. Видимо все, кроме постоянных постов, поспешили убраться с нашей дороги. Впрочем, при отношении к низшим как к расходному материалу это не удивительно. Наверняка еще и история, как я отрубил голову служанке, широко разлетелась.

Неосознанно я сжал зубы, а рука сама поползла к рукояти меча. По прямому приказу сенсея я с ним не расставался нигде и никогда. Тренировался, ел и спал в перевязи. А если мылся в бадье, то меч лежал рядом, уже обнаженный. Полезная привычка в этом сдвинутом мире.

Успокоиться, нельзя показывать эмоции. Лучше про них вообще забыть. Руку на место, глаза старательно рассматривают вымощенную каменными плитами дорогу. Мимо плывут стены из массивных блоков. За очередной перемычкой стены обрываются — мы вышли на предвратную площадь. Еще немного — и я окажусь за стенами монастыря. Впервые за... Сколько же времени я провел здесь? Я не знаю ответа. В этом мире нет даже четкой смены времен года. Просто, когда-то больше солнца, а когда-то дождей. А я слишком был занят, чтобы следить за погодой.

Увлеченный самобичеваньем, я даже не заметил, как мы миновали главные ворота. Под ногами утоптанная грунтовая дорога. Трава на обочине и пестрящие полевые цветы режут глаза после серого камня и песка. Дурманящие запахи открытого пространства забивают ноздри. От непривычки засвербело в носу и захотелось чихнуть.

Мрак, до этого исправно маячивший впереди, вдруг резко свернул куда-то вбок. Едва удержавшись от чиха, я последовал за ним. Среди буйно цветущих трав петляла небольшая тропинка, практически незаметная со стороны.

По дороге из цветов мы уходим вдаль.

Где-то там, позади, лежит забытая печаль.

Перед нами жизнь, а прошлого... не жаль.

По дороге из цветов мы уходим вдаль...

Строки давно забытого, неизвестного стиха всплыли у меня в памяти, а может сочинились прямо на ходу. Ситуация во многом похожа. Тропинка среди полевых цветов, и позади монастырь с адом тренировок и демоном-сенсеем. Неожиданно стало как-то легко на душе. Ноги меня сами несли вслед за темным силуэтом впереди. А я просто наслаждался непривычными запахами, любовался разноцветным травяным ковром вокруг меня и небом, синим бездонным небом.

— Мы пришли, садись, — сухой мужской голос поломал легкую цветочную эйфорию.

Мрак непринужденно махнул рукой на большой булыжник недалеко от тропинки и без видимых усилий взобрался на глыбу двух метров высотой. Там и уселся, свесив ноги.

— Садись-садись, не заставляй девушку ждать, — недовольный женский голос.

Направляясь к камню, я невольно скользнул взглядом по фигуре, закутанной в темные одежды — бесполезно, черный костюм прекрасно скрывал очертанья тела. Присаживаясь на нагретый солнцем камень, я в очередной раз задался вопросом: «А кто такой Мрак?». По его облику и набору голосов даже не понять мужчина он или женщина. Хотя, похоже, эта неразбериха ему самому нравится.

— Посмотри вниз. Скажи мне, что ты видишь? — снова серьезный мужской голос.

Похоже, он использует смену голосов для подчеркивания смысла своих слов. По голосу понятно, к чему он относится серьезно, а где пошутил. Впрочем, не будем отвлекаться, мне

задали вопрос...

— Горная долина, обжитая, с большой деревней и крестьянскими полями... Посередине долины течет река, — ответил я. А что еще я должен был сказать?

Мрак неопределенно хмыкнул, и пробормотал что-то себе под нос. Видимо, он хотел услышать что-то другое...

— Долина Серого Копья. Здесь в нескольких селеньях живет порядка пяти тысяч крестьян и ремесленников, — начал Мрак после небольшой паузы. — Крестьяне кормят и обеспечивают всем необходимым монастырь Пути Посоха. В монастыре порядка трех сотен воинов и старших учеников. Но главная причина, почему здесь стоит монастырь, находится там.

Я посмотрел в указанном направлении. Долина, горы, облака... Крестьянские поля сужались, постепенно переходили в коричневый камень с зелеными вкраплениями кустарника. Горная речка поднималась по горным уступам и скрывалась в тесном перевале.

— Через три дня пути по перевалу Серого Копья находится застава, она так и называется — Застава Серого Копья, или просто — Застава. Правда, оригинально? — не дожидаясь моего ответа, Мрак продолжил. — Застава защищает земли империи от проникновения тварей Безумного Леса.

Мрак на минуту замолчал, изучая меня своим рентгеновским взглядом. Глаза его разглядеть невозможно, но я почему-то знал, меня сейчас пристально рассматривают.

— Про Безумный Лес я тебя не спрашиваю. И так видно — не знаешь. И чему тебя в монастыре почти два года учили? Явно не истории и географии, — заунывный голос школьного учителя.

Я на секунду отключился... Два года! Я проторчал в этом аду два года. Хотя, чему удивляться... Странно, что я еще свое имя помню.

— Но я договорюсь, и тебе выделят в сопровождение инструктора. Он расскажет про некоторые исторические особенности нашего мира, — продолжал вещать Мрак. — И, кажется, ты меня не слушаешь. Куда ты завтра отправляешься?

Черт! Похоже, я прослушал, что-то важное. Когда же я научусь внимательно слушать?! Слишком я расслабился, выйдя из этой каменной клетки.

— Для особо глупых повторяю. Завтра ты отправляешься на заставу вместе с дежурной сменой. Будешь защищать Империю от кровожадных тварей, общаться с людьми, учиться владению оружием. Через семь лун закончится летняя смена, и ты продолжишь обучение у Мастера Тени. Если тебя, конечно, не убьют твари, или ты не ляпнешь кому-нибудь про другой мир, — от последних слов Мрака повеяло холодом, могильным холодом. — Все в монастыре думают, что ты обладающий силой из далекой страны. Глупое и бесполезное мясо, которое учит Мастер Тени, нанятый мной. Пусть они так думают дальше, тем более это не далеко от истины.

Мрак вновь прервался и вперил в меня внимательный взгляд.

— В монастыре не так много людей, и в любом закрытом обществе все новое оказывается под пристальным вниманием. А еще они хорошие бойцы и с первого взгляда могут определить уровень подготовки по походке, по движению рук, по тому, как человек держит равновесие. Ты же по приходу сюда был мясом, ничем не лучше крестьянина, вчера оторванного от плуга, даже хуже.

Спасибо за добрые слова. Нет, я догадывался, что все плохо, но не настолько. Я все-таки еще до переноса несколько лет занимался карате, полгода бокса, и вот на тебе — «хуже

крестьянина».

— Ты думаешь, что в своем мире ты чего-то достиг? — продолжил Мрак, словно прочитав мои мысли. — На подготовку война уходит от двадцати лет. И это будет просто воин, человек за которым в Империи Солнца признают право носить оружие. Когда я сказал Мастеру, что он будет тебя готовить три года — он посчитал это издевательством. Пусть ты обладаешь Силой, но воином за три года ты не станешь. Тем более не станешь ступающим по Пути Тени, — короткий смешок прервал отповедь. Через несколько секунд Мрак продолжил уже другим голосом. — Ты всего лишь показал, что на твое обучение стоит потратить время, ты способен учиться и можешь приспособиться к нашему миру.

Мрак снова замолчал. Я тоже молчал. Вокруг трещали местные кузнечики, где-то вверху заливалась песней небольшая пичуга. Красивая песня с каким-то интересным неровным ритмом.

— У тебя есть Сила, она тебе помогает. Но Сила бесполезна, если ты сам из себя ничего не представляешь. И бесполезно заниматься воспитанием адепта Силы, если он не сможет быть воином, — Мрак снова замолчал, но ненадолго. — У тебя есть вопросы, можешь их задать.

Теперь мой черед молчать. Вываленные откровения не способствовали появлению энтузиазма. Тот ад, через который я прошел, оказывается лишь началом дороги. Впрочем, я уже привык, уже забыл, что можно жить по-другому. Жить без тренировок на износ, без боли наказаний, просыпаться по своему собственному желанию. Да и тренировки сейчас как-то легче переносятся, несмотря на все ухищрения сенсея. Может, это заслуга ручейка Силы, со временем получается впитывать все больше живительной и холодной энергии. Я даже научился паре интересных фокусов, в моем мире их назвали бы настоящей магией. А может, все получается проще из-за того, что мне нравится сам процесс — становиться сильнее, узнавать нечто новое. Хотя цели, настоящей цели, зачем я это делаю, у меня нет, кроме одной, но о ней лучше даже не думать.

— Что меня ждет в конце, если я пройду обучение? — наконец я задал вопрос. Пожалуй, это самое важное — узнать ради чего мне стараться. Может, есть что-то кроме пресловутого выживания...

— Хороший вопрос, — в этот раз голос молодого агента по продажам. — Если ты пройдешь обучение, то станешь адептом Силы и полноправным членом Круга. А это достаточно влиятельная нейтральная организация. В основном мы занимаемся проведением различных ритуалов, требующих вливания множества различных Сил, наложением печатей, продлением жизни, увеличением способностей к использованию Силы. Не за бесплатно, конечно. В Круге много уникальных Мастеров и лучшие возможности для обучения и самосовершенствования.

Мрак вновь замолчал и окинул меня внимательным взглядом, словно проверяя, насколько я усвоил зачитанный материал.

— На самом деле Круг — это творение Хранителя, ему однажды надоело собирать по несколько лет адептов для проведения Песни Ветра и Времени, — теперь уже нормальный спокойный мужской голос. — Принцип работы простой — ты получаешь нужное тебе, а за это делаешь то, что нужно другим. У каждого Мастера свой контракт и свои условия. Есть, конечно, общие для всех условия, но об этом потом. Что еще... Круг уважают, и его услуги дорого стоят, а звание адепта Круга — своеобразная метка качества. Многие хотят стать его адептами, но приглашают только тех, кто нужен Кругу. Для тебя это наилучший вариант

утверждения в этом мире. В противном случае тебя или прикончат на алтаре, или сделают рабом. Как относятся к слугам в этом мире, ты уже понял.

Мрак многозначительно замолчал. Похоже, он знает про эпизод со служанкой. Да, это действительно жестокий мир и выбор у меня небольшой. И возьмется со мной не просто так, а с расчетом, что я все отработаю с троицей. Интересно, а сколько мне придется отрабатывать три года труда Мастера Тени? Смогу ли я вообще когда-нибудь рассчитаться с долгами?

Впрочем, это вопросы для будущего. Пока Мрак прав, я из себя ничего не представляю, и понятия не имею об окружающем мире. Куда-то бежать бессмысленно, надо учиться, пока учат, а дальше будет видно. Какой-то благодарности к Кругу и Хранителю я не испытывал, не за что мне их благодарить.

— Что такое Безумные Леса, и откуда они взялись? — подумав, я задал второй вопрос.

— Второй хороший вопрос, — Мрак, казалось, искренне рад задаваемым вопросам. — Примерно шесть тысяч лет назад треть континента погрузилось в хаос безумия Сил. Изначально все Потоки в мире находятся в устойчивом равновесии. Адепты Сил могут на него воздействовать, но сломать баланс невозможно. Как бы тебе понятней сказать... Это все равно что зубами перегрызть железнодорожный рельс.

Я несколько секунд вспоминал, что такое «железнодорожный рельс». Потом несколько секунд пытался представить, как кто-то его грызет... Полный бред.

— Так вот, — продолжал мой лектор. — Баланс был нарушен, Потоки смешались, и все живое погибло за несколько минут. Причины неизвестны до сих пор. Постепенно за пару тысяч лет, баланс частично восстановился, и жизнь вновь появилась на мертвых землях. Но появившиеся растения и животные словно пришли из ночного кошмара, тогда эту землю и назвали Лесом Безумия.

Мрак на несколько секунд замолчал, словно собираясь с мыслями...

— Порождения Безумия иногда выходят из своей чащи и преодолевают Сумеречные горы, — Мрак обвел рукой окружающие нас скалы. — Большая часть умирает или становится безвредной вне Безумного Леса. Но иногда вырывается нечто такое, что вырезает целые провинции. Тогда Император раздал часть земель вдоль южной границы Домам Воинов, обязав их охранять перевалы и убивать проникающих тварей. Этот монастырь, как ты уже догадался, одно из таких поселений. Впрочем, баланс постепенно восстанавливается, и сейчас здесь уже не так опасно, а через пару тысяч лет люди так и вовсе перейдут через горы и будут колонизировать новые земли.

— И что это за порождения? — спросил я после паузы.

— Увидишь сам, — раздался ехидный смешок. — У тебя еще один вопрос.

Я задумался. Про тварей он мне рассказывать не хочет. Что будет на заставе я, похоже, тоже увижу сам.

— Сколько мне еще учиться в монастыре, и что будет потом?

— Третий хороший вопрос! Ты определенно серьезно относишься к своему будущему, — рассмеялся Мрак бархатистым баритоном. — Тебе осталось учиться год и десять лун у мастера Тени. Потом будет еще одна летняя смена на заставе, и на этом твое обучение в монастыре закончится. Скорее всего, тебе дадут нового наставника, из Мастеров круга. Если будешь очень хорошо стараться, то, может быть, даже я возьму тебя в ученики.

Мрак рассмеялся тихим зловещим смехом законченной садистки. От этого смеха побежали мурашки по спине, как будто мне мало одного сенсея.

— Можешь отдохнуть до вечера, считай это наградой за хорошие вопросы, — темная

фигура на краю валуна упруго вскочила на ноги. — До заката солнца ты должен вернуться в монастырь.

С этими словами фигура отступила назад и скрылась за краем валуна. Что-то подсказывало, что искать Мрака бесполезно. «Какие-то дешевые фокусы для могучего Мастера Круга», — проскочила и исчезла ехидная мысль.

Наступившую тишину вновь наполнило пение невидимой птицы. Стрекот кузнечиков, запах цветов и едва слышимый шелест ветра. Я скатился с валуна в благоухающую траву. Господи, как хорошо просто лежать в траве, щуриться на солнце и слушать пение птиц... До заката еще целая вечность — надо провести ее с толком.

В спутники мне определили молодого улыбчивого монаха в синем кимоно. В отличие от всех остальных он не строил из себя невесть что, а напротив, легко шел на контакт. Улыбался, смеялся, шутил — разительный контраст со всеми остальными высокомерными снобами. Хотя сегодня утром мне тоже выдали синюю одежду... Может, тут принято нормально общаться только с равными, а всех остальных или обливать презрением, или кланяться, в зависимости от цвета кимоно?

— Привет, меня зовут Синх, — сказал он в нашу первую встречу и широко улыбнулся.

Я же смог только кивнуть в ответ, его улыбка, наверное, первая, которую я увидел за последние два года, совершенно выбила меня из колеи.

— А как тебя зовут? Ты понимаешь по-нашему?

— Саб Зеро, — выдал я.

— Сиб С'еро, — задумчиво повторил Синх.

И что это я ляпнул?! Нет, порой я вспоминал одноименного персонажа из известного фильма. Все-таки моя Сила — это Хлад. И я так же могу замораживать предметы прикосновением. Но какого черта меня дернуло назваться?! Хотя почему бы и нет? Не называть же свое настоящее имя...

— С'еро, ты готов? Нам пора выходить.

— Да, — ответил я на языке этого мира. Походную одежду и рюкзак с запасом еды слуги принесли еще прошлым вечером, а комплект оружия, с которым я тренируюсь, и так давным-давно хранится в мой келье.

— Идем.

И вот в очередной раз ворота монастыря остаются за спиной. В руке верное копьё, на поясе ножны с мечом и кинжалом, в специальной сумке боевая цепь. Перевязь с ножами стягивает грудь, а под ноги снова ложится пыльная дорога. Под склон шагать легко и приятно, вдвойне приятно, учитывая, откуда я ухожу. Пение птиц, знакомый запах полевых цветов, сочная зелень травы — мир кажется свежим и необыкновенно чистым. Даже монахи, что встречались нам по пути через монастырь, приветливо кивали и провожали нас теплыми взглядами.

— Синх, можешь ответить на один вопрос? — я с трудом заставил себя сосредоточиться. Внутри все пело, радость бурлила в крови, так и подмывало отбросить всякую серьезность и вприпрыжку бежать по склону подальше от опостылевших стен.

— Да, конечно, спрашивай, — ответил он с опозданием, словно тоже задумался о чем-то своем.

— Почему, когда мы уходили, в монастыре к нам относились совершенно по-другому? — с некоторым трудом я сформулировал вопрос. Тяжело общаться на малознакомом языке, да еще стараться излагать мысли вежливо. А то, кто их знает... К оскорблениям, как я понял, здесь относятся очень серьезно.

Синх несколько мгновений смотрел на меня ничего не понимающим взглядом, а потом рассмеялся. Идеально ровные белые зубы блеснули на солнце.

— Извини, я забыл, что ты издалека, — сказал он отсмеявшись. — Это Путь — Путь Обучения, где младшие должны уважать старших, а старшие никому не должны отдавать предпочтения. Ничто не должно отвлекать ученика, ни гордыня, ни дружеские чувства.

Любое чувство — это слабость, нарушающая гладь спокойствия — волнение, вносящее хаос в спокойные воды.

Я с трудом улавливал смысл красочных эпитетов. Все-таки мое знание языка оставляет желать лучшего.

— В обычное время мы ученики, а все остальные — либо другие ученики, либо учителя. И мы, и они должны поступать и вести себя, так как предначертано Путем Обучения. Сейчас же мы идем по Пути Защитника, и все остальные идущие по Пути Посоха — наши собратья по оружию, — под конец Синх расчувствовался и начал размахивать руками.

Путь Обучения, Путь Защитника... У здешних жителей немного другой способ мышления. Вроде и все понятно, но не до конца...

— То есть они просто делают то, что должны? — спросил я, отстранившись от эмоционального спутника.

— Нет, — Синх успокоился и продолжил спокойным тоном. — Они это делают, чтобы помочь другим идущим по Пути. Мы все один Дом, мы все одна семья. Когда дети растут — к ним необходимо относиться строго, чтобы помочь им вырасти сильными и самостоятельными. Но это не значит, что родители их ненавидят. Напротив, они это делают из-за любви.

Я задумался. По старой привычке сорвал тонкую травинку и зажал ее между зубами. Делают это из-за любви... Хе... Чем-чем, а добром и любовью действия моего сенсея и не пахнут, разве что садизмом. В лучшем случае он просто добросовестно делает свою работу. Работу... перед глазами мелькнуло лицо той девчушки в серой одежде. Мелькнуло и пропало, стертое усилием воли. Ничего, с этим разберемся потом... когда-нибудь.

Застарелое воспоминание испортило настроение. Мир уже не так ярок, да и желание бежать вприпрыжку пропало. Я просто иду быстрым шагом за своим спутником, временами оглядываясь по сторонам. А посмотреть есть на что. Похоже, мы вышли на главную местную дорогу. Недалеко от нее вьется речка, мимо проплывают возделываемые поля, почти на каждом копошатся коричневые фигурки крестьян. Навстречу то и дело попадаются телеги или просто группки местных жителей, куда-то спешащих. Пешие крестьяне при виде нас сходят с дороги и замирают в глубоком поклоне. Те, кто ехал на телеге, останавливаются и стоят, склонившись, рядом с ней. В такие моменты я стараюсь безразлично смотреть в затылок своего проводника. Эти постоянные согнутые спины заставляют меня чувствовать неуютно. Постепенно крестьяне попадаются все реже, долина сужается, полоса полей становится уже.

— Синх, я могу задать пару вопросов? — спросил я когда, наконец, дорога стала пустынной.

— Да, спрашивай.

— А у вас всегда кланяются тем, кто стоит выше?

Синх даже сбился с шага, потом через несколько секунд опять рассмеялся.

— Я все забываю, что ты из дальних краев. Наверное, ты многого просто не знаешь, — начал отвечать он. — Крестьяне выражают нам свое почтение, ведь мы домио этой земли.

Домио — владельцы земли, имеют право на сбор налогов и обязательства по защите живущих на ней — донес до меня мой невидимый переводчик.

— Мы защищаем их от тварей Леса. Они поставляют нам еду и выполняют работы, необходимые для защиты долины, — продолжил Синх свою речь.

— А что будет, если какой-то крестьянин не выразит своего почтения?

Синх крутанул свой посох. Гул рассекаемого воздуха, окованный металлом конец с чмоканьем погружается в землю.

— Тот, кто не выражает почтения домио, нарушает гармонию общества, — Синх использовал еще какое-то слово, смысл которого я до конца не понял. — Он должен быть наказан. Один удар тай'да, без смерти. Если неуважение покажут несколько человек из деревни — будет наказана вся деревня.

Веселые ребята... Одного удара хватит, чтобы переломать половину ребер и ключицу заодно. Боевой посох Идущих по Пути — страшная вещь. А в умелых руках... Перед глазами мелькнуло утро, когда сенсей решил мне показать любимое оружие монахов нашего монастыря.

— Лови, — сказал сенсей и кинул мне белый посох.

Белая палка буквально снесла подставленные ладони. Если бы я не ожидал подвоха, то точно бы уронил эту белую трубу с весом лома себе на ноги. Поудобней перехватив тяжеленный «подарок», я рассмотрел его поближе. Подарок оказался все-таки деревянным. Твердое белое древко, слегка шероховатое, с обеих сторон одинаковые металлические наконечники, длиной в две ладони, необычной шестигранной формы. Длина посоха примерно в рост человека. Я попробовал раскрутить древко. Шероховатое дерево неожиданно удобно легло в ладони. Идеальный баланс, если бы не этот вес, то был бы очень удобный посох.

Сенсей молча отбирает свой «подарок». Легкое движение руки в черном — белое древко с гулом размывается в белый круг. Мгновение, другое, и посох замирает неподвижно. Я видел много чудес на этом плацу, но все равно эта легкость меня впечатлила. Сенсей крутил тяжеленный посох, словно какую-то тростинку.

— Древко из белой йхан, — у меня перед глазами мелькнул образ, высокого деревца с голым, абсолютно прямым стволом и охапкой листьев на верхушке. — Сердцевина высверлена, внутри упругий стальной стержень. Наконечники утяжелены, этим посохом спокойно можно дробить камень. Что некоторые и делают.

С этими словами сенсей поднял руку, в которой невесть откуда оказался небольшой булыжник размером с картошку. Взмах — камень отправляется в полет. Стремительный белый росчерк, и булыжник взрывается словно граната. Осколки каменной шрапнели выбивают дробь из стены и зарываются в белый песок.

— Запомни, Идущие одни из самых опасных воинов в открытой схватке. Никогда не подставляйся под их посохи, — тихий шипящий голос звучит где-то на краю сознания.

Странно, давно это было, а я помню то утро как сегодняшнее. Кстати, о сегодня — я огляделся. Впереди что-то насвистывает себе под нос мой проводник, все так же неумоимо меряя дорогу быстрыми шагами. Сбоку по-прежнему журчит речка, быстрые потоки бегут наперегонки среди множества камней. Только поля уже закончились, вокруг каменистая земля с редкими зарослями кустарника. Да и сама дорога ощутимо забирает вверх, к ущелью.

Выход из ущелья преграждает довольно внушительная стена метров восьми высотой. Над ней возвышаются две деревянные платформы, напоминающие дозорные вышки. Еще одна особенность приковывает взгляд — центр стены над рекой закрыт деревянной перегородкой. Или это не просто перегородка, а часть стены сделана деревянной... На фоне мрачного камня необработанное дерево смотрится как-то глупо.

— Это из-за селей, — Синх, остановился и проследил направление моего взгляда. — Проще восстановить деревянную перемычку, чем расчищать завалы или строить новую

каменную стену. И так почти каждый год приходится камни убирать. Если сильный сель не ослабит, то он смоем часть полей. А еще тут отлавливают всяких мелких тварей, что иногда проходят через заставу или по склонам гор, — продолжил он.

— Смоем? — эхом отозвался я.

— Ты что, в горах никогда не был? Иногда тут сходят такие потоки воды, что несут камни размером с дом. Если услышишь рокот, словно гром — лезь куда-нибудь повыше. У нашей Быстрянки большие сели редко бывают, но пока стену не поставили, поля пару раз смывало. И пошли быстрее, а то к нам уже присматриваются, — оборвал он себя.

Вблизи стена оказалась еще больше. Наверху маячит несколько фигур в синем. Ворот в обычном понимании нет — вместо них проем закрывает перегородка из толстенных бревен. Возле перегородки созерцал дали очередной черно-синий. Он скользнул по нам равнодушным взглядом, уделил несколько мгновений листочку, услужливо протянутом Синхом, и отвернулся.

Из стены донесся скрип, перегородка дрогнула и поползла вверх. Интересно, а как стоящие на посту дают знать, что вход запрещен? Ударом тай'да? Выяснить на себе, правда, как-то не тянет...

Синх тем временем уже направился в полуосвященный коридор. За перегородкой скрывался целый тоннель, ширина стены чуть ли не больше высоты... Однако они тут строят... «Бум-м», — перегородка упала на свое место за моей спиной. Впереди маячат такие же бревна, система-шлюз...

— Это чтобы мелкие твари не пробрались, — пояснил полупшепотом Синх. — И осторожней на выходе, часто мелочь прячется за камнями рядом со стеной, чует долину.

Я перехватил копьё поудобней, как меня уже успел просветить Синх, яд некоторых тварей даст змеиному сто очков вперед. Долго ждать не пришлось — вторая перегородка с таким же противным скрипом уползла наверх. Ущелье за ней мало чем отличалось от оставленной долины. Такого же цвета камни, редкий кустарник и журчащая речка...

— Иди за мной и не сходи с дороги, — Синх перехватил посох обеими руками и, мягко ступая, направился вперед. Похоже, он не шутил насчет мелких тварей. Не прошли мы двадцати шагов как с боку что-то тренькнуло.

— Черный прыгун, — сказал Синх, качнув посохом в сторону, откуда раздался звук. — Слюна ядовита, противоядия нет. От укуса пойдешь черными пятнами и умрешь за половину дня.

За валуном лежала здоровая крыса, пронзенная длинной стрелой... Если конечно бывают крысы длиной с локоть и покрытые черной чешуей. Непропорционально большие задние ноги с внушающим набором когтей и пасть словно из какого-то фильма ужасов. Маленькая, безгубая, набитая торчащими во все стороны клыками. Если у них такие «мелкие твари», то, что будет на заставе?

— Пошли дальше, и аккуратно, их может быть несколько, — отвлек меня голос Синха.

К счастью, больше нам никто не встретился. Только ближе к вечеру увидели небольшой встречный караван из пяти телег под охраной двух синих.

На ночлег мы расположились в каменном бараке с забранной мелкой решеткой окнами. Как пояснил Синх, такие бараки расположены вдоль дороги в одном дневном переходе друг от друга. Закрываются наглухо, в них можно переночевать, не боясь проснуться от укуса какого-нибудь прыгуна.

— А что будет, если к бараку придет кто-нибудь из крупных тварей? — спросил я,

вытянув гудящие ноги. Весь день без перерыва топать по горам это не шутка, даже после изуверской закалки сенсея.

— Тогда мы умрем, — меланхолично ответил Синх. Он что-то зашивал в свете небольшой лампы. — Если через заставу прорвутся крупные твари, мы им точно ничего не сможем сделать. Разве что убежать и залезть куда-то на скалу. Но если они учуют мясо, то ни за что не отступят — будут стеречь несколько недель, пока мы не умрем от голода, а наши трупы не протухнут.

«Оптимистично...» — подумал я про себя. Даже начинаешь задумываться, что лучше — садист сенсей или тесное соседство с зубастыми и ядовитыми зверушками.

— Хуже всего если из Лесов придет Черный Туман. Все живое в нем гниет заживо, сходя с ума от боли. Сейчас, правда, в монастыре есть Повелительница Огня — она может его остановить, — продолжил мой проводник равнодушным тоном.

— Повелительница?

— Да, она живет в том же доме где и ты, когда не дежурит на Заставе. У нее необычное коричневое платье — ты наверняка ее видел, — Синх бросил на меня быстрый внимательный взгляд.

Прямо вечер откровений какой-то. Мир вокруг обрастает новыми чертами. А «прекрасная незнакомка» оказывается Повелительницей Огня. Знать бы еще, что это такое...

— Давай ложиться спать, впереди еще четыре полных дневных перехода. Я еще расскажу тебе про заставу и тварей, — с этими словами Синх отложил свое шитье и задул лампаду.

Вокруг стало темно и тихо. Только снаружи тихонько подвывал ветер. Что-ж, спать, так спать... Завтра будет новый день опять... Я несколько раз медленно выдохнул и погрузился в привычное состояние чуткого полусна-полутранса.

Горы, дорога, река, снова горы... Было бы довольно скучно, если бы не болтовня моего попутчика. Я узнал много нового, например, откуда берутся монахи.

— Мы берем детей крестьян и ремесленников. Каждого второго сына в семье проверяют в пятилетнем возрасте. Самых здоровых и смышленных забирают в монастырь на обучение, — рассказывал мне Синх.

— А как к этому относятся родители? — спросил я.

Синх на несколько мгновений уставился на меня с ничего не понимающим видом. Потом его взгляд прояснился, и он опять рассмеялся.

— Я все время забываю, что ты издалека, — сказал он. — Отдать сына в монастырь — это очень большая честь. Кроме того, семья освобождается от налога на семь лет. В двенадцать лет, если ребенок хорошо учится, его посвящают в Идущего по Пути. Но если он не справляется, то его возвращают назад, — это большой позор. Семье потом трудно выдать дочерей замуж, да и ему самому будет тяжело найти жену. Считается, что это признак плохой крови.

Я задумался. Получается, любой крестьянский ребенок может попасть в касту воинов. Ну не любой, а из самых смышленных вторых сыновей... или как-то так...

— А монахам запрещено иметь семьи?

— Во всех Домах воинов запрещено заводить семью, — Синх уже не удивлялся моим глупым вопросам. — Исключения есть, но их немного. Воину нельзя иметь привязанностей, он должен всецело отдаваться своему Пути. Воин может иметь детей, это не возбраняется, но заботится о них уже его Дом.

Интересная получается система. Воинов готовят с раннего детства, в отрыве от родителей. И они ничего, кроме боевых искусств не видят. Семью им заводить запрещено, но если дети есть, то воспитывает их Дом. Наверняка из этих детей получают отличные новые бойцы, сильные и преданные.

— Мой отец тоже Идущий, но он погиб на заставе, когда мне было три года, — сказал Синх, словно услышав мои мысли. — Я его совсем не помню, как и свою мать.

На несколько минут между нами повисло неловкое молчание. Обычно веселый Синх угрюмо шел впереди. Наверное, не стоило его расспрашивать про семью...

На краю взгляда мелькнула размытая тень. Я, совершенно не задумываясь, хлопнул по клапану метательного ножа, пальцы зацепили освобожденную рукоять. Рука распрямилась, хлыстообразным движением посылая нож в полет. Левая рука подала копьё, тело само развернулось в боевую стойку — копьё на изготовке, ноги полусогнуты, слегка напружинены, глаза ищут врага.

Рядом в похожей стойке замер Синх. Время тягуче тянется, все звуки, словно приглушены, даже ветер, кажется, остановился. Вокруг одни безжизненные камни, только журчание речки за спиной напоминает, что эта статичная картина — реальность.

Сложно сказать, сколько времени прошло, пока Синх не двинулся вперед, к камням, куда я метнул нож. Мои чувства опять дали сбой. Все вокруг словно застыло в смоле. Как и я сам.

— Все чисто, — сказал Синх развернувшись. — Отличный бросок, — в руке он держал что-то похожее на мангуста. В шее этого зверя торчала рукоятка моего ножа. — Это горная

ласка, чистый зверь. У него отличная шкура, правда, лучше всего ее снимать зимой.

Синх говорил что-то еще, но я его не слушал. У меня начался форменный отходняк. Руки, за секунду до того крепко сжимающие копьё, мгновенно вспотели и начали трястись мелкой дрожью. Колени стали ватными, накатило непреодолимое желание присесть. Время сорвалось с места и ураганом понеслось вскачь. Стук крови в ушах заглушает журчание реки и голос Синха. Медленно двигаясь, на подрагивающих ногах, я присел на ближайший к дороге валун.

— На красный мох не садись, он ядовит.

Я вскочил с валуна как ужаленный и в прыжке развернулся к новой угрозе. Копьё пошло назад, готовое проткнуть нового врага. Да только никакого моха на валуне не наблюдалось, ни красного, ни зеленого, ни желтого...

— Это шутка.

Я уставился на Синха — он стоял, небрежно оставив посох, и смотрел на меня спокойными ничего не выражающими глазами. Прошло мгновение, другое — под моим взглядом его лицо пошло красными пятнами. Еще мгновение, и он согнулся пополам от смеха.

— Ха-ха-ха, — смех подобный громкому ржанию огласил окрестные горы. Я же стоял на месте, чувствуя, как мое лицо заливают краской.

— Да, давно я так не смеялся, — наконец Синх встал, со всхлипыванием вытирая выступившие слезы.

На секунду я представил, как втыкаю копьё ему в живот. Тяжелое лезвие с легким скрипом разрезает плотную синюю ткань, пробивает мышцы, входит внутрь. Руки наваливаются на древко, раскачивая его, заставляя наконечник разрывать внутренности.

— Эй! Ты чего?! Я же пошутил, — Синх отшатнулся от меня, вскидывая руки в притворном испуге.

Наверное, что-то выдало мои мысли. Может взгляд, а может побелевшие пальцы, вцепившиеся в копьё.

— Не шути так больше, — слова с трудом протиснулись через пересохшее горло.

— Хорошо-хорошо. Больше не буду, — ответил Синх вполне серьезным тоном. — Присядь, отдохни. Я сейчас сниму шкурку, и пойдём дальше.

С этими словами он протянул мой нож. Я послушался совета и отошел в сторону. Последний взгляд Синха мне совсем не понравился. Слишком внимательный и цепкий. Как будто меня внимательно оценивают, проверяют реакции в различных ситуациях. Может быть, это излишняя паранойя, но приставить соглядатая под личиной проводника, ход вполне в духе местных интриганов.

Еще мне не понравилась моя реакция на угрозу, точнее этот отходняк, когда опасность миновала. Трясущиеся руки и подгибающиеся колени — я здорово перепугался. Полтора года адских тренировок, боли и унижений, ради того, чтобы испугаться первой мелькнувшей тени. Хороший из меня воин-мститель... саркастичная усмешка растянула пересохшие губы.

— А ты молодец, попасть ножом ласке в шею за шесть шагов, да еще с ходу. Я бы так не смог, — вещал Синх, склонившись над тушкой. — Да и в стойку сразу встал. А то, что потом руки дрожат — это бывает. Мы, помнится, новичкам в постель чучело прыгуна или паскудника подкладывали, так некоторые даже простыни пачкали.

Проснуться и увидеть морду прыгуна? Меня передернуло. Ну и шутки у этих ребят...

— Вот и все, сейчас промою шкурку, засыплю дубильником и пойдём, — Синх

распрявился. — Только по сторонам все равно смотри, в следующий раз на самом деле может быть прыгун. И не бойся, что я смеяться буду — лучше испачкать штаны, чем сдохнуть от яда, поверь мне.

Итак, Дома воинов — закрытые организации, всех воинов обучают с раннего детства и с самого начала прививают преданность к Дому. Достаточно послушать, как разливается Синх: «Наш Дом самый лучший, мы благородно защищаем крестьян от тварей, а если нам кто-то не кланяется, скотина неблагодарная, то получит посохом по хребту!» Но я не о том думаю. Какое мне дело до Дома Идущих? Мне бы просто выжить в этом жестоком мире. А как это сделать, когда я от страха стоять на ногах не могу?

Дорога, едва намеченная колея на каменистой почве, споро ложится под ноги. Блики клонящегося к закату солнца играют между камней. Легкий ветерок приятно холодит разгоряченную грудь. Дышать немного трудно, — наверное, высота сказывается. Судя по солнцу, скоро будет очередная ночевка.

Со страхом можно бороться разными способами, самый надежный способ — это опыт, опыт многочисленных боев, схваток не на жизнь, а на смерть. Все, что мне надо, — выжить в этих схватках. Я усмехнулся. Но можно пойти по более простому пути — тренировочные бои, спарринги. Не знаю, почему сенсей не проводил их, на мой взгляд, они могли мне серьезно помочь.

— Синх, — позвал я бодро шагающего впереди монаха.

— Да?

— А мы можем сегодня устроить тренировочный поединок? — задал я мучавший меня вопрос.

Синх остановился и удивленно посмотрел на меня.

— Зачем тебе это?

— Мой учитель не устраивал учебные поединки, а мне кажется, что это может мне помочь лучше реагировать на опасность.

— Не устраивал? — Синх продолжал удивленно смотреть на меня. — Если он этого не делал, то тому должны быть серьезные причины.

«Например, ему было не интересно вести бой с таким мясом как я», — проскочила у меня мысль, но вслух я ничего не сказал.

— Если ты этого серьезно хочешь, то почему бы и нет. Пошли быстрее, тут осталось совсем немного, — Синх махнул рукой куда-то вперед.

Перед баракком оказалась удобная площадка. Пятнадцать минут, чтобы проверить барак, сложить вещи и подготовиться к бою. И вот мы стоим в пяти метрах друг от друга. Синх достал из мешка белые наконечники на посох, из материала чем-то напоминающего резину.

— У меня нет защитных чехлов, — сказал я.

— Сражайся без них, если ты меня ранишь, значит так мне и надо, только ножи не бросай, — улыбка Синха блеснула красным в свете заката.

Я поудобней перехватил копье. Меч и нож на поясе, но против посоха они практически бесполезны, просто не дотянусь. Можно что-то попробовать с перехватом, но...

Внезапно Синх как-то очень быстро делает несколько стелящихся шагов. Секунда, и его посох уже в десяти сантиметрах от моего лба. Машинально я скидываю копье и шагаю назад. Сильный удар подрубает ноги, красное небо мелькает в глазах, жесткая земля больно бьет в затылок. Толстая белая насадка взбивает пыль перед моим носом.

Заходящее солнце окрасило небо во все оттенки красного. Прохладный ветерок приятно

холодит разгоряченный лоб. Малиновые туши облаков величаво плывут в розовой дымке, закаты в этом мире очень красивы. Некий посторонний белый предмет заслонил обзор. Исчез... Кто-то уходит от меня... Да это Синх возвращается на исходную позицию... Меня сделали как ребенка, красиво и непринужденно.

Резким движением я поднялся на ноги. Левая нога, по которой пришелся основной удар, горит огнем. Доля секунды и волна хлада смывает боль. Копье свободно лежит в расслабленных руках, острие вниз, ноги слегка напряжены, взгляд безразличен, смотрит на противника и одновременно сквозь него.

Синх стоит напротив, жесткий и холодный, — не узнать. Внезапно он снова делает несколько быстрых шагов — белый наконечник снова летит к моей голове. Но я уже готов, лезвие копья само движется на перехват, еще чуть-чуть, и оно располосует его кисть. Синх так же быстро, почти не уловимо, делает какое-то движение, чуть было не зацепив копье посохом. Я увожу копье влево, он подходит чуть ближе. Вдруг, его рука хватается за копье. Сильный рывок! Я успеваю отпустить древко, успеваю схватиться за меч и даже успеваю его потянуть из ножен, когда белый набалдашник заслоняет весь мир.

В этот вечер меня хватило еще на три раза. Потом Синх оставил меня, валяющегося после тычка в солнечное сплетение в позе эмбриона, и занялся ужином. На ужин оказалось мясо куницы, разбавленное лепешками и сушеными ягодами. Сейчас же я лежу на кушетке в бараке, пытаюсь сдерживать тошноту. Запихать в себя еду удалось с большим трудом, удержать ее — еще сложнее.

Болит колено, которому досталось в первый раз. Болит правая половина лица, куда прилетело во второй раз. Глаз уже оплыл и еле открывается, только Хлад спасает. Болят ребра и спина — по ним пришлось в третий раз. Болит бедро, пострадавшее в четвертом бою. Ну а живот просто мутит, до красных кругов перед глазами.

Синий поток льется сквозь меня. Мельчайшие искорки остаются, оседают, прилипают к пылающим красным огнем поврежденным тканям. Они несут с собой прохладу и исцеление. Не знаю, чтобы я делал без своей Силы.

— Для начинающего неплохо, у тебя хорошая база и хорошие инстинкты, только никакого опыта, — сказал Синх, когда я дополз к костру, где жарилось мясо.

Я в ответ только смутно что-то промычал, дыхание еще не восстановилось.

— Мы можем устраивать поединки каждый вечер, но это может быть неправильно. Обычно к поединкам приступают только на определенном шаге обучения. И ведутся они не просто так, а с отработкой того, что ученик постиг ранее. Учебные бои — это тоже часть пути, и она должна гармонично сочетаться с тем, что было и с тем, что будет, — Синх высказался несколько витиевато, но смысл я понял.

— Понимаешь... у меня свой путь. Мой учитель... не показывает дорогу. Он... закаляет меня... но по дороге... я должен идти сам, и я сам должен найти свой Путь, — короткая речь получилась скомканной, с придыханиями, но произнеся эти слова, я сам поверил в них.

— Хорошо, я буду тебе помогать в поиске Пути, — ответил Синх после минутной паузы. — Может, скоро ты сможешь меня достать по-настоящему, — он с улыбкой показал на царапину, на своей бритой голове, в третьей схватке мне каким-то чудом удалось его задеть.

— Поешь, тебе надо восстановить силы, завтра вечером мы повторим бои. Пять схваток будет достаточно, — от широкой усмешки Синха можно зажечь костер.

«Господи, еще один садист», — промелькнула обреченная мысль.

Новый день, похожий как две капли воды на прошедший. Разве что дорога забирает вверх, стремясь к заснеженному перевалу между двух вершин. Идти по обледеневшим камням гораздо сложнее, рискуешь в любой момент поскользнуться и полететь вниз. Болит колено, бедро, болят ребра и спина, впрочем, не в первой. С сенсеем приходилось гораздо хуже. Здесь же смотри под ноги, слушай попутчика, да задавай порой наводящие вопросы.

Один раз навстречу попался большой караван из тридцати повозок под командованием аж черно-синего. И он, о чудо, даже ответил кивком на наши поклоны. Наверное, это первый раз, когда монах в черно-синих одеждах как-то на меня отреагировал. Большая часть телег шла полупустыми, а некоторые и вовсе не несли ничего, кроме возниц.

— Этот караван отвозил еду на заставу. Там есть свои поля, но их мало, — пояснил Синх. — Назад часто везут всякую всячину из Предлесья, некоторые растения, куски древесины, туши тварей.

— Тварей?

— Да, на них можно неплохо зарабатывать. С трех-четырех прыгунов можно получить столько золота, что на год хватит. Тени очень хорошо платят за яд, а мягкотелые расхватывают чучела — они там помешались на этих тварях.

«Мягкотелыми» на местном жаргоне называли жителей основной части империи. Той части, что никогда не знала угрозы нашествия исчадий Безумного Леса.

— Всякие торговцы покупают тех же прыгунов и ставят возле двери в дом, чтобы те отпугивали беду, — в голосе Синха сквозило ехидство. — Совсем у себя на равнинах с ума посходили.

Я на ходу кивнул обернувшемуся Синху — дескать, да, на равнинах совсем глупые люди живут.

— И много вы трофеев с Леса получаете?

— Не то, чтобы много, нарочно в Лес никто не суется, разве что близко от Заставы. Ночевать даже в Предлесье — это дурной способ покончить с жизнью. Порой опытные воины делают вылазки, иногда кто-то из Мастеров заказывает редкие ингредиенты, что можно найти только в Лесу. Но чаще убиваем то, что лезет на Заставу. Почти все продаем на равнину.

— А куда потом деньги уходят?

— Оружие, одежда, часть еды, что не растет у нас, лекарства, услуги врачей. Часть откладывается на будущее. Например, услуги Мастеров Камня очень дорого стоят, — может, мне показалось, но голос моего попутчика слегка напрягся, когда он отвечал на скользкий вопрос.

— А часто твари нападают на Заставу? — я поспешил перевести разговор на другую тему.

— Всякая мелочь лезет постоянно. А крупные когда как, иногда бывают спокойные времена, а порой твари словно с цепи срываются. Обычно зимой спокойней, если что-то происходит — то поздней весной, как сейчас, или уже летом. Ну и осенью шальные волчанки лезут.

— Волчанки?

— Это что-то вроде большой серой собаки, со свалывшейся шерстью, только шесть лап и

по скале лазает что паук, обожает прыгать сверху и ломать шею.

От описания очередной твари по коже побежали мурашки. Какие-то выродки из сказок про мутантов, только в разы страшней и опасней.

— Горы для волчанок слабое препятствие, поэтому приходится осенью рассылать патрули. Хорошо еще, что они питаются падалью и на группы людей не нападают, — продолжал вещать Синх. — Но вдвоем мы бы уже на Заставу не пошли — опасно. Разве что только по этому перевалу, тут всегда холодно, а твари этого не любят.

Кстати, о холоде, мы уже довольно высоко забрались. Мой попутчик давно кутается в шерстяной плащ, я же продолжаю щеголять в плотном синем кимоно, что мне выдали в монастыре. Дует сильный, пронизывающий ветер, под ногами похрустывает ледяная корка. Разумом я понимаю — мне должно быть холодно. Даже ощущаю кожей этот холод, но не мерзну. Должно быть, очередной выверт изменившегося тела. Я тоже меняюсь, становлюсь похожим на местных адептов... Глядишь, как-нибудь проснусь — а глаза закрыты коркой льда или покроюсь дымкой на манер Мрака...

Я остановился на краю дороги. Впереди что-то вещает Синх, но я его не слушаю — хочется несколько мгновений просто постоять и ни о чем не думать. Тихо шелестит ветер, перекачивает между камней редкие снежинки, срывает с губ пар и уносит куда-то вдаль. Уходит вниз каменистый покатый склон. Голые коричневые камни, с редкими вкраплениями белого. Вдалеке маячат редкие, обрывистые пятна зелени. И воздух, кристально чистый морозный воздух. Кажется, если напрячься, то можно разглядеть в деталях камень на противоположном склоне — каждую его выщербинку, каждую прожилку...

— С'е-е-еро! Чего встал? — недовольный окрик разорвал накотившее состояние транса.

Я молча поспешил на зов. Когда-нибудь я вернусь, когда буду свободен и смогу идти куда захочу. Тогда я буду просто ходить и смотреть на горы, на деревья, на колышущуюся под ветром траву, и не думать о том, что мне надо куда-то бежать, что-то делать. Когда-нибудь...

Нога цепляется за какой-то булыжник, другая скользит по обледенелой дороге. Взмах руками — я каким-то чудом удерживаюсь, чтобы не покатиться по склону, которым несколько мгновений назад любовался...

«Да, вернусь. Если не расшибусь насмерть в этих горах, и если меня не укусит спрятавшаяся в отхожем месте какая-нибудь смертельно ядовитая тварь», — мрачная усмешка сама собой растянула губы.

Синх, наблюдавший за моими пируэтами, лишь недовольно покачал головой да махнул рукой, чтобы я шел за ним.

Приятно смотреть на огонь. Есть в нем что-то завораживающее. Наверное, когда-то мои предки так же любовались огнем костра, как я сейчас смотрю на языки пламени в небольшом очаге. Правда, этот очаг в другом мире, в небольшой избушке на забытом богами горном перевале. Но это не мешает смотреть... смотреть на танец желтых искр, ощущать жар огня, слышать потрескивание поленьев и вой холодного ветра за окном. От этого воя хочется прижаться поближе к очагу, впитать побольше тепла. Странно... вроде холода я уже не боюсь, а старые страхи остались.

— Ну как, С'еро, тебе сегодняшние тренировочные бои? — Синх мимоходом хлопнул меня по плечу и устроился рядом.

Меня перекосило от вспышки боли. Сегодня в спарринге Синх чуть было не сломал мне

ключицу, только в последний момент я извернулся и смягчил удар.

— Нормально, — ответил я спокойным голосом. Волна холода уже заглушила боль.

— Да? Ты быстро восстанавливаешься, от последнего удара старший ученик отходил бы два-три дня, — в голосе Синха проскользнули ехидные нотки.

Я не обычный человек. Уже... Монахи тоже далеки от обычных людей. Отрадно слышать, что я их хоть в чем-то перегнал. Стоп. Он мне что, специально по плечу двинул?!

— Не обижайся, должен же я проверить, насколько мой спутник боеспособен, — Синх абсолютно правильно истолковал мой взгляд. — Да и боль ты переносишь прекрасно. Словно можешь ее почти сразу глушить по собственному желанию.

Кто же мой спутник? Весельчак-балагур или шпион, приставленный руководством монастыря? А может так и есть — шпион, играющий роль весельчака? Отрытому дружелюбному человеку проще втереться в доверие и узнать что-то нужное. Да и в обычной, праздной болтовне, можно услышать пару случайно оброненных слов и сделать правильные выводы. И это объясняет, откуда такая дружелюбность и стремление общаться.

Я подавил желание всмотреться в своего спутника, уж больно он хорошо читает взгляды. Но что же делать? А ничего... Кто бы он ни был — все, что я могу, это лишь следить за языком, да выуживать ценную информацию об этом мире.

Жить в постоянном страхе то ли раскрытия, то ли смерти. Хотя не сказать, что я сильно боюсь. Уже надоело бояться, и все чаще страх встречает лишь безразличное равнодушие. Интересно, а что сделает сенсей, если я откажусь выполнять его приказы? Убьет меня сразу или утопит в океане боли?

— С'еро, не переживай, — голос Синха звучит отстранено и глухо, как будто из другой реальности. — Ты очень быстро учишься и когда-нибудь сможешь победить меня. Я видел тебя год назад — ты был похож на обожравшегося крестьянина, что в первый раз попал в монастырь. А сейчас на тебя хоть можно смотреть без отвращения.

Надо же, меня утешают, правда, от этих утешений хочется захватить Синху промеж глаз чем-нибудь увесистым. Тай'да прекрасно подойдет.

— Давай спать, утром снова в дорогу, — сказал я и поразился своему глухому, безжизненному голосу.

Синх в ответ лишь пожал плечами и как-то плавно перетек к своей лежанке. Странно... восприятие снова играет с моим сознанием? Я посмотрел на языки огня. Они пульсировали в странном рваном ритме, то ускоряясь, то замирая на несколько мгновений. Похоже, от переполняющих меня эмоций что-то внутри начинает сбоить, и мои чувства начинают играть самым причудливым образом. Надо успокоиться... Дышать глубже... Да и отдохнуть и подлечиться тоже нужно...

С некоторым трудом я добрался до лежанки. Но ни уснуть, ни провалиться в лечебный транс не получается. Мысли скачут, как перепуганные зайцы, перед глазами суматошно мелькают образы прошедшего дня.

Кадр — перевал, ярко синее небо, маленькие снежинки кружатся над россыпью камней... Кадр — утро, горячая похлебка, легкая тошнота, последствие от вчерашнего тычка в солнечное сплетение. Кадр — снова небо, уже темное, и небольшое плато на вершине перевала — несколько длинных бараков и дюжина небольших избушек. А вот уже момент из спарринга, в замедленном кино.

Белая черта перед глазами, копьё от сильного удара улетает куда-то в сторону. Моя рука самостоятельно хватается за рукоятку меча.

Меч медленно поднимается, его блокирует посох. Дуговое движение белого наконечника — я еле успеваю разорвать дистанцию. Синх помогает мне, удаляется от меня, и сразу, снизу, второй наконечник маятником приближается к моей руке. Я слишком увлечен отступлением, чтобы отреагировать — белый маятник подбивает мне руку, выбивает меч. Не будь смягчающего наконечника — раздробило бы кисть.

Другой момент — я уже с мечом в левой руке, правая онемела после удара, проваливаюсь в безнадежном выпаде. Синх легко, танцуя, уходит вправо. Белый маятник неотвратимо падает сверху вниз. Только в последний момент я успеваю дернуться назад, принимая удар по скользящей. Боль в пострадавшей ключице, в пересчитанных ребрах.

Я чувствую, как саркастическая усмешка кривит мои губы. Это ведь так просто — достать Синха. Он меня делает, как маленького ребенка, играет, как кошка с мышкой. Захочет — ударит снизу, захочет — прихлопнет сверху.

Отсвет заходящего солнца на отполированной голове и веселая усмешка, белоснежные зубы сверкают в сумраке. Синх смотрит, как я оседаю, перекосившись от боли. Буря злобы поднимается внутри. Идет из груди вверх, ударяет в голову, затуманивает глаза оранжевой пеленой. Спокойно... Надо успокоиться. Местные прекрасно чувствуют эмоции. Синх уже заворочался на своей лежанке. Надо успокоиться.

Хлад накатило и обьял меня спокойной прохладой. Исчезла оранжевая взвесь, смытая холодной волной. Перед очистившимся внутренним взором снова скалится Синх, но гнева больше нет. Злоба ушла... Хотя нет, что-то осталось. Ледяная решимость где-то глубоко внутри. Достать, достать его любой ценой...

Успокоиться. Дышать глубже... Я спокоен, эмоции погашены, ушли глубоко внутрь, тело расслабленно разлеглось на примитивной кровати. Мой сосед тоже успокоено замер, только слышно, как потрескивают в очаге остатки поленьев. Надо спать... Залечить новые травмы и спать. Завтра наступит новый день, надо быть готовым. Так, сам себя уговаривая, я провалился в спасительную тьму.

Следующий день запомнился смутно. Мы спускались с другой стороны перевала. Она ничем не отличалась от подъема. Все было как в тумане. Я односложно отвечал Синху, поддакивал ему и краем уха слушал его разглагольствования. Отдельные моменты запоминал на будущее, но не разбирался в них. Я не мог ни на чем сосредоточиться — мысли витали где-то далеко.

Нескончаемые камни, дорога, сначала обледенелая, потом обычная. Хорошо, что хоть тварей не попадалось, не знаю, как бы я на них реагировал. Но все кончается, кончился и этот день. Очередной привал, небольшое плато, расчищенное от камней, несколько барачков и стойла для лошадей. Синх уже проверяет место для ночлега, достает из мешка белые насадки. Скоро будут поединки...

Тут как будто кто-то щелкнул выключателем. Мир внезапно стал ясным и четким, исчез туман, окружавший меня весь день. Шелест ветра резанул по ушам. Я стал слышать свое дыхание, бречание, доносящееся из разбираемого Синхом мешка. Бой, грядет бой...

И вот мы уже стоим на расстоянии десяти метров друг от друга. У Синха неизменный Тай'да с насадками у меня уже обнаженные Ксан'ра и К'тха, мой меч и кинжал. Копье остается с остальными вещами, хотя может и зря. Синх начинает сближаться танцующим шагом, белые насадки выписывают круги.

Подшаг, намек на удар, уход, снова шаг, снова уход от возможного удара. Так мы танцуем минуты полторы, пока я не проваливаюсь в выпаде чуть сильнее чем следовало.

Синх тут же наказывает меня сильным ударом справа, я пытаюсь уйти, но не успеваю...

Внезапно время замедлилось. Вот ко мне летит тяжелый белый набалдашник, вот моя рука медленно ползет назад... Она явно не успевает, еще чуть-чуть и тяжеленный посох впечатается в нее, сомнет мышцы и пойдет дальше, к груди, и там он остановится, полностью передав энергию удара. Без наконечника, в полную силу, меня можно было бы уже хоронить. Да и тут приятного мало — в самом начале серии поединков выходит из строя рука. Мышцы просто не успеют оправиться после такого.

Но мое тело движется само. Я отстранено наблюдаю, как чуть поворачиваются плечи, чуть смещается вперед рука — так основная нагрузка придется на спину и ребра. Часть разума окунается в синий Поток. Маленькие частицы Хлада стремительно собираются в мышцах, что сейчас примут тяжесть тай'да.

Удар! Время стремительно понеслось вскачь. Меня подбрасывает и валит на землю, правая сторона груди и правая рука заморожены и ничего не ощущают, только перед глазами сжатый добела кулак с рукоятью меча.

Я силюсь вздохнуть, получается, но с трудом. Чьи-то ноги удаляются от меня... Ну да, это был «смертельный удар». А может просто Синх пожалел меня. Впереди еще четыре схватки, если меня сейчас добить, то я даже стоять нормально не смогу.

Подняться, проверить оружие — правая рука двигается с трудом. Даже не разобрать, она онемела от удара, или сказывается эффект заморозки. Поменять оружие местами, от меча в левой руке сейчас гораздо больше пользы. Пару раз вздохнуть, сосредотачиваясь, и кивнуть Синху — отмашка на начало боя.

Синх вновь идет танцующим шагом. Белые наконечники вновь описывают круги в такт его поступи. Интересно, когда левая нога отрывается от земли левая часть посоха идет вниз, компенсируя смещение центра тяжести, с правой ногой тот же принцип. И это правильно — сам посох слишком тяжел, для того чтобы им эффективно управлять, движения всего тела должны быть скоординированы. Тогда, получается, по положению посоха можно предсказать движения его ног и рук...

Легкий выпад прервал мои размышления. Лучше отсечь лишние мысли, иначе эта схватка закончится очень быстро и болезненно. Впрочем, Синх и так ведет себя гораздо наглее, чувствует мою слабость.

Мой меч проваливается в пустоту, Синх неожиданно резко смещается влево, одновременно закручивая посох. Я понимаю — меня опять поймали. Поймали легко и непринужденно. Белый наконечник приближается слева. Он летит к моей голове. Время опять замедляется, я пытаюсь пригнуться и наклонить голову, принять удар по касательной... почти успеваю...

Земля плывет куда-то в сторону, пытается вырваться из-под опирающихся на нее рук. Рядом валяется кинжал. Что-то гудит в левой части головы. Ага... Синх меня опять достал... И правильно, в бою надо быть сосредоточенным только на бое...

Меня мутит, все вокруг расплывается, только вижу, как Синх встает на исходную, на его губах та же издевающаяся усмешка. Он смеется надо мной, над моей неуклюжестью, радуется той легкости, с которой меня разделяет. Волна гнева заставляет подхватить клинки и подняться. В голове проясняется, боль уходит куда-то вглубь, земля больше не пытается вырваться из-под ног.

Так... Он меня один раз ударил справа, потом слева, значит, сейчас будет бить в центр. Голова, грудь или живот... В голову он бить не будет — он хочет еще со мной проиграть,

значит грудь или живот. Скорее всего живот, но не сильно, чтобы я смог оправиться после удара...

Гнев исчезает. Остается холод. Мир вокруг цепенеет, покрывается корочкой льда... Снова приходит решимость... Достать, достать его любой ценой. Это чувство пульсирует и расширяется, заполняет все... Но надо успокоиться, нельзя выдать своих чувств. Иначе он меня и близко не подпустит. Лучше всего изобразить гнев. Изобразить что я ослеплен им, бездумно бросаюсь вперед. Тогда он прикончит меня одним красивым ударом, и у меня будет шанс...

Я поднимаю из глубины гнев, даю ему заполнить меня, выпускаю его наружу. Сознание разделилось, одна часть гневно сжимает рукояти, испепеляет взглядом скалящегося Синха, другая спокойно за этим наблюдает, рассчитывает расстояние, прикидывает — как бы его достать.

Долго тянуть нельзя. Кивок. Синх снова, ухмыляясь, начинает приближаться ко мне. Шаг другой — я бросаюсь к нему на встречу. Расстояние стремительно сокращается, еще немного и... Синх чуть-чуть меняет ритм, наконецник, ускоряясь, идет ко мне на встречу. Снизу-вверх в живот, но слишком далеко... я не могу его достать.

Время снова замедляется. Я изгибаюсь, ухожу в сторону. Сознание, помимо моей воли накачивает пресс силой Хлада. Я успеваю... почти... Опять не хватает... чуть-чуть...

В живот словно заехали тараном. Я лежу и глотаю воздух, перед глазами оранжевые круги. Несмотря на все ухищрения, он меня снова достал. Сквозь хрипы слышно, как шуршат камешки под обувью Синха — он снова возвращается на свое место. Три — ноль. Осталось две попытки.

Гнев. Холод. Снова гнев... Я встаю. Перед глазами круги, они посветлели, но никуда не исчезли. Опять вернулась боль в левой части головы. Но это все не важно. Я должен его достать. Мир сузился до каменной площадки. Есть только он и я. Остальное — пустота.

Кивок. Он снова улыбается, он снова идет ко мне. Посох выписывает круги. Вверх, вниз, снова вверх. Он приближается. Меня шатает — влево, вправо, вперед. Я подстраиваюсь под его ритм. Я шагаю вперед. Он не сдерживается — бьет. Снизу-вверх по дуге справа.

Оковы Хлада слетают с правой руки. Ненужный нож летит на землю. Я шагаю вперед, ладонь мягко встречает летящее ко мне древко. Обнимает, тянет на себя. Ритм искажается, вытягивается ко мне. Меч идет на встречу. Он тоже в этом потоке. Он часть его. Он рассекает реку и идет на встречу. И слишком поздно чтобы кто-то его остановил.

Стоп. Время стоит. Ксан'ра замер у горла Синха, один сантиметр до кожи. Его глаза рассеяны, он не понимает, что произошло. Издевательская усмешка медленно умирает на его губах.

Волшебное зрелище...

Время начинает свой бег. Жаль... Легкая грусть, дымкой растворяется в нарастающем гуле секунд.

Раскрученный посох сносит меня. Я вновь лечу к земле. Но это не важно, я достиг цели. Жесткая земля выбивает воздух из груди. Каменный выступ неотвратимо приближается к голове. Боль... Темнота...

Холод... холод и тьма. Маленькие синие искры кружат вокруг. Одни тают, медленно исчезая, на их место приходят новые. Искры пляшут, несутся в сложном танце, рисуя странные вычурные кружева, одновременно красивые и чуждые. Только холод мешает, отвлекает от них, рассеивает внимание... холод и тьма.

Искры кружатся вокруг, их все больше. Тьма отступает, но холод остается, проникает все глубже, сливается со мной... Свет... Свет и тепло... Где? Откуда?

— Ну и напугал же ты меня, — странные слова пришли с края сознания. — Сначала я подумал, что мне горло вскроешь, а потом, что ты сам уйдешь к Солнцу.

Свет шел откуда-то справа. А перед глазами маячило посеревшее от времени дерево потолка. Дерево — что это? Потолок?

— Меня, знаешь ли, не похвалят, если ты умрешь, тем более от моей руки, — голос смутно знаком, где-то я его слышал раньше.

Потом накатила тупая боль, и я все вспомнил. Бой, удары, гнев и холод, горькую сладость победы и камни, летящие навстречу.

Где я? Впрочем, очевидно, в бараче, что рядом с местом поединка. Куда еще Синх мог меня притащить? Только это не важно — гораздо важнее, сколько я пролежал без сознания...

— Время, — только и смог я выдавить через пересохшее горло.

— Два часа прошло, — ответил Синх.

Он продолжал говорить что-то еще, но меня это уже не интересовало. Два часа я провалился без сознания. Могло быть и хуже... Мозг не мускулы. Если я его сломаю, назад мне его никто не соберет...

— Пить, — меняхватило на еще одно слово.

Синх, что необычно, просто заткнулся и поднес к моим губам пиалу с водой. Вода... такая вкусная, а пить так приятно... Я задержал последний глоток... Чуть солоноватый привкус. Странно, но я не ощущаю температуру воды... совсем.

Мой спутник сидит рядом. Кажется, он серьезно обеспокоен, или это игра отблесков пламени искажает его черты. Вместо обычной полуулыбки-полуухмылки губы сурово поджаты, между бровей пролегла тяжелая складка.

— Лежи, — наконец говорит он. — Если захочешь поесть — я принесу еду. С кровати тебе лучше не вставать.

Синх не отпускает шуточки, даже ухаживать готов — все так серьезно? У меня хоть руки-ноги не отказали? Нет... вроде все на месте и шевелится. Только тупая головная боль... но это ерунда, бывало гораздо хуже.

— И спасибо, что не прирезал меня, — сверкнули в улыбке белоснежные зубы.

Уф... даже от сердца отлегло, Синх вернулся к своему нормальному состоянию. И что-то я чувствую еще... Странное чувство... Тепло... Я чему-то рад? Я рад, что Синх признал мою победу? Что это? Гордость? Тепло... Холод... Свет... Все смешивается в светящейся карусели и уносится куда-то вдаль. Сон... Спать.

Утром голова практически не болела. Если, конечно, резко не дергаться. Синх, выслушав меня, только поцокал языком.

— Идти можешь — и отлично, — оптимистично заявил он. — От тварей я тебя

прикрою. И можешь не кивать, я тебя и так пойму.

Перед отправкой Синх сжег в очаге бинты и тряпицы со следами крови. Хотя я не помнил, как он меня перевязывал, но вылилось ее из моей головы порядочно. Пятна на улице были залиты какой-то мерзко пахнущей дрянью еще вчера. У меня даже не возникло вопросов «Зачем?» — слишком хорошо я помнил мимолетное замечание про нюх тварей и их упорство в преследовании добычи.

К счастью, по пути никого не попадалось, да и солнце начало пригревать. Легкий ветерок с чуть уловимым запахом цветов унес последние остатки боли и тошноты. Ноги сами собой несли меня по теплому склону. Начали попадаться кустарники и низкие деревца. Опять стало слышно щебетание птиц. Как-то незаметно, рядом с дорогой появился ручей.

— Ну как, С'еро, хочешь еще поединок сегодня вечером? — голос Синха отвлек меня от созерцательного настроения.

— Нет, спасибо, пока хватит, — ответил я, прежде чем осознал вопрос.

Синх ехидно усмехнулся. Хотя он шел впереди, и я не мог разглядеть его лица, но я ощутил эту уже осточертевшую усмешку.

— Если надумаешь — обращайся, — сказал он. — Всегда интересно тренироваться с тем, кто способен на ки'ина'ри.

Ки'ина'ри? Мой переводчик сработал с опозданием, но все же донес смысл этого словосочетания — бой с использованием силы мысли или ведение боя согласно стратегии... Ерунда какая-то... Может, Синх так объяснил для себя мою победу? Только сомневаюсь, что он угадал, я ведь сам не понял, что делал... Какая-то невероятная смесь транса, наития и удачи. Причем последнего больше всего, если бы Синх не был настолько самоуверен, у меня бы не было и тени шанса.

Что касается спаррингов — с ними на самом деле лучше пока завязать. С одной стороны, тяжело себя чувствовать полностью беспомощным. Да и бессмысленно биться головой об стену, наверх надо подниматься постепенно, маленькими шагами. А с другой стороны, это может плохо закончиться. Твари не будут ждать, пока у меня перестанет кружиться голова.

— К вечеру мы должны быть на Заставе, — «вовремя» напомнил Синх. — Так что давай прибавим шаг.

— А что на Заставе обычно делают новички? — вопрос сам собой соскочил с языка.

— Тренируются, учатся убивать тварей, стоят вахты на стенах, ходят в патрули — все как обычно.

Вроде ничего страшного, хотя для меня наверняка придумают какую-нибудь гадость.

— Тебе, как Обладающему Силой, могут определить что-нибудь другое, — Синх словно услышал мои мысли. — Но это уже не нам решать.

Где-то в глубине опять заворочались тусклые мысли и страх. Боязнь перед неизвестностью, перед тварями, перед новыми испытаниями. Потом накатило безразличие. Сколько можно бояться? Самое худшее, что может случиться — это смерть. Стоит ли ее бояться, когда моя жизнь и так зачастую напоминает агонию? Стоит ли портить себе столь редкие мгновения спокойствия, когда можно просто идти куда-то и слушать пение птиц? Наслаждаться шепотом ветра и любоваться небом?

Я постарался отбросить подальше черные мысли и насладиться минутами спокойствия. И у меня получилось, ушел страх, ушла ненависть к своим мучителям, осталось только спокойствие и тишина. Та тишина, что внутри, которая не мешает слушать мир, а напротив,

помогает наслаждаться им...

— С'еро, не расслабляйся, тут под каждым кустом может быть прыгун, или что похуже, — диссонансом проскрежетал голос идущего впереди.

Умеет же Синх испортить настроение. Впрочем, у него не получилось нарушить спокойствие, сбить меня с настрое. Но он прав. Нужно быть настороже... И тишина изменилась, подобралась, собралась в тугой комок, готовая к резкому прыжку.

Ближе к вечеру нас встретили. Сначала на дорогу вышел монах в синем кимоно и жестом приказал следовать за ним. Я не сразу понял, откуда взялось ощущение неправильности. Только через дюжину шагов до меня дошло, что вместо неизменного тай'да у него в руках копьё, сильно похожее на мое.

За поворотом нас ждали остальные — еще трое синих, один черно-синий и двое в необычных серебряных одеждах. Серебряные сразу привлекли внимание. Их одежды — сложное сочетание белого и серебра, гораздо вычурней и красивей аскетичных кимоно Идущих... Высокие наплечники, черные шапки, разноцветное оперенье стрел над плечом, и большие, странной формы луки... Я заставил себя отвести взгляд — мало ли как они истолкуют мое любопытство...

«Так вот кто подстрелил того прыгуна возле стены», — промелькнула несколько неуместная мысль.

Краем глаза я заметил, как черно-синий разглядывает бумажку, поданную Синхом. Причем рассматривает гораздо внимательней, чем черно-синий, который стерег выход из долины. Пара синих с копьями как-то незаметно сместилась в стороны, беря нас в клещи. Третий маячил за рядом с серебряными, стоящими в отдалении.

«Взяли в коробочку... Лучники наготове, и еще один синий остался у нас за спиной», — мурашки побежали по спине, ладонь, сжимающая копьё, сама собой вспотела.

— Видели ли вы тварей или их следы? — задал вопрос черно-синий.

— Нет, саех, — с поклоном ответил Синх.

— Идите. Дорога чиста. И пусть Солнце осветит ваш Путь, — с этими словами черно-синий вернул бумагу Синху.

Наблюдая краем глаза за проходящими мимо монахами, я думал о том, как все-таки мало знаю об этом мире. И совершенно ничего не знаю о людях вокруг, об их обычаях, нормах общения.

— А кто это был в серебряных одеждах с луками? — спросил я, когда место встречи скрылось за очередной извилиной склона.

— Серебряные одежды? Это ученики Дома Молчаливых Стрел, — ответил Синх. — Они любят красивые наряды, но с луком обращаются действительно хорошо. Их Дом младший домио этой земли и помогает нам в защите Заставы и долины. Сидят на башнях, ходят в патрули, отстреливают всякую мелочь... или ранят крупных тварей, если могут, а мы добиваем.

Логично... Всегда лучше подстрелить дичь издалека, чем лезть в рукопашную, тем более к ядовитым тварям... И понятно почему у Идущих нет луков, за них этим занимаются профессиональные стрелки. Хотя, стоп... на стенах монастыря и близко не было никаких лучников в расписных одеждах, да и платформ для них, как на выходе из долины, не наблюдалось...

— А почему их не было на стенах монастыря?

Синх от такого вопроса даже запнулся, потом уставился на меня, словно в первый раз

увидел — похоже я опять что-то сморозил...

— Территория монастыря — это священная земля Дома, и твои слова, что нам нужны воины других Домов для ее защиты — оскорбление, — сказал Синх мрачным тоном, и продолжил после секундной паузы. — Я понимаю, ты издалека и не хотел сказать ничего плохого, но тебе лучше следить за своей речью, потому что другие братья по Пути могут оказаться гораздо менее... терпеливы.

С этими словами Синх развернулся и продолжил свой путь, а я остался стоять... Да, так можно договориться — пришибут тай'да с разворота... за оскорбление Дома.

К счастью, обошлось. Повисшее между нами напряжение скоро развеялось, Синх даже ответил на пару моих очень осторожных вопросов. Про себя же я решил поменьше спрашивать и больше слушать. Это своего рода тоже экзамен — как я смогу вписаться в общество чуждого мира. Мрак или Хранитель наверняка все просчитали... Мой путь уже расписан, и мне надо по нему пройти... Дожить до того момента, пока я не смогу с него свернуть. И тогда... «И что тогда?» — ехидным эхом отозвался внутренний голос. «Что будешь делать ты? Вернешься домой? Отомстишь сенсею? Или сразу Мраку? А может Хранителю?» — продолжил он.

Не знаю... Пока не знаю... Но когда наступит время, я выберу путь, и он не понравится моим кукловодам — в ответ голос лишь красноречиво промолчал. Да... все это звучит глупо и как-то по-детски. Но что мне остается? Что я могу? Выживать и идти по дорожке? Становясь кем-то, кто нужен Хранителю? Почему-то меня этот путь не прельщает. Освободиться, отомстить... и вернуться домой...

— С'еро, смотри! — возглас Синха вмешался во внутренний диалог.

Увлеченный спором с самим собой, я пропустил последний поворот. Синх стоял с протянутой рукой, на что-то указывая, а посмотреть там было на что. За поворотом открывалась долина, меньше долины монастыря, но гораздо живописней. Зажатая между трех гор, напоминающая неправильный треугольник с озером причудливой формы в центре. Вокруг озера пестрит множество крестьянских полей, копошатся маленькие фигурки. Несколько деревянных вышек и деревянный форт, стоящий на берегу, отражаются в кристально чистом зеркале озерной глади.

Но главное находилось на дальнем перевале, выход из долины преграждала мешанина стен, башен, частоколов — издалека не разглядеть. Справа от нас, где более отвесный склон, эта мешанина упиралась в настоящий каменный замок, похоже, целиком вырубленный из скалы. От замка по горному склону располагалось несколько террас с многочисленными квадратиками домов.

— Это Застава? — только и смог спросить я.

— Да, — сказал Синх и тут же продолжил. — Когда-то эту долину называли Долиной Трех Рек, но потом это название забылось и сейчас его разве что на старой карте можно встретить.

— Я думал, здесь будет меньше людей...

— Раньше тут была одна деревянная застава и простой частокол. Потом через эту долину прошли две большие стаи скальных крыс и две провинции пришлось заселять заново. После этого Император передал эти земли нашему Дому и повелел охранять их. А мы уже пригласили Дом Молчаливых Стрел и Мастеров Камня, возвели стены и обустроили Заставу и долину Копья.

— А что за скальные крысы? — спросил я после секундной паузы.

— Прыгуна помнишь? Чуть меньше, серого цвета, не такие прыгучие, слюна не ядовитая, но зато они гораздо шустрей и весной сбиваются в стаи по несколько тысяч. Убивают и сжирают все на своем пути. А иногда несколько таких стай объединяются в одну... — Синх многозначительно замолчал.

Тысячи больших крыс, пожирающих все на своем пути. Перед внутренним взором сами собой нарисовались сотни оскаленных пастей... Очередной сюжет для фильмов ужасов... Куда я попал?!

— Не стой на месте, как одинокий Ых. Пошли. Чем раньше дойдем, тем быстрее поедим! — жизнерадостный голос Синха начал отдаляться.

Я передернул плечами, прогоняя навязчивое видение, и поспешил за ним.

Застава принесла массу смешанных впечатлений. Даже сложно выделить что-то конкретное. Все началось еще на дороге, когда мы повстречали тройку вооруженных крестьян. Все как один с копьями, луками, топорами и большими ножами на поясах, одетые в нечто напоминающее кожаные доспехи. Только по их коричневому цвету я вообще догадался, что это крестьяне. Крестьяне... с оружием и в доспехах... Второй шок я получил, когда они вежливо кивнув, прошли мимо. Просто прошли мимо... без поклона.

— Они анхей, — начал отвечать Синх на мой осторожный вопрос. — Все крестьяне на Заставе анхей. Тут слишком опасно и каждый должен уметь сражаться за свою жизнь с оружием в руках.

— Анхей? — эхом отозвался я, подавив желание оглянуться.

— Да. Анхей освобождены от части налогов, имеют право носить оружие и учиться владению им. Кроме того, их прямой домио — Дом Молчаливых Стрел. Мы хоть и старшие домио этой земли, но они нам не должны выражать почтение в полной мере.

Я едва сдержал новые вопросы. Ответ Синха мало что прояснил, но расспрашивать дальше страшно — мало ли, оскорблю его снова ненароком или снова продемонстрирую свое полное невежество в очевидных вещах. Лучше перед сном помучаю печать познания...

— Может быть, на твоей земле совсем другие правила, но у нас каждый человек относится к какому-нибудь Дому или сословию. И каждый отдает долг своему Дому и получает в ответ защиту и поддержку. Есть те, кто потерял свой Дом и есть отверженные — преступники, которых изгнали собственные Дома. На них не распространяются законы Империи, их может убить любой.

«Их может убить любой», — эхом отдалось у меня в голове. Синх повторил слова Мрака. В этом мире я без защиты своего собственного Дома, не более чем «ходячая куча золота». Может, тогда и бессмысленно дергаться? Просто принять то, что есть? Влиться в Дом... или в Круг, как советовал Мрак, и спокойно жить в этом мире?

— Нет позора больше, чем быть изгнанным. И нет чести больше, чем быть принятым Домом, — Синх продолжал разливать соловьем про то, какое это счастье — быть в Доме.

Ну с ним-то все понятно, с детства воспитан на идее служения своему Дому. И таких монахов тут сотни. Реальная боевая сила, готовая убивать и умирать по приказу вышестоящих... Только что мне до этого? Идея быть безликим винтиком в чьей-то военной машине как-то не находит отклика в моей душе...

— Кстати, Се'ро, смотри, отсюда отличный вид на долину, — Синх наконец выдохся и заговорил о более приземленных вещах. — Я специально выбрал верхнюю дорогу, чтобы ты осмотрелся.

Вид на самом деле великолепный. Безмятежное зеркало озера в центре, копошащиеся на полях фигурки. Странно, столько времени прошло, а от горных пейзажей все еще захватывает дух... Впрочем, на них я еще посмотрюсь, лучше сосредоточиться на замке и стене. Точней на трех стенах. Именно столько преграждает перешеек шириной где-то метров в триста. Первая, из камня, с маленькими треугольными башенками. На каждой башенке красуется большая баллиста, или как там называется устройство, похожее на большой арбалет... За каменной следует деревянная со множеством уже знакомых платформ для стрелков. За деревянной глубокий ров, земля из которого пошла на возведение вала с

частоколом на вершине — последним препятствием.

Слева стены упирались в башни, прилепившиеся к отвесной скале, а справа в замок. Его стиль не походил ни на что земное, что мне приходилось видеть. Необычные формы, одновременно рациональные и изящные. Два пояса ажурных стен с остроконечными башнями, пирамида донжона, разноцветные флаги, реющие над башнями... Издалека он смотрится словно детская игрушка, пришедшая из необычной сказки.

— Правда, красиво? Этот замок принадлежит Молчаливым Стрелам, его еще называют Поющим Заком. Иногда, во время сильного ветра, он на самом деле поет... В чем этим франтам не откажешь, так в том, что они на самом деле разбираются в красоте, — в голосе моего спутника проскальзывала плохо скрываемая зависть.

— Ладно, пошли. Еще успеешь насмотреться, — с этими словами Синх зашагал по дороге в ускоренном темпе.

Я улыбнулся про себя — похоже, ему стало неудобно минутной слабости. Синх, наверное, не такой плохой человек, даже если шпионит за мной. Интересно, а если его начальник отдаст приказ убить меня — он его выполнит? От этой мысли стало как-то неуютно, я поспешил ее отбросить. В конце концов, какая разница, что может быть? Живу то я здесь и сейчас...

Ближе к замку все чаще стали попадаться крестьяне, некоторые без доспехов, в простых коричневых одеждах, но все как один с оружием. Мимо прошло несколько серебряных и синих. Я старался в точности копировать жесты Синха, чтобы не дай бог, ни во что не вляпаться. Сегодня вечером замучаю свою печать на тему этикета...

— Некоторые из анхей знают и умеют побольше нас. Они живут тут с детства, охотятся и убивают тварей. Их стоит уважать за это, — сказал Синх, когда мы разминулись с очередной парой колоритных крестьян.

Потрепанные доспехи, потертое оружие, отсвечивающие сединой волосы, покрытые шрамами лица и пронзительные оценивающие взгляды — меньше всего они были похожи на мирных хлеборобов.

— Кстати, здесь Застава, граница с тварями. И лучше внимательно следить за своими словами и поведением. Завтра тебя могут послать в патруль, и тебе будут прикрывать спину те, с кем ты... мог себя недостойно повести. И они могут... промедлить, — чувствуется, что Синх с трудом подбирает слова. — Некоторые молодые братья, что в первый раз попадают на Заставу, ведут себя слишком... гордо с анхей или с другими братьями. И часто это плохо кончается...

Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, о чем хотел предупредить Синх. Как бы мой проводник не разорвался про долг и идеалы — люди везде одинаковы. Находятся те, кто, попав в новый коллектив, старается утвердиться за счет других. Да и воспитание — «мы Великий Дом, а крестьяне ползают у нас под ногами» должно наложить свой отпечаток. Неудивительно, что анхей, перед глазами мелькнула последняя пара, похожая на седых матерых волков, могут промедлить спасая зарвавшихся щенков, а то и вовсе «случайно» пустить стрелу не туда. Отвлечшись, я перехватил внимательный взгляд своего попутчика.

— На Заставе скорее всего меня назначат твоим сопровождающим. Если тебе покажется будто ты... случайно кого-то оскорбил, не молчи — расскажи мне об этом где-нибудь подальше от чужих ушей, а я постараюсь решить эту проблему, — Синх остановился и впери в меня внимательный взгляд. В его серо-стальных глазах сейчас не было ни грамма веселья.

Я медленно кивнул, не отрывая взгляда. Да, да — я все понял и проникся... Синх, удовлетворившись моим жестом, развернулся и бодро зашагал дальше. В моей же голове калейдоскопом засверкал вихрь разнообразных мыслей.

Во-первых, Синх будет меня сопровождать и во время службы на Заставе — интересно, в чем это будет заключаться? Но это к лучшему, с ним хоть какой-то контакт налажен, а то еще приставят очередного сноба... Во-вторых, похоже, он будет за меня отвечать, и если со мной что-то случится, то начальство ему... А что оно ему сделает? Убьет-то вряд ли... хотя, кто их знает? Во всяком случае, судя по всему, он кровно заинтересован, чтобы я остался в целости и сохранности. И в-третьих... а в-третьих надо следить за поведением. Синх серьезно боится, что я могу где-то накосячить. Причем настолько, что мне могут попробовать устроить неприятный сюрприз свои же. А расспросить нормально, как мне следует себя вести, я не могу из-за приказа Мрака.

Я подавил желание выругаться. Проклятый Мрак со своей паранойей. Бросают меня в воду, словно щенка, и смотрят, выплыву я или нет... Выплыву... Назло всем выживу и стану сильнее! И тогда посмотрим... Я оборвал свои мысли. Глупо... Сначала надо выжить... А уж потом грозить кому-то мстью... Если силенок хватит...

До замка мы так и не дошли. Вскоре дорога пошла под резкий уклон, а потом и вовсе влилась в другую. Мы присоединились к жидкому потоку крестьян, поднимающихся из долины. Ситуация чем-то мне напомнила улицы позабытого родного мира. Безликие пешеходы, идущие по своим делам, небольшие компании, вполголоса переговаривающиеся друг с другом. Если закрыть глаза и отрешиться от звуков чуждой речи, то можно представить себя посреди какого-нибудь провинциального городка... Только пару раз я ощущал любопытные взгляды. Хотя я и похож на ученика Идущих, но, видимо, недостаточно.

Дорога привела нас к невысокой каменной стене с очередными воротами, в которые вливался коричневый ручеек. После замка эти укрепления как-то не смотрелись, правда, пара платформ для лучников присутствовала. Да и сами лучники, судя по серебряным отблескам, на месте, как и караул из синих и аж двух черно-синих. Впрочем, стояли они скорее проформы ради, не обращая внимания на проходящих крестьян. Черно-синие и вовсе о чем-то тихо беседовали, отойдя чуть в сторону.

Тьфу-ты — сглазил... Один из них тут же отклеился от стены и направился к нам небрежной походкой. Крестьяне спешили убратся с его пути, не забывая кидать любопытные взгляды. Черно-синий остановился, не дойдя до нас нескольких шагов. Синх тут же согнулся в поклоне, я, если и отстал от него, то только на доли секунды.

— Синх, тебя ждет мастер Эн'ха, — тихий вкрадчивый голос балансировал на краю слышимости, но вместе с тем был прекрасно различим. — Ты же следуй за мной. Я отведу тебя к дому, где ты будешь жить.

Мне показалось, или он вложил в последние слова какой-то особый смысл? Жаль, переспросить некого... Да и это ощущение тяжелого взгляда... Я подавил желание передернуть плечами, лишь разогнулся и покорно поспешил за удаляющимся черно-синим кимоно.

За воротами мы сразу свернули направо, на подъем на следующую террасу. У меня было несколько минут, чтобы вдосталь налюбоваться спиной моего нового проводника и бросить несколько взглядов на деревню, расположившуюся на террасе. Спина, уверенная походка, весь облик сопровождающего прямо-таки дышит силой, самоуверенностью и презрением к окружающим. «Интересно, а его не пытались поставить на место местные ребята?» — сам

собой мелькнул вопрос. Наверное, если и пытались, то это плохо для них закончилось... Ауру силы идущего впереди, казалось, можно пощупать руками.

Впрочем, эта демонстрация силы быстро приелась — бросать осторожные взгляды на деревню внизу гораздо интересней. Аккуратные садики и небольшие огороды за высокими оградами, приземистые дома, похожие на миниатюрные крепости. Множество движущихся коричневых фигурок с редкими вкраплениями других цветов на прямых улицах. Ощущение жизни и какой-то свободы... С первого взгляда эта деревня мне понравилась гораздо больше чем то, что я видел возле монастыря.

Вот и подъем закончился — новая стена, новый караул. Следующий ярус один в один напоминает второй ярус монастыря. Только место белых кимоно заняли синие, да и серых поменьше... Надо же, и тут без слуг не обходятся.

И снова подъем в том же темпе. Еще одна стена, на этот раз без платформ для лучников, и еще один караул, в отличие от всех остальных упершийся в нас внимательными взглядами. Мой сопровождающий буркнул что-то вроде: «Этот со мной», — и прошел через ворота, я за ним. Не знаю, что в очередной раз изменилось. Но сейчас я почти физически ощущаю направленные на меня взгляды. Словно какое-то давление на кожу... порой безразличное, порой любопытное или настороженное.

Третья терраса — улучшенная версия второй. Больше зелени, гораздо меньше людей, почти не видно синих кимоно, зато больше серых. Что-то туго у местных с воображением, планировка практически неотличима от монастыря. Переход по аллее мимо плаца, засыпанного белым песком. Каменные фасады, увитые плющом, новая аллея... Мы останавливаемся возле большого двухэтажного дома, как две капли воды похожий на тот, в котором я провел полтора года. Неприятное ощущение разлилось внизу живота... кажется, я даже знаю, где меня поселят...

Мой сопровождающий резко разворачивается, в первый раз я могу разглядеть его лицо. Черные волосы средней длины, черная лента поперек лба, аккуратная бородка, нос с горбинкой и глаза... глубокие и черные, словно два провала. От них фонит превосходством и желанием испытать на прочность и сломать. Я безразлично встречаю его взгляд. По сравнению с Мраком или Сенсеем он никто. Ему меня не испугать... Правда, может мне стоило бояться, этот тип не похож на тех, кто прощает вызовы. Он выделялся среди безликих бритых монахов, как выделяется волк среди стада овец.

«Не успел прийти на новое место жительства, как уже нарвался», — мелькнула тусклая мысль. Наверное, в будущем мне это выйдет боком, но сейчас мной снова безраздельно овладело равнодушие...

— Ты будешь жить тут. Слуги покажут тебе твою комнату. Завтра за тобой придут, — негромкие вкрадчивые слова падали, словно тяжелые камни.

Поясница согнулась в поклоне, прежде чем я успел это осознать — дисциплину в меня вбили жестоко. Когда я поднял взгляд, черно-синий уже уходил... может, оно и к лучшему. Еще несколько мгновений мои глаза провожали фигуру, бросающую вызов всему миру своим существованием, и продолжали смотреть вслед, когда она скрылась за поворотом...

Небо окрашивается розовыми тонами. Деревья слегка краснеют, оранжевые отблески перекрашивают камень стен. Откуда-то издалека доносится пение птиц. Оно кажется чуждым, необычным, звучащим из другого измерения. Рядом глухая стена и массивная дверь. Постучи — и она откроется... Дверь в новую жизнь, или скорее в новый ад... Я медлю... Где же мое безразличие? Готовность встретить судьбу? Пройти испытания и выжить? Кривая

усмешка искажает губы... Рука сама поднимается, кисть сжимается в кулак.

Но постучать мне не дали. Дверь бесшумно распахнулась, глаза впились в темный силуэт, такой чуждый и такой знакомый...

«Словно пыльным мешком ударенный» — не думал, что когда-нибудь это выражение можно будет применить ко мне, но жизнь преподнесла очередной сюрприз. Элианор... Таинственная незнакомка... Кто же она? И почему ее появление на меня так подействовало? Как только она появилась в дверях, меня словно отключили. Ходил за ней словно привязанный, пока она вела меня по дому, не видя вокруг ничего, кроме нее... Может, я влюбился? Или поймал очередной выверт покоренной психики?

Не знаю... Да и, как ни странно, меня это полностью устраивало. Короткий момент, когда сознание полностью отключается и можно не думать, где ты и кто ты... Полностью отстраниться от окружающего мира и просто быть собой...

Я пришел в себя в своей комнате. Это последнее, что показала Элианор. Здесь она оставила меня стоять столбом, и ушла... Я просто почувствовал — экскурсия закончилась и мне следует остаться тут ...

Новое жилище гораздо больше похоже на нормальную комнату, нежели то, в чем я жил в монастыре. Чистая, светлая, расположенная на втором этаже, если мне еще совсем память не отшибло... Даже окно наружу есть, правда, закрытое толстой решеткой. Стол, пара стульев, кровать, шкаф из светлого дерева, стойка для оружия, узорчатая циновка на полу — настоящий дворец после темной полуподвальной кельи с мебелью из грубо обработанных досок.

И поднос с едой... На столе неведомая добрая душа оставила кувшин с водой и пару тарелок. Салат и дымящееся мясо с гарниром из местного аналога картошки. А запах... Желудок екнул, рот сам собой заполнился слюной.

Что ж, загадки могут подождать... а вот мясо остынет... Когда я его ел в последний раз? В прошлой жизни? Или до нее? Скинув заплечный мешок, я сел за стол. Все остальное, и впрямь, подождет.

Утреннее солнце застало меня на внутреннем дворе. Здесь точно такой же плац, засыпанный белым песком, как в доме в монастыре. Единственное отличие — металлическая сеть, натянутая на уровне крыши. Зачем она? Или здесь может пожаловать в гости какая-нибудь летающая тварь? Впрочем, скоро все узнаем... точнее — попробуем узнать. Вчера я, наплевав на все, завалился спать, сегодня надо отрабатывать, у меня накопилась куча вопросов по устройству здешнего мира.

Поза лотоса... Не сказать, что она дает что-то особенное, просто привычная поза для медитации. Очистить сознание, вслушиваться в ритм сердца, контролировать дыхание. Перед внутренним взором картинка с летящим драконом — простой прием для контроля внимания. Дракон расправляет крылья, набирает высоту — легкие наполняются, плечи расправляются. Дракон делает кульбит — живот поджимается, лишний воздух выходит через ноздри. Дракон пикирует — плечи опускаются вслед за ним, легкие сжимаются до упора. Дракон расправляет крылья, гасит скорость и вновь набирает высоту... все с начала...

Сознание спокойно и чисто. Я воспринимаю себя как некую конструкцию, переплетение энергий, находящуюся одновременно здесь и где-то еще. От каких-то частей веет теплом... какие-то дышат холодом... Но сейчас это лишнее, отсечь... потянуться к печати. Странно, печать тоже тут есть... Она похожа на пуповину, подключенная к моему узору и исчезающая где-то вверху... Коснуться ее и задать вопрос секундное дело...

Точней, даже прикасаться не надо — просто сформулировать прямой вопрос. С чего бы начать? А начну, пожалуй, со здешних правил общения. Меньше всего мне нужно нажать кучу неприятностей из-за незнания обычаев.

Мутный поток хлынул из разверзшейся трубы. Информация, ощущения, запахи, мешанина образов, затопила меня и закружила в водовороте. Обрывки звуков, сотни прикосновений, еще чуть-чуть и меня просто порвет на части.

«Стоп! Стоп! Хватит!!!» — мой вопль безгласно утонул в воющем хаосе.

Тысячи голосов орали в уши, тысячи рук терзали мое тело. Нужно спастись. Надо уйти, надо бежать из этого кошмара! Образ. Спасение... Внезапно мой взгляд зацепился за островок стабильности в бушующем урагане. Коричневые одежды... отсвечивающие рыжим волосы... спокойное лицо... Элианор!

Неведомо как я ухватился за что-то и потянулся к ней... Ее образ увеличивался, приближался, вытесняя бушующий хаос. Ближе, ближе... пропали звуки... исчезла какофония цветов... меня перестало рвать на части... тишина и покой...

Белый песок слегка холодит через толстую ткань кимоно. Свежий утренний воздух наполняет мерно вздымающуюся грудь. Дракон расправляет крылья и опускает их, снова и снова... Ему далеко лететь, но он не торопится...

Я снова в своем теле. Дышу, ощущаю одежду, слышу легкий шелест ветра... Не думал, что простые ощущения могут так сильно радовать... Но что это было? Какая-то лавина образов, запахов, впечатлений... Похоже я «доигрался» с печатью... Мне дали ответ на вопрос. Настолько полный и объемный, что мой разум чуть было, не сгорел, пытаюсь его осмыслить. Слава богу, все обошлось... Я попробовал встать.

Оранжевая бомба взорвалась в затылке. Горячая волна прокатилась по всему телу, плеснула в глаза, отдалась в ушах и стусилась на языке... Сразу за ней еще одна... Я опять плыву в океане и волны боли перекатываются через меня... В ушах отдался тихий хрип... Так мне не было больно уже давно... пожалуй это сравнится только с наказаниями сенсея... Только там бывало и похуже...

Оранжевая взвесь постепенно спадала... боль уменьшалась. Снова возвращались чувства, рассеянный свет, легкий ветерок, прохлада утреннего воздуха... Прохлада... Я с головой окунулся в нее, и синий поток поглотил меня.

Не знаю, сколько прошло времени. Я терпеливо пропускал Силу через себя, помогая организму восстановиться. В таком состоянии меня и застал Синх.

— Ты уже готов? Нам до обеда нужно показаться распорядителю, — сказал он после короткого приветствия.

— Да, — ответил я поднимаясь.

Сказать было проще, чем сделать. При попытке встать закружилась голова и подкатила легкая тошнота, перед глазами снова заплясали оранжевые искры.

— С тобой все в порядке? — с легким беспокойством спросил Синх.

«Да, если не считать, что я только что чуть было не сжег себе мозг», — промелькнула ехидная мысль.

— Сейчас все пройдет, — ответил я вслух, призванный легкий поток Силы унес головокружение... Чтобы я без нее делал?

Синх только покачал головой и жестом показал собираться и следовать за ним.

Аллеи, серые стены домов, редкие фигуры в разноцветных одеждах. Традиционный пост на входе, переход по каменной лестнице. Я не слишком обращал внимание на окружающее,

механически кланаясь или кивая встречным, когда это было необходимо. Сознание сосредоточено на очистке организма от последствий неудачного эксперимента. Привычку не откладывать лечение на потом, сенсей мне привил очень быстро и эффективно.

— Смотри! — легкий тычок Синха прервал лечебный сеанс, я оглянулся.

Мы находились на небольшой площадке, огороженной толстым каменным парапетом с большими зубцами. Перед нами раскинулся склон горы, нет, скорее большого холма, поросшего густым лесом. Две большие долины, скрытые утренней дымкой, уходили куда-то вдаль, обтекая холм с двух сторон. Только здесь что-то неправильно... Ощущение какой-то чуждости витает в воздухе... Деревья издали кажутся какими-то искаженными, словно больными. Дымка... солнце уже высоко, откуда она?

— Это Предлесье. До самого Леса несколько дней пути по холмам. На дно долин лучше не спускаться — там гораздо больше тварей, ядовитых деревьев, да и просто странных мест. А в самом Лесу, говорят, все гораздо хуже, — ровным голосом начал рассказывать Синх. — А здесь мы встречаем тварей, — продолжил он, показывая рукой налево.

Слева открывался вид на три ряда стен, по которым неспешно фланировали разноцветные фигурки. Перед стенами был настоящий укрепрайон — череды кольев, рвы, нечто напоминающее заграждения из колючей проволоки.

— Всякая мелочь бывает лезет, навроне того же прыгуна, но ее со стен подстреливают. Ночью хуже, огонь перед стеной не зажжешь — он только привлекает лишних тварей. Приходится ловить уже между первой и второй стенами. Хотя, павлины и на слух отлично стреляют. Кстати слух у них на самом деле отличный и лучше следить за языком, когда они рядом, — Синх кинул на меня быстрый взгляд, проверяя, как до меня дошло сказанное.

«Павлины? А, это он имеет ввиду разряженных стрелков», — в голове пронеслись сторонние мысли. Вслух я ничего не сказал, лишь кивнул. А что тут еще делать? И так приходится следить за каждым своим шагом...

— На каждой стене расставлены посты. Наши первая и вторая стена, на третьей дежурят анхей, но им редко приходится вступать в бой. На башнях лучники. Крупных тварей бьют из больших арбалетов, — мой спутник на мгновение прервался и снова продолжил. — Сейчас мы пойдем к распределителю, он назначит тебе место на стене и смену. Нужно будет просто стоять на стене на случай внезапного нападения. Что делать, и как убивать тварей тебе покажут на тренировках. Если ты будешь не на стене и вдруг услышишь колокол, то сразу бежишь на свое место.

Путь к распорядителю был недолгим. Его кабинет оказался в той же башне, парой этажей ниже. Сам хозяин выглядел сурово... даже по сравнению с другими монахами. Жесткое испещренное шрамами лицо, седые, явно не от старости, коротко стриженные волосы, серые со стальным отливом глаза, белоснежное кимоно...

— Мастер Сингурей, — сказал Синх, глубоко поклонившись. Я зеркально повторил его поклон.

Мастер лишь коротко кивнул и принялся меня разглядывать. Ощущения от его пронизывающего взгляда напомнили мне Мрака... Впрочем, под этим взглядом самообладание сохранить гораздо проще.

— Я помню, — наконец он перестал меня разглядывать. — Через полмона в серебряном зале.

Синх снова склонился и направился к выходу, я если и отстал от него, то буквально на доли секунды.

Серебряным называли небольшой зал, этажом ниже. Тут же стало понятно, откуда пошло такое название — по стенам развешано множество посеребренного оружия, на вид вполне боевого. Его, как мне шепнул Синх, использовали для поединков при получении следующего ранга.

Половина мона — чуть больше пятнадцати минут, пролетели быстро, потом события слились в один круговорот. Сначала несколько коротких поединков с Синхом на разном оружии, я сильно порадовался, что уже имею хоть какой-то опыт спаррингов, хоть не выглядел полным остолопом. Схватки я, разумеется, проиграл. Затем экспресс допрос, где пришлось мучительно выбирать слова, чтобы не сболтнуть чего-то лишнего. По конец я ощущал себя выжатым, как после нескольких часов тренировок с сенсеем.

— Вторая стена, четвертый сектор, пятое место, вторая смена, — бросил распорядитель уже на пороге зала. Может это мое воображение, но выглядел он несколько разочарованным.

— Повезло, — прокомментировал Синх когда двери закрылись. — Конечно не центр второй, но новичка с твоим уровнем могли вообще к анхей засунуть.

— Мне кажется, он выглядел несколько разочарованным, — попробовал я закинуть удочку.

— Владеющий одной из Сил стихий, может стать очень сильным подспорьем при защите стен. Некоторых тварей без них убить практически невозможно. То, что тебя обучали обращаться с оружием, конечно очень хорошо, но для мастера Сингурея было бы несколько более отрадно видеть владеющего Силой, а не мечом... — я с некоторым трудом понял витиеватую речь Синха. Похоже, он пытался одновременно и объяснить мне ситуацию, и высказаться уважительно о распорядителе.

«Сила — меч... Можно подумать я выбирал, чему меня будут учить. Просто выпихнули на плац и сказали, что делать. Не хочешь? Так мы тебя болью подстегнем! А теперь, видите ли, я не угодил местному мастеру, потому что учился не тому...», — услышанное принесло раздражение, разбавленное горечью, но я лишь кивнул в ответ.

Потом были еще коридоры, экскурсия по стенам, вблизи они оказались еще больше, обед в столовой, другой тренировочный зал, где сухонький монах в бело-синем кимоно долго вещал нудным голосом описание тварей и их повадки. В покое меня оставили только к вечеру, а напоследок Синх обещал зайти за мной следующим утром.

Я собирался уже идти спать, но какая-то несуразность не давала покоя, заставляя вновь и вновь раз за разом прокручивать прошедший день.

Попытка обратиться к душе мира. Боль, лечение, приход Синха, выход к стене. Киваю встречным синим ученикам, они отвечают мне таким же кивком. Обозревание предлесья, кабинет распорядителя, поклоны... Стоп! Я кланяюсь ему чуть ли не быстрее Синха и при этом уверен, что именно так и надо... Откуда я это знаю? События ускоряются, проносятся коридоры, расшаркивания со встреченными, уступление дороги старшим... Похоже все это я делал совершенно не задумываясь... Почему?

Хотя, что тут гадать? Видимо часть информации, вылитой на меня, не прошла мимо. Я обрел необходимое знание, правда, ценой риска для жизни... Достойная плата? Почему бы и нет... Риск спалить себе мозги, на риск влететь в разборки с кем-нибудь из монахов или анхей. Теперь мне будет проще прижиться, стать здесь своим... или выжить при побеге. Да и сам опыт получения знаний напрямую бесценен.

Успокоившись, я смог, наконец, уснуть.

Скоро первичная натянутость прошла, и я втянулся в новый ритм жизни. Утром по намертво вбитой привычке подскакивал чуть ли не с рассветом и спускался на внутренний плац для разминки и нескольких медитативных упражнений. Потом, после легкого завтрака, за мной заходил Синх и мы вместе шли на общие занятия, на второй уровень. Там откомандированным синим рассказывали про очередные отродья безумного Леса, показывали, как их убивать и тут же заставляли отрабатывать усвоенный материал на чучелах. Надо сказать, близость Леса и натуралистичность чучел весьма стимулировали восприятие материала.

Если сравнивать с моим миром, то здесь отношение к учебе совершенно иное. Ученики ловили каждое слово сенсеев, словно от этого зависела их жизнь. Хотя, если вдуматься, это и на самом деле было так. Учителя же не утруждали себя повторениями или разъяснениями. Один, изредка два, рассказа об уязвимых местах тварей и учеников гонят к чучелам, на демонстрацию усвоенного материала. За ошибки следует немедленная кара. На моих глазах одного ошибившегося в порядке выполнения ударов перетянули деревянным посохом и отправили бегать по лестнице между вторым и третьим уровнем вместо обеда. Когда нерадивый следующий день снова ошибся, ему молча указали на жилые блоки.

— Со следующим караваном уедет в долину, — шепот Синха, стоящего за моей спиной, был едва различим. — Там его, скорее всего, исключат из учеников и отправят к крестьянам.

Провожая взглядом убитого горем кандидата на отчисление, я задумался — в той, другой жизни я бы его пожалел, подумал бы, что это не справедливо, захотел бы вступить... А сейчас лишь смотрю равнодушным взглядом вслед, и знаю — сейчас отвернусь и через пять минут и думать про него забуду, сосредоточусь на каком-нибудь ударе снизу вверх в правую подмышку. Я огрубел, стал циником, меня мало что заботит, кроме себя самого. Да и к себе давно уже отношусь с каким-то безразличием.

Я сдержал горькую усмешку. Надо выбросить лишние мысли из головы, скоро моя очередь, и, если я завалюсь, меня отправят вовсе не к крестьянам.

— Сейчас я расскажу вам про одних из самых опасных зверушек. Вам лучше от них держаться подальше, иначе мне придется отправляться странствовать по деревням, искать новых учеников. Хе-хе, — добродушный смешок несколько не вязался со смыслом предложения.

Этот добродушный дедушка единственный из учителей разговаривал с нами нормальным языком. Правда, ученики боялись его чуть ли не больше, чем всех остальных преподавателей, вместе взятых. Казалось — чего бояться добренького сутулого старичка в неопределенного цвета кимоно? Однако ж боялись, и каждое слово воспринимали словно откровение свыше. Пусть даже он не принимал никаких экзаменов, не устраивал никаких упражнений, лишь неспешно рассказывал про каких-нибудь тварей, а то и вовсе закатывал монологи на отвлеченные темы.

Я тоже решил не выделяться из коллектива, и внимательно относиться к словам дедушки. В конце концов, с меня не убудет, а если его боятся — то значит есть за что.

— Это ар'гхаг или, как его еще называют — волк хаоса, — пара слуг с натугой выкатили на площадку телегу с очередным экспонатом.

На волка эта зверюга походила мало. Скорее на помесь дикобраза с диким кабаном,

эдак метра два в холке, и даже в виде чучела могла внушать страх.

— Обратите внимание на иглы, — старичок живо подскочил к чучелу и провел тростью по его спине.

Раздался сухой хруст. Иглы в самом деле были замечательные, с палец толщиной и почти локоть длиной.

— У живых, хе-хе, волчков, эти иглы искрятся и, кстати, дают им хорошую защиту, даже против адептов Сил, — старческий голос, заряженный искренним интересом, увлекал за собой. — Эти иглы довольно дороги, вытяжкой из них часто обрабатывают материал доспехов. Такая броня защищает владельцев от колебаний Сил и стоит, хе-хе, соответственно.

Мне показалось, или это дедушка так с намеком на меня посмотрел? И что это значит? Намекает на то, что мои способности могут дать сбой?

— А вот его пасть, — дедок тем временем ткнул тростью куда-то в бок чучела.

«М-мать...» — я с трудом подавил рвущееся наружу ругательство — с громким стуком открывшаяся пасть занимала чуть ли не треть туловища и больше походила на ковш экскаватора, обрамленный большими клыками. Человек, если ноги поджать, помещался в ней целиком.

— Хе-хе, — дедок, довольно щурясь, наслаждался реакцией своих учеников. Впрочем недолго, через несколько секунд он продолжил лекцию. — Спереди у волчка сплошная кость, толстая и практически непробиваемая.

Для наглядности учитель постучал своей тростью по покатоному лбу твари — глухой отзвук в ответ засвидетельствовал его слова.

— Уязвимые места — это глаза и вот этот нарост, — трость сначала ткнулась в небольшой черный глаз с пятикопеечную монету размером, а затем в выпуклость чуть выше пасти. — Ранить серьезно вы его все равно не сможете, а вот затруднить ему ориентацию на мон-другой вполне. Правда, вас он, скорее всего, уже сожрет, хе-хе.

Дедок на некоторое время замолчал и с довольным видом обзрел аудиторию. Кивнув сам себе, он продолжил.

— Охотятся эти зверьки небольшими стаями от трех до дюжины штук. Поэтому, если вы с ними встретитесь в одиночку, то шансов на победу у вас нет. Но есть и хорошая новость, хоть бегают они быстро, но плохо забираются на возвышенности — вас может спасти даже обычный крутой склон холма. Если успеете забраться, конечно. Кушают они тоже много и долго вас стеречь не будут. Если повезет, хе-хе.

— К стенам они не подходят, слишком умные. Но, если кого-то из вас возьмут на вылазку в Предлесье, то, может быть, этот счастливчик сможет увидеть волчка в живую, — на этом учитель замолк, довольно сощурился и сделал знак стоящему в отдалении мальчику в серой робе. — Подойдите поближе, чтобы лучше было видно.

Я пробрался через обступивших слугу синих. На подносе у мальчика лежало несколько стеклянных коробочек с невзрачными червяками с палец длиной. Один из червяков закручен в спираль... Что еще? При более внимательном рассмотрении с одной стороны у червяков обнаружился игловидный нарост.

— Это гх'на, одна из самых больших гадостей Леса, — старичок снова радостно усмехнулся. — Видите шип у него на голове? Обычно он лежит, свернувшись, где-нибудь в траве или на деревьях, дожидается, когда кто-нибудь пройдет мимо. Стоит какой-нибудь крысе или глупому ученику подойти ближе, чем три шага, как он прыгает и впивается в свою

жертву.

Краем глаза я заметил, как синие чуть отодвинулись от бывшего таким безобидным секунду назад экспоната.

— Когда этот червячок втыкается — он впрыскивает парализующий яд и множество яиц, и через пару дней от костей неудачника расползаются в разные стороны несколько сотен новых гх'на, — учитель сделал паузу, и снова с довольным видом оглядел аудиторию. — Яд, кстати, у него тоже довольно дорогой и его охотно покупают как тени, так и целители. Правда, охотников собирать его почему-то немного, хе-хе.

«Господи, ну и мерзость» — подумал я, сохраняя каменное выражение лица. Мало зубастых тварей, так еще и мелкие ядовитые паразиты, что яйца откладывают. Да и этот дедушка явно не просто так нам всякую гадость подсовывает, наверняка следит за реакцией и все подмечает. Противно... но деваться все равно некуда...

— Порождения безумия могут быть большими и устрашающими или маленькими и невзрачными, но все они одинаково опасны. Не позволяйте страху овладеть вашим сердцем, а беспечности вашим умом и тогда может быть ваш старый учитель увидит, как его ученики становятся воинами, — дедушка хлопнул в ладоши, давая знак к концу занятия.

Сгибая спину в ритуальном поклоне, я несколько обескуражено подумал: «Надо же, какая проникновенная речь под конец». Я уже было решил, что дедок дурака валяет, устраивает очередную проверку в духе контрразведки. А он, похоже, сердцем горит за своих подопечных. Хотя... одно другому не мешает...

После занятий по расписанию следовал обед. Ел я вместе со всеми учениками в столовой, которая мало чем отличалась от той, что я видел в монастыре. Правда, моя трапеза обычно происходила в одиночестве, за отдельным столом. Все остальные, за исключением Синха, меня сторонились, чему я был только рад.

После обеда был небольшой перерыв, когда можно было просто побродить среди ухоженных деревьев второго уровня, или понаблюдать с края стены за копошащимися внизу крестьянами, а то и просто посидеть где-нибудь в тенечке. Правда, совсем расслабиться не рекомендовалось, иногда сюда залетал местный падальщик — на редкость уродливый гибрид грифа и летучей мыши. Справиться с ним для взрослого мужчины с оружием не представляло проблем, но быть укушенным им означало стать мишенью для шуток на многие годы вперед.

Перерыв заканчивался звуком большого гонга — значит пора идти на стену, стоять свою смену. Собственно, в самом дежурстве нет ничего особенного, просто стоишь на стене, в кожаных доспехах, вооруженный до зубов, в компании с такими же счастливицами, и пялишься на стену впереди. Если очень повезет, то можно услышать протяжное «Дон-н-н» спущенной тетивы — это лучники с платформ подстреливают какую-нибудь слишком близко подобравшуюся мелочь.

На второй день я понял, почему все хотят стоять на первой стене. Там хоть изредка было какое-то движение, которое может развеять скуку. После ада, устроенного моим сенсеем, просто стоять на стене оказалось невыносимо тяжело. Мои соседи хотя бы негромко переговаривались между собой, я же в очередной раз оказался в полной изоляции. Что ж, через неделю я привык и к скуке.

Стоя с открытыми глазами, можно играть с Силой, заставляя синие огоньки плясать вокруг себя. Или аккуратно потереть печать... выцарапывая новые крупницы знаний. Хотя многие вещи продолжали оставаться загадкой. Например, кто такие пресловутые Мастера

Камня и как им удастся возводить такие отнюдь не маленькие комплексы? Но, как я ни задавал вопросы, так внятного ответа не получил.

«Странно... Может, это зависит от распространенности знания? Например — каждый знает язык Империи Солнца, и поэтому он доступен мне», — под вечер мысли нехотя ворочались в моей голове. Смена недавно закончилась, и сейчас я стоял на краю стены, огораживающей третий ярус. Мне нравилось, как лучи заходящего солнца окрашивают невысокую гору напротив во все оттенки розового. Скоро они станут красными, а потом быстро начнет темнеть — значит, надо будет идти домой, ложиться спать. А завтра будет новый день, как две капли воды похожий на предыдущий.

«С другой стороны, это может быть спецификой печати. Мне могли дать доступ к строго ограниченному кругу знаний. Язык или средства убийства ближнего — пожалуйста. Что-то кроме? Ни-ни!» — мысли продолжали свой неспешный бег. Внезапно, что-то изменилось в окружающем мире. Не было какого-то явного движения или звука, просто пришло осознание — надо быть наготове. Я плавно качнулся, разворачиваясь в сторону неизвестного возмущения. Одновременно одна рука скользнула к перевязи с ножами, а другая перехватила копье. Где-то на краю замершего сознания проскочила мимолетная радость — я не успел снять броню после дежурства.

Знакомая фигура в темно-коричневом платье неспешно поднимается на стену. "Элианор" — отзвук имени раздаётся и затихает где-то на краю сознания, а глаза тем временем пристально следят, как хрупкая фигурка скользит над каменными ступенями. Через несколько невыносимо долгих секунд она оказывается рядом со мной. Отблески заката играют на рыжих волосах и отсвечивают мягким огнем в изумруде глаз. Мягкий свет делает ее лицо еще более неземным... окружает ее едва видимым ореолом... Она смотрит на меня и мое сознание снова уплывает куда-то, я словно выпадаю из реальности... Мгновения растягиваются... становятся вечностью... Остается только одна мысль... надежда, что вечность продлится как можно дольше.

Утро нового дня я встретил со смешанным чувством какого-то детского восторга и страха. Восторг от встречи с Элианор, от того, что она пришла ко мне, и испуг от своей реакции. И еще страх, что все это может оказаться мимолетным миражом. Хрупкой сказкой, растаявшей при свете нового дня.

Казалось бы — что в этом такого? Просто стояли вместе и смотрели на закат. Но для меня эти мгновения были наполнены счастьем. Чем-то недостижимым, мимолетным и бесценным. Я не мог найти объяснений своим чувствам, и это пугало.

"Может, я влюбился?" — в который раз спросил я сам себя, и, в который раз, не смог ответить. Кто знает, на что способны мои вывернутые эмоции. Я уже неоднократно ловил себя в моменты необъяснимых перепадов настроения и странных вывертов восприятия. Замедление времени, беспричинная злость или равнодушие — может быть и здесь мое искалеченное сознание так реагирует на другого носителя Силы?

Странно, страшно и вместе с тем притягательно сладко... Буря эмоций... В любом случае, это лучше, чем тупое равнодушие быка, идущего на бойню. Только надо стереть с лица эту глупую улыбку и перестать пялиться в потолок. Моя слабость должна остаться секретом... Интересно, а видел ли кто-нибудь нас вчера на стене?

— Бом-м. Бом-м. Бом-м, — отзвуки ударов большого гонга прокатились по маленькой комнате и затихли дребезжанием оконного стекла.

Сигнал тревоги, общий сбор — тело самостоятельно подскочило с кровати и метнулось к стойке с одеждой. Руки и ноги двигались автоматически, облачение в кожаные доспехи заняло меньше минуты. "А ведь в первый раз я полчаса возился со всеми этими завязками", — излишнее сейчас воспоминание потерялось где-то на краю сознания. Последняя перевязь надета, копьё подхвачено со стойки. Несколько секунд на проверку — все ли затянуто и сидит как надо? И вот, я готов... Отстраненная радость — "любовные переживания" не повлияли на наработанные навыки.

На выходе из дома меня перехватил возбужденный Синх.

— С'еро, ты слышал? Говорят, идет большая стая скальных крыс!

— Нет, не слышал, — спокойно ответил я.

В глубине шевельнулось раздражение — кто ж мне про это скажет? Все меня сторонятся, как прокаженного. Подавив злость, я начал вспоминать, что мне известно про скальных крыс. Внешне напоминают на обычных крыс. Вытянутое, поджарое туловище длиной чуть больше локтя и внушительный набор клыков. Могут прыгать на расстояние двух человеческих ростов, легко взбираются даже по отвесным скалам, за что и получили свое прозвище. На фоне остальных тварей выглядят довольно безобидно, если бы не одна особенность — поздней весной сбиваются в большие стаи до несколько десятков тысяч особей и обходят Предлесье, убивая и поедая все, что встретится на пути. В стае ведут себя довольно разумно, высылая разведку и атакуя массой на больших тварей. После успешного похода разжиревшие самки расползаются по холмам, в компании с выжившими самцами, которые играют в стае роль основной ударной силы и разменного материала. Там они выращивают потомство, и на следующий год все повторяется.

Пока я предавался воспоминаниям, мы влились в ручеек монахов, спускающийся по лестнице к первому уровню. Там монахи присоединились к потоку анхей и вместе

устремлялись к укреплениям. Все экипированы в практически одинаковые светло-коричневые брони и несли похожее оружие. Монахов можно отличить только по синими или черно-синим повязкам и по отсутствию луков. В другое время я бы, наверное, с ехидством подумал, что две такие далекие друг от друга касты ради выживания сливаются в одно целое, но сейчас мысли все мысли занимала предстоящая схватка. Что она будет, я почему-то не сомневался. Обычно словоохотливый Синх тоже молча шагал рядом, о чем-то размышляя.

Что еще мне известно про этих крыс? Да практически ничего. Убиваются легко, берут числом. Слюна — слабо действующий яд, раны рекомендуется сразу промывать... Осталось только вспомнить историю, как пара больших стай опустошили две провинции Солнечной Империи, после чего здесь и появились Застава с монастырем. Значит, противник на самом деле серьезный. Только, многое зависит от численности стай, с одинаковой вероятностью там может быть и две-три тысячи, и двадцать-тридцать тысяч крыс.

Возле укреплений поток вооруженных воинов разделялся. Монахи скрывались в арке входа в ближайшую башню, а анхей сворачивали налево, к своей стене.

— Не волнуйся. Просто сосредоточься на своем участке и постарайся не пропустить крыс, — услышал я тихий голос Синха.

Хлопнув меня по плечу, он вырвался вперед и исчез в проеме. Я, подавив секундное колебание, последовал за ним.

Ожидание затягивалось — уже прошло больше часа. Я стоял на своем месте среди изготовившихся к бою монахов. Одна из безликих фигур в стройном ряду защитников. Сначала страх подкатывал тошнотой, подрагивали руки, коленей касалась предательская слабость. Казалось, прямо сейчас снизу нахлынет вал из оскаленных пастей и захлестнет сначала первую стену, а потом докатится до меня и разорвет на мелкие части. Но, время шло, крысы не спешили появляться, волнение отступило, и руки перестали дрожать. На смену страху пришло любопытство, и я начал украдкой оглядываться.

Народу вокруг на первый взгляд раз в пять больше обычного. Впереди, на первой стене, фигуры в броне суетятся вокруг больших арбалетов. Серые подносят к ним носилки с непонятными горшками. Между зубцами стены натягивают что-то похожее на проволоку. Никто не бежит, у всех целеустремленный вид, и, похоже, каждый точно знает, что ему нужно делать. Такая уверенность внушает некоторую надежду.

Наблюдать за ними скоро надоедает, и я переношу внимание на соседей. Справа от меня в двух шагах стоит незнакомый монах с синим поясом. Ничем не примечательный, похожий на сотни тех, что я видел раньше. Единственно — потрепанный вид брони да пара шрамов на щеке придают ему суровый вид. Наверное, не в первый раз сталкивается с отродьями Леса. Слева — флегматичный паренек, знакомый по утренним занятиям. Я в первый раз вижу его в броне, но она сидит на нем вполне естественно. Расслабленная поза, рука держит копьё с некоторой небрежностью и элегантностью.

"А как я выгляжу со стороны? Как дрожащий от страха сосунок, в первый раз взявший в руки копьё?" — предаться самоуничтожению не получилось — я узнал черно-синего, стоящего за парнем слева. Тот самый, что встретил меня в первый день, с бородой, черной лентой в волосах и аурой презрения ко всему. Он даже не надел брони, стоит в обычном кимоно, правда, с копьём, вместо тай'да. Я вспомнил его тяжелый взгляд, ощущение вызова и ненависти к окружающему миру и поспешно повернул голову вперед. Еще не хватало, чтобы он обратил на меня внимание и вспомнил, как я посмел ему перечить.

Вновь потянулись тягучие минуты. Монахи закончили приготовления возле арбалетов и рассредоточились по стене. Глазеть по сторонам я больше не осмеливался. Со стороны Предлесья доносились крики каких-то птиц. Живот напомнил о пропущенном завтраке.

— Бом-м! — раздался удар гонга. Звук отличался от привычного, более звонкий и чистый... Малый гонг, сигнал готовности.

Сначала с громкими хлопками разрядились арбалеты, отправляя куда-то вдаль дымящиеся горшки. "Видимо, с самого начала с ними возились, чтобы они могли стрелять такими снарядами" — запоздало догадался я. Потом откуда-то из-под ног, из стены, раздалось резкое шипение. В лицо пахнуло каким-то едким резким, вонючим запахом, на глазах сами собой навернулись слезы. Неосознанно я шагнул вперед — промежуток между первой и второй стеной быстро заполнялся каким-то желтым дымом.

"Однако", — подумал я... Вперед лучше не падать. Назад тоже — я вспомнил про ров с кольями и с местным аналогом колючей проволоки у меня за спиной. И вообще, лучше вернуться на свое место, пока я не привлек излишнего внимания.

Но, похоже, никому не было до меня дела. Арбалеты разрядились еще два раза. Кусок леса, видимый поверх первой стены, начал затягиваться белым дымом... Сверху донесся гулкий щелчок спущенной тетивы. Еще один и еще — щелчки быстро слились в однообразный шум. Черные росчерки стрел стремительно исчезали где-то впереди. Внезапно, как-то сразу, голый склон между лесом и первой стеной заполнился множеством движущихся пятен. Серая волна хлынула из белой дымки и одним махом закрыла все видимое открытое пространство. Сердце замерло и ухнуло куда-то вниз...

"Ты, кажется, боялся оказаться посреди фильма ужасов? Поздравляю! Твой кошмар осуществился!" — как-то отстранено подумал я. Дальше события понеслись со скоростью урагана.

Вот первые серые пятна появляются на гребне первой стены, и тут же исчезают. Монахи двигаются непринужденно, словно танцуя, короткими выпадами сбивая тварей обратно. Крыс становится все больше. Они рвут зубами проволоку, перелезают через зубцы. Росчерки стрел опускаются ниже, от выстрелов в упор крыс сносит со стены — лучники продолжают собирать дань.

Вдруг шум битвы перекрывает какая-то резкая команда. Монахи как-то сразу смещаются, стягиваются к арбалетам. Крысы наводняют освободившееся место, их продолжают расстреливать, но это капля в море. Звучит еще команда — прямо из стены вырастают решетки, закрывая монахов. Какую-то крысу прутья решетки пробивают насквозь и возносят на высоту трех метров. Там она и зависает, вереща и извиваясь. Твари бросаются на возникшую преграду и тут же откатываются назад, оставляя убитых — такие желанные жертвы оказываются недоступными... Крысы тоже понимают это и единым потоком бросаются вниз.

"Все, теперь наша очередь", — подкрашенная обреченностью мысль пронеслась и растаяла. Снизу уже слышно, как скрипит камень под множеством когтей. Орда серых тварей сейчас рвется вверх. Еще несколько мгновений, и они окажутся наверху. Губы высохли. Мир сократился до маленького участка стены передо мной. Руки отвели копье для удара.

Первая пасть давится сталью, мелькают оторванные от стены лапы и, зависнув на мгновение, серая тварь скрывается внизу. Тут же появляется еще одна и еще одна. Копье движется само собой, протыкая серую шерсть и отбрасывая крыс назад. Время размывается,

тварей становится все больше. Оскаленные пасти множатся и лезут по всему фронту. Я не успеваю.

Внезапно некоторые пасти исчезают. Глаз цепляет белое оперенье стелы. Лучники... Благодарность не успевает сформироваться, новые и новые пасти застилают взгляд. Крысы лезут с настойчивостью зомби. Я теряю им счет, багровая пелена закрывает сознание.

Тварей становится меньше. Несколько секунд не появляется новых. Наконечник копья и часть древка покрыты кровью. Тяжелое дыхание со свистом вырывается из груди. Пот застилает глаза.

Обращение к Силе. Синий поток милосердно делится энергией и уносит с собой лишне тепло. Синие огоньки кружат вокруг, манят за собой. Не обращать внимания. Быстро вернуться назад.

Я снова готов сражаться. Дыханье выровнялось. Копье отведено для удара. Но что это впереди, на первой стене?

Черная фигура стоит посреди пролета прямо передо мной. Ее движения размыты, она словно окружена каким-то вихрем. Серые пятна бросаются на нее со всех сторон и отлетают, разбрасывая шлейфы крови. Похоже, я в первый раз вижу, как сражается черный Мастер Идущих. Тай'да превратился в размытую тень, даже движения рук практически недоступны глазу.

Засмотревшись, я едва не пропускаю появление новой твари. Она уже отталкивается от стены и вытягивается в прыжке к моей шее. Я успеваю только присесть и подправить ее полет древком копья. Пронзительный визг, лязг зубов над ухом. Крыса пролетает рядом с плечом. Сознание цепляет глухой звук стрелы, пробивающей плоть, снизу она уже не поднимется.

Новая пасть — копье идет вперед, пробивает шею, отбрасывает тварь. За ней появляется еще и еще. Передышка закончилась. Время опять расплывается. Мир вновь сужается до клочка стены.

Вдруг как-то сразу, все кончается. Пасти перестают появляться. Совсем. Мир расширяется, появляются посторонние звуки.

— Бом-Бом-м! Бом-Бом-м! — два сдвоенных удара малого гонга — враг отступает. Можно расслабиться.

Воздух, такой вкусный, наполняет легкие. Все силы разом куда-то исчезли. Перед глазами серый камень стены, шероховатый, с коричневыми вкраплениями. Блеклый цемент охватывает каменные блоки. Пятна красной крови выглядят какими-то лишними, неуместными.

Резкий крик за спиной, чье-то тело сбивает меня с ног. Камень бросается навстречу и больно бьет в скулу.

"Что? Зачем?" — удивление пробивает пелену усталости. Я силюсь перевернуться, но кто-то на мне лежит и мешают.

Внезапно тяжесть исчезает, меня рывком вздергивают вверх и ставят на ноги. Передо мной знакомый бородатый черно-синий. Он в ярости что-то орет, в правой руке у него зажата окровавленная стрела. Я только различаю "отравлена" и "черный прыгун".

Сознание замечает, что рядом сидит тот флегматичный парень справа, он неестественно бледен. Его глаза закатываются, и он заваливается вперед, под правой лопаткой у него окровавленное отверстие.

Проходит долгая секунда, прежде чем мое заторможенное сознание связывает все это

между собой. Парень спас мне жизнь, сбив меня с ног и прикрыв собой от отравленной стрелы. И сейчас он умрет. Рана слишком глубока и от этого яда нет противоядия.

Я падаю на колени рядом с ним. Мир снова куда-то смещается. Есть только я и Сила. Синий огонь послушно отзывается на мой призыв. Чужое тело выглядит скопищем красных огоньков. Рана полыхает багровым. Среди багрового огня мелькают черные разводы — яд. Еще немного и будет слишком поздно. Синий огонь врывается в этот мир, затапливает багровое, скрывает черное. Грубо, жестоко — но другого выбора нет.

Мир чужих огней куда-то уносится, и я зависаю в пустоте...

— Вставай, — чужой резкий голос доносится откуда-то издалека.

Я с трудом открыл глаза. Серый камень потолка, грубая кладка стен, косые солнечные лучи из маленького зарешеченного окна. Остальное закрывает черный силуэт, словно окаймленный колеблющейся тьмой.

— Знаешь, у тебя плохая привычка валиться с ног после сражения, — на этот раз обеспокоенный женский голос. — Это может плохо закончиться.

— Мрак, — утвердительно прохрипел я. А кто же еще может окутываться тьмой и разговаривать разными голосами? Да и еще на полузабытом мной русском языке.

— Он самый, — спокойный мужской голос. — Идущие перепугались и срочно вызвали меня.

— Со мной что-то не так? — я с трудом приходил в себя. Вроде целый, лежу на жесткой кровати... Хотя такое впечатление, будто неделю воды не пил.

— С тобой все в порядке. Если можно назвать порядком то, что ты позволяешь себе падать от бессилия после небольшой стычки, — тот же спокойный голос. — Ты испугался и потерял контроль над расходом своих сил.

Злость кольнула изнутри и мягким теплом разлилась по телу. Да что он вообще знает?! Как он может судить, если его не было на стене, когда до меня пытались дотянуться десятки разъяренных тварей? Я попытался поймать взгляд Мрака, но мой гнев лишь утонул в холодной равнодушной тьме.

— Испугался и потерял контроль, — Мрак, повторил эти слова, словно издеваясь надо мной. — Если бы тебя не прикрывали, все могло закончиться плачевно. Не бойся, наказывать не буду, — беззаботный девичий смешок прервал нотацию. — Ты выполнил задачу и выжил, а остерегаться убийц в твою задачу не входило.

— Убийц? — эхом повторил я. Может, виной тому мое разбитое состояние, но соображал я туго.

— Да, среди анхей было несколько человек с, как говорят в вашем мире, ментальными закладками. Они ждали удобного момента, чтобы пустить тебе в спину отравленную стрелу. При этом сами не осознавали своих действий. Поэтому меня монахи и вызвали — им нужно было оправдаться перед Кругом.

Небольшая пауза, я переваривал услышанное и вспоминал произошедшее. Убийцы... Ментальные закладки... Отравленные стрелы... Зачем? Кому нужна моя смерть?

— Видишь ли, — Мрак отошел от моей лежанки и начал расхаживать по небольшой келье. — Такой способ убийства наносит серьезный урон репутации Идущих. Как ты можешь догадываться, твое обучение в монастыре не бесплатно. Таким образом, они расплачиваются за услуги, оказанные им Кругом. Причем за малую их долю. Если бы тебя порвали на куски крысы во время защиты стены, то никаких претензий к ним не было бы. А вот намеренное убийство руками подчиненного Идущим воина, ставит их в очень неприятную ситуацию.

Красноречивое молчание повисло в воздухе. Мрак закончил ходить и смотрел куда-то в окно под потолком.

— Больше трех недель назад кто-то отловил трех анхей и оставил им приказы на твое убийство, а затем подчистил им память. Они продолжали жить своей обычной жизнью, ни о

чем не догадываясь. Но при удачном стечении обстоятельств попробовали бы тебя убить. Одному из них повезло, и он оказался недалеко от тебя в конце боя, — Мрак снова многозначительно замолчал, еще раз прошелся по комнате и продолжил. — В самом способе нет ничего особенного, оставлять подобные закладки в незащищенных умах способен любой старший Воин Тени, не говоря уже о Мастерах. Но несколько необычно место — Застава находится слишком далеко, нужно пройти через посты Идущих, и есть риск напороться на тварей. Никто не будет посылать сюда Старшую Тень ради попытки покушения со столь малыми шансами на успех.

Мрак снова замолчал. Похоже, ему доставляет удовольствие делать паузы. Или он прямо сейчас обдумывает произошедшее, перед тем как озвучить свои мысли...

— Другое дело в том, что у нас рядом как раз есть Мастер Тени, которому навязали бестолкового ученика. И если ты умрешь, то он окажется свободным от своего долга.

Я только моргнул от неожиданности, Мрак же продолжил объяснять менторским тоном.

— Твоя смерть, не по его вине, освобождает от обязанностей учителя, поскольку его плата заключается именно в твоём обучении. Прерванное обучение легло бы дополнительным грузом на Идущих. Но, с другой стороны, это может быть внутренняя интрига теней, поскольку подобное "покушение" тоже пятнает его. Главные враги теней — это другие тени. Подставить при удобном случае конкурентов из другого дома для них в порядке каждодневных вещей, — Мрак снова замолчал, а затем продолжил уже другим старческим сварливым голосом. — В любом случае, найти настоящего убийцу уже не получится, даже у меня. Слишком много времени прошло.

Очередная пауза. Шпионские истории, поиски убийцы, определение мотива... Почему у в этом замешан? Что, мне своих проблем мало?

— Таков этот мир, — Мрак словно услышал мои мысли. — Сильные люди здесь живут в два три раза дольше обычных, не говоря уже про адептов, и продолжают бороться за власть. Интриги могут длиться столетиями.

— А что Круг? Он тоже участвует во всем этом?

— Хранитель держится от интриг на расстоянии. Но рано или поздно они нас затрагивают. Круг слишком сильная фигура, чтобы нас оставили в покое, — на этот раз женский голос. — Чтец Мира в сочетании с адептами Сил, может очень многое, от предсказания будущего до влияния на погоду. Многие Дома, в том числе и Императорский, заказывают Кругу различные услуги. Как ты понимаешь, эти услуги слишком много значат, чтобы нас "не замечали". Обычно с нами предпочитают не связываться, или как сейчас, гадят исподтишка, чтобы нельзя было найти следов. Хранитель живет долго и память у него хорошая.

Хранитель... Память против воли нарисовала образ старца в белоснежных одеждах. До сих пор помню ауру безграничной мудрости и покоя. Сначала я воспринял как чуждое слово о том, что он обосновал Круг полторы тысячи лет назад. Но, пожив в этом мире, я начинаю понимать — они вполне могут оказаться реальностью.

— И что будет дальше? — задал я следующий вопрос.

— Для тебя практически ничего. Ты посидишь в этой комнате несколько дней, пока наши глубокоуважаемые Идущие будут проверять свои ряды, — наполненный сарказмом мужской голос. — Потом продолжишь свое обучение с дежурством на стенах. Разве что опекать тебя будут более плотно.

Хмм... Ничего не меняется... Может оно и к лучшему...

— Займись собой. Если ты не научишься охлаждать свою голову во время боя самостоятельно, то можешь попросить помочь монахов, — ехидный женский голос. — А чтобы тебе интересней было, знай — если подобное повторится, я сама тебя лишу жизни.

Губы сами кривятся в горькой усмешке. Опять мне устанавливают правила и угрожают. И, что самое противное, я совершенно беспомощен.

— Да, напоследок. Тот парень, которому ты половину легкого заморозил, выжил. Счастливо оставаться, — с этими словами черный силуэт направился к углу комнаты с каждым шагом светлея и истончаясь. До стены дошел лишь легкий сгусток... только для того, чтобы истлеть в следующую секунду.

Я откинулся назад, тело само собой потянулось, разгоняя застоявшуюся кровь. Все-таки есть в присутствии Мрака, что-то мрачное, давящее. Без него и в комнате как-то ярче и дышать немного легче.

"Чертовы адепты, со своими тайнами и интригами", — злость колыхнулось с новой силой. Впрочем, тут же успокоилась... В чем-то Мрак прав. Я, похоже, действительно потерял контроль над собой и испугался. Забыл про постоянную подпитку Силой и загнал сам себя. Да и заморозка раненного монаха чистая авантюра.

Пляшут пылинки в косом свете солнечных лучей. Еле слышимый щебет птиц напоминает о просторном мире за каменными стенами. А комната, напротив, навеивает воспоминания о келье в монастыре. Сколько раз я лежал там и любовался танцем пылинок в косых лучах заходящего солнца?

Тень усмешки скользнула по моим губам, я жив и практически цел, — а значит, жизнь продолжается!

Бух-бух — ноги выбивают пыль из горной дороги. Хотя назвать это дорогой сложно — так, едва заметная колея. Бегущий впереди Хон над выбором пути не сильно раздумывает. Колея то и дело сменяется тропинкой, что может тут же исчезнуть в траве без следа, а мы бежим и бежим... Но не мне жаловаться, за два месяца — или две луны, как здесь говорят, однообразное торчание на стене осточертело в конец. Даже возможное нашествие скальных крыс — уже желанное развлечение.

Новый учитель и начальник в одном лице начал обучение с кросса вокруг долины... в полной выкладке. Помимо оружия у меня на спине болтался мешок с приличным запасом еды и местным набором альпиниста. Весит это хорошо за двадцать килограмм, а учитывая, что почти все время мы бежали вверх по склону... Я-то ладно, у меня есть подпитка Силой. А вот как местные справляются? Я кинул украдкой взгляд на бегущего рядом Синха — сосредоточенное лицо, ни следа пота или усталости...

— Смотри по сторонам и под ноги, — донесся полусшепот-полусшипение.

Вот — еще советы давать успевает. В следующую секунду я запнулся. Копье само метнулось влево-вниз. Размытый от скорости рывок вверх — в воздухе извивается нечто длинное и черное. Неуловимый росчерк — змея лишается головы и падает на землю. Шаг назад — наконечник копья с кровавыми каплями замирает в локте от бьющегося в агонии безголового тела. Наблюдает, как оно свивается в узлы, вспахивает пыль и разбрасывает капли темной крови...

— Скальный полоз, не ядовит, хорошее мясо, — сквозь пелену транса донесся голос нового сенсея.

Я тихо выдыхаю. Сердце заходится в заполошном стуке, руки чуть подрагивают от выброшенного адреналина. В такие моменты я не знаю — то ли благодарить своих учителей за вбитые рефлексы, то ли проклинать их за то, что нахожусь там, где они нужны.

— Хон, рядом должна быть самка полоза. С'еро, в ста шагах внизу место для стоянки, набери хвороста. Синх, на тебе приготовление еды, — раздал задачи сенсей.

Еда... От жарящихся шашлыков идет дурманящий запах. Капли жира срываются с румяного мяса и с шипением тают на багровых углях. Хон не только нашел самку, но еще надергал клубней дхна — по виду напоминающих морковь, а по вкусу нечто среднее между картошкой и редиской. Сейчас все это богатство, аккуратно порезанное, посыпанное приправами и нанизанное на очищенные веточки, запекается на углях небольшого костерка. Поразительно, как быстро местные умудряются организовать стол практически из ничего.

Я почти акклиматизировался. Сiju в кругу... знакомых. Ловлю запахи готовящейся еды, добытой мной. То, что на змею я почти наступил, а двоих из трех «знакомых» я знаю второй день, можно оставить за кадром. Глядишь, так и вживусь в этот жестокий мир...

Синх раздал палочки с готовыми порциями и после разрешающего кивка учителя мы принялись за еду. А ничего так — я слизнул жир и впился в прожаренный кусок... вкусно... Вкусней тех шашлыков, что я когда-то ел в другой реальности. Это из-за необычности мяса, или виноват аппетит, нагулянный пятичасовой пробежкой?

— С'еро, смотри как бежит Хон. Синх, не отвлекайся. Хон, не забегай далеко вперед, у тебя под крылом один неоперившийся и один только вылупившийся, — отвлек от еды сенсей, и тут же продолжил. — У вас мон на отдых.

На речь учителя я отреагировал глубоким поклоном прямо из сидящего положения, чуть не вписавшись лицом в остатки шашлыка. Иногда интуитивное следование этикету просто бесило. Но что это было?! Судя по моей реакции, что-то серьезное. Я скосил глаза — рядом так же воткнувшись лицом в траву распростерся Синх.

К траве я прижимался минут пять, пока учитель не торопясь доел свою порцию и не отошел в сторону... Какое-то шестое чувство не позволяло мне разогнуться. Хон вслед за ним скрылся в ближайшем кустарнике, оставив меня с Синхом наедине. Синх же только выдохнул, заметив мой вопросительный взгляд.

— Наверное, Кн`хару сенсей посчитал добытого тобой полоза хорошим знаком, — начал он тихим голосом. И, глядя на мое недоуменное лицо, продолжил: — Мастера-охотники верят в знаки. Когда им дают учеников, первый день они смотрят, что с ними произойдет. Если происходит что-то нехорошее, то они чаще всего отказываются от тех, кому не сопутствует удача.

— То есть, нас сейчас взяли в ученики? — уточнил я.

Синх посмотрел на меня ничего не выражающим взглядом... похоже я опять ляпнул что-то не то.

— Если сенсей дает указания, что нужно исправить, то значит он уже начал нас учить, — все же ответил Синх. Потом, словно вспомнив что-то, продолжил: — Но не расслабляйся, удача заканчивается тогда, когда люди начинают думать, что крепко схватили ее.

Я откинулся на мешок с припасами и задумался, механически доедая шашлык... Хорошо... Нагревшаяся под солнцем ткань приятно греет кожу. Невидимая птица заливается веселой песней где-то в синей вышине. Легкий ветер доносит запах цветущего жасмина. Мимо идет с грустной физиономией Хон. Похоже, что у него всегда такое лицо — противоположность вечно улыбающегося Синха. И новый сенсей ему подстать — молчаливый дядька с азиатскими чертами лица и печально опущенными усами. Полусонное выражение лица, безразличный взгляд, скупые плавные движения, создавали обманчивое впечатление. По мне, это леность пригревшейся на солнце ядовитой змеи.

Синх сказал после вчерашнего знакомства: «Сенсей Кн`хару, один из двенадцати мастеров-охотников, что ведут охоты за стеной. Летом каждый из них берет несколько молодых учеников, и вместе охотятся на пробравшихся через горы тварей.»

Похоже, остаток лета я буду бегать по горам в этой компании. Это если повезет... не повезет, споткнусь где-нибудь — вернут стоять на стене. Все как обычно. Справился — шагаешь на ступеньку вверх, не справился, и не важно почему — слетаешь в отвал. Странно... подобные мысли у меня уже не вызывают негодования. Смирился что ли?

Легкий ветер колышет лоскутное одеяло травы и цветов. Невидимая птица продолжает вести свою бесконечную песню. Мягкое солнечное тепло ласкает кожу. Редкий момент, когда можно просто наслаждаться окружающим миром...

Тихий хлопок прерывает короткую идиллию — Хон дает знать, что время отдыха подошло к концу. Коротким слитным движением я поднимаюсь на ноги. Подхваченный рюкзак занимает свое место за плечами. Правая рука привычно сжимает нагревшееся древко копья. Бежать или сражаться — я готов.

Следующие две недели мы выписывали круги вокруг долины и окрестностей. Если первая неделя была больше похожа на забег на выносливость, то во вторую наши шатания начали приобретать все больше смысла. Мы целенаправленно выследили и убили двух

прыгунов. Точней выследил сенсей по одному ему ведомым признакам, а убивал Хон с нашей подстраховкой. Так же обошли несколько наблюдательных постов и сопроводили телеги с припасами. Я еще раз отличился, сбив ножами пару местных куропаatok. Но интересней всего было, когда мы нашли логово волчанки.

— Плохой запах, идем туда — сказал Хон, и показал рукой налево.

Хон командовал почти все время и, как сенсей, был немногословен и даже говорил похожими фразами. Обычно сенсей задавал общую цель, например: «Идем по восточному склону к посту на красной скале», — а дальше «рулил» Хон.

Через сотню шагов плохой запах заметил и я. Пахло разложившимся мясом и чем-то еще, трудно уловимым и мерзким. Вообще, надо что-то делать с обонянием, да и зрением... Хон и Синх чувят запахи и подмечают следы в разы лучше меня. А про сенсея заикаться даже сложно, он может углядеть несколько шерстинок камне... на бегу... в пяти метрах от дороги...

Источником запаха оказался труп косули, верней то, что от него осталось — оторванная голова, ошметки шкуры да размочаленные кости, хаотично раскиданные среди невысоких деревьев. Все это явно лежало на солнце не первый день и пахло.

— Волчанка, — сказал Хон показывая на одну из костей со следами зубов. Зубы явно были острые, большие и проблем с раскусыванием костей не имели.

— Два дня, могла остаться на лежку, — донесся из-за спины тихий голос сенсея, он все время держался позади нас, страхуя и опекая.

Я оглянулся — расплывчатый силуэт в тени невысокого дерева почти неразличим. Только небольшой взведенный арбалет выбивается из общей картины. Гм... Арбалет я вижу в первый раз. Где наш сенсей его прятал?

— Надо проверить склоны. Сначала северный. Я внизу, — продолжил учитель в своей обычной манере.

И мы побежали, вслед за Хоном... назад, туда откуда пришли. Через мелкий подлесок по дну долины.

— А почему мы возвращаемся? — тихо задал я Синху один из своих глупых вопросов. Хоть и зарекся я их задавать, но порой любопытство и нервозность от непонимания происходящего перевешивают.

— Ветер. У волчанки хороший нюх и подбираться к ней можно только против ветра, — так же тихо ответил Синх, не удостоив меня даже своим фирменным взглядом.

Понятно... Как-то в голову раньше не приходило, но, если вспомнить, то мы почти все время бежим против ветра. Получается, что мы бегаем не как Хону в голову взбрдет, а по какому-то плану. Мог бы и сам догадаться.

Заложив хорошую петлю, мы полезли на склон горы и начали выписывать зигзаги. Верх-вниз, верх-вниз, заглянуть в овраг, сунуться во впадину между камнями, найти и проверить пещеру. Похоже, Хон знает местность наизусть и ведет нас строго от одного укромного места к другому, не забывая подходить к ним с подветренной стороны. И как я раньше на это внимания не обратил?!

Возле очередного распадка Хон остановился.

— Здесь, — тихо сказал он.

Я принялся... и в самом деле, чувствуется сладковатый запах разложения и что-то еще, неуловимо мерзкое, та же тень запаха, что и над растерзанной косулей. Против воли сердце застучало быстрее, легкий жар растекся по телу — скоро мы схватимся с этой

мерзостью. Краем глаза я заметил движение сбоку. Сенсей сместился вниз, буквально перетекая между камней. С такой страховкой сразу стало как-то спокойней. Я тихо выдохнул, поудобней перехватывая копьё.

— В той впадине нора, — продолжил Хон все тем же тихим безразличным голосом. — В прошлом году мы уже убивали волчанку рядом с ней. Запах свежий, новая волчанка спала там этой ночью, скорее всего она еще в норе.

Я проследил за рукой Хона — неприметная впадина в полусотне шагов от нас. Только подбираться к ней неудобно, весь склон усыпан камнями, с редкими клочками травы.

— С`еро, идешь выше меня на пять шагов. Когда мы подойдем ближе, волчанка почувствует наши шаги и выскочит. Ты должен ее ранить и отвлечь своими ножами. Синх, зайдешь сверху, подруби ей лапы если попробует сбежать вверх по склону.

Я аккуратно снял рюкзак и быстро проверил оружие — все на месте и легко выходит из ножен. Несколько круговых движений для разминки плеч и рук, перехватить копьё поудобней. Хон и Синх занимались тем же самым. По лекциям в лагере я помню, что волчанка не ядовита, но быстра и прекрасно лазает по камням. Главный прием при встрече с ней — повредить ей пару ног, потом разорвать дистанцию и добить. Ноги у нее слабо защищены в отличие от туловища и морды. Правда, их целых шесть...

Время пришло — Синх занял позицию сверху, Хон двинулся вперед. Я еще раз тихо выдохнул и очистил голову от лишних мыслей. Есть только я и склон рядом со мной. Ноги ступают мягко, плавно обходя разбросанные камни. Легкое как перышко копьё чувствуется продолжением рук. Сила медленно и величаво плывет сквозь меня, наполняя тело неземной легкостью. Шаг еще шаг, вот до впадины осталось дюжина шагов. Сбоку маячит тень напарника, она тоже остановилась. Хон подает рукой знаки — «стой» и «сделай шум». Понятно — он хочет, чтобы я выманил зверя.

Я смещаюсь за большой камень по пояс высотой. Копьё бережно кладется поверх. Руки на клапанах зажимов метательных ножей. Теперь потопать ногами посильней...

Замерший в медленном течении мир раскалывается. Серая размытая тень молниеносно возникает на краю впадины и замирает на мгновение в нерешительности. Миг равновесия краток — два серебряных росчерка втыкаются в серое пятно. Еще миг — размытая тень превращается в оскаленную пасть, рвущуюся ко мне. Два новых росчерка втыкаются в пасть и пропадают бесследно. Еще миг — справа мелькает синяя тень и пасть, захлебнувшись воем, ныряет вниз, чтобы тут же рвануться ко мне снова.

Внезапно все замирает. Оскаленная морда застывает на расстоянии вытянутой руки. В глубине глаз медленно потухают красные огоньки. Четыре глаза, большие белые клыки, морда лишь отдаленно похожая на волчью, серая свалывшаяся шерсть и древко копьё, упирающееся в горло твари.

Руки сами собой провернули древко, расширяя рану. Толчок — труп уродливой серой собаки сваливается в сторону, а на свет появляется длинный наконечник, полностью покрытый кровью. Красные капли срываются и падают вниз, пятная пыльный коричневый камень. Коктейль эмоций. Страх, азарт, торжество победы, усталость, снова страх... Сейчас опять начнут трястись руки...

— С`еро, надо проверить нору, — откуда-то доносится знакомый голос.

Я оглядываюсь... Покрытый камнями склон. Хон рядом со мной с копьём наотмашь, его лезвие тоже щедро окроплено кровью. Где-то сбоку чувствуется Синх. На краю впадины возникает знакомый, размытый силуэт сенсея.

— Тут чисто, — спокойный голос разрывает повисшую напряженность, можно расслабиться.

На меня снова накатывает отходняк. Оскаленная пасть, куда моя голова может поместиться целиком, вновь возникает предо мной. Вдох, выдох, успокоиться... Обратиться к Силе. И вновь ласковый прохладный поток подхватывает меня, обнимает на несколько секунд и уносится прочь, забрав тревоги и страх...

Еще один бой позади. Снова смерть прошла мимо.

Покрытые туманом горы, морозящий дождь, сложенная из толстых бревен небольшая застава — когда-то, давным-давно, подобная картина навеяла бы грусть. Или, возможно, я бы восхитился художником, придумавшим необычную композицию. Сейчас же я вижу это наяву и чувствую только усталое раздражение.

От резкого движения с капюшона срывается несколько капель и падают на мокрые кожаные штаны. Штаны хорошие, не промокают, как не промокают добротные сапоги из толстой кожи. Только на сапогах сейчас сантиметр грязи, а штаны и плащ все заляпаны после того, как я поскользнулся во время очередной пробежки.

«Естественный камуфляж и красить ничего не надо», — подумал я. Мысли ворочались неохотно — тоже устали. Вроде нагрузка не изменилась, а постоянный дождь, грязь и опасность поскользнуться выматывали похлеще бега в гору с грузом.

С дощатой крыши сорвалась очередная капля и гулко шлепнула по капюшону. Мы сидели под навесом, рядом со стойлами для мулов. Дырявый навес, как и покосившиеся стойла, носили свое название лишь номинально. Их использовали только для кормления мулов во время дневного перегона. Да и сама малая застава напоминала укрепленный большой дом.

Сенсей Кн`хару оставил нас здесь и пошел на заставу один. Небось сейчас пьет горячий чай и греется у огня в компании старших «братьев». Ученикам же, я окинул взглядом мокрых Синха и Хона, подобные послабления не положены. Они должны стойко переносить тяготы военной службы. Единственное, что радовало, все «старшие братья» тоже прошли через подобную школу. Послаблений у монахов не делалось никому.

От размышлений меня отвлек силуэт сенсея, появившийся из укрепленных ворот заставы. Фигура приближалась быстрым плавным шагом, гораздо быстрее чем обычно ходит учитель. Похоже, в этот раз попить чай у него не получилось.

— Пропала телега с припасами, которая ушла на пятый пост, — сразу перешел к делу наш учитель и командир. — Она должна была вернуться вчера вечером. По вестям Алуне с поста ответили, что до них телега не дошла.

Вестями Алуне называли гелиограф. По окрестным горам разбросаны небольшие вышки с дежурными, которые при необходимости зеркалами или флагами передают нужную информацию. Обход таких вышек и конвоирование припасов для них часть нашей еженедельной рутины.

— Выходим сейчас, я впереди, Хон замыкающий. Смотрите по сторонам, телеги с мулами так просто не пропадают, — напутствовав нас сенсей тут же направился к размокшей дороге.

Бег, опять бег по размокшей дороге. Но, в этот раз бежать гораздо интересней. Если сенсей бежит впереди — значит Хону он доверить место разведчика не может. Под ложечкой засосало предчувствие неприятностей, и одновременно заиграла жажда схватки. Что-то будет...

Нужно успокоиться, бежать далеко — пару часов минимум, а по такой погоде и все три. Я успею переволноваться и перегореть. Волна Силы привычно смывает лишние эмоции... Яркая зелень бросается в глаза, резкие запахи режут нос, шелестит дождь, рюкзак давит на плечи. Я лучше вижу, слышу и ощущаю — небольшой прием, который получилось освоить

после встречи с волчанкой. Но действует он только в состоянии полутранса, если отвлечься, чувства тут же возвращаются в обычный режим.

Бег продолжается... Вдох-выдох, глаза скользят по пейзажу, пытаются найти малейшее несоответствие. Я не тешу себя надеждой, что замечу что-то пропущенное бегущим впереди мастером-охотником — это бессмысленно. Но, с него станется оставить след, не заметишь его и не доложишь — попрощайся с ужином. Я уже пару раз так влетал, повтора как-то не хочется...

Прошлый сенсей за допущенный ляп сразу кидал в пучину боли. Это заставляло быть внимательным, даже против собственной воли. Новый так не зверствует — приходится самому напрягаться. Постоянно быть настороже. Возиться со мной тут никто не будет, если мои ошибки переполнят невидимую чашу — меня отправят назад, караулить стены. Вплоть до возвращения к черному демону.

По спине пробежала дрожь. Хоть воспоминания поблекли, а я все еще боюсь. Боюсь снова оказаться в аду тренировок, во власти этого садиста. Хоть сам себя уверяю, что мне это безразлично, что мне плевать на собственную жизнь. Но боюсь... Ничего... Однажды я стану достаточно сильным, и отомщу.

Так, предаваясь мечтам о мести, я бежал и бежал, пока взгляд не уперся в фигуру нашего учителя. Он просто стоял на обочине и смотрел на подлесок возле дороги. Заметил что-то интересное?

Перехватив копье поудобней, я перешел с бега на скользящий плавный шаг. Краем глаза я заметил слева Синха, зеркально повторившего мои движения. Чем дальше, тем больше я похож на местных. Где тот неуклюжий юноша, переступивший ворота монастыря два года назад? Впрочем, сейчас не место и не время для воспоминаний...

Деревья, подлесок, трава, дорога... Ага — рядом с сенсеем, на обочине, следы колес. Похоже что-то тяжелое свернуло в подлесок и, ломая ветки, покатило в кустарник... Недалеко укатилось. В шагах тридцати сквозь кустарник виднелось что-то темное.

— Хон, иди вперед и осторожно, я зайду сбоку, — скомандовал наш учитель. — Синх, шесть шагов за Хоном, С'еро три шага за Синхом.

С этими словами сенсей махнул арбалетом в сторону темного пятна и скользнул в заросли. Я пытался проследить его взглядом, но это попросту бесполезно. Через три шага он растворился среди мокрой листвы, словно Мрак в тени... И ведь это не какой-нибудь Владеющий Силой, а обычный опытный охотник...

Опять мысли перепрыгивают с одного на другое. Я волнуюсь, надо снова успокоиться. Спасительная Сила отзывалась с неохотой, словно издалека... Похоже, загонять себя в состояние полутранса на долгое время было ошибкой.

Вдох-выдох, положить рюкзак на землю, проверить оружие. Волна Силы очищает сознание — мир снова играет свежими красками. Скользнуть в подлесок вслед за уходящим Синхом, ждать пока я настроюсь никто не стал.

Шуршит листва, тяжелые капли срываются с невысоких деревьев и гулко падают на прелые листья. Если не обращать внимания на необычные деревья — можно подумать, что я опять убежал с друзьями играть в лесок возле деревни после дождя. Потом была подготовка к ВУЗу, поступление, стало не до поездок в деревню. Да и не интересно просто... кто бы мог подумать, что я опять буду шариться по кустам, да еще обвешавшись холодным оружием.

Мысли скользят по краю сознания, я держусь позади и чуть правей от Синха. Ноги мягко ступают по мокрой опавшей листве, задетые ветки окропляют землю. Запахи мокрой

листвы забивают нос. Все-таки я чувствую чуждость окружающего мира. Лес, погода — все чужое и раздражает.

Негромкий вскрик впереди, прерывает посторонние мысли. Сквозь шелест листвы слышно, как что-то ударилось об землю. Хон?!

— На него прыгнуло что-то прозрачное, — свистящий шепот Синха, режет слух.

Нарвались... адреналин стегнул по жилам. А в голове лихорадочно всплывали воспоминания про прозрачных и невидимых тварей, все до одной опасные и ядовитые.

— Это дети да`хтин, — голос сенсея из-за спины прозвучал громом с ясного неба, я еле успел задавить порыв развернуться и махнуть копьём наотмашь.

— Нужно вытащить Хона к дороге, прежде чем придет их мать, — продолжил наш учитель, а я вспомнил, с кем мы столкнулись.

Да`хтин — большой черный паук, точней паучиха, восемь лап, большое брюхо, до полутора метров высотой. Отличается тем, что носит на себе потомство — под сотню прозрачных паучков, размером с тарантула, прыгучих и ядовитых. Матка обычно сидит в норе под землей, а паучата устраивают несколько засадных линий. Стоит жертве пересечь подобную линию, как на нее прыгают два-три детеныша и жалят до полного паралича. Потом приходит паучиха и отволакивает попавшееся животное в нору. Яд не смертельный, но с очень сильным парализующим действием. Жертва может оставаться в сознании несколько дней, пока матка не проголодается.

Очередная тварь из фильма ужасов.

— С`еро, оставь копьё и иди вперед, мы с Синхом прикроем тебя, — в этот раз приказ сенсея прозвучал похоронным маршем.

«То есть мне сейчас нужно лезть туда, где затаились невидимые ядовитые твари? И рисковать закончить свою жизнь в животе огромной паучихи?» — панические мысли заметались в моей голове. В горле пересохло, а руки тем временем сами прислонили копьё к дереву, пробежались по клапанам ножей и достали меч из ножен. Паника и страх куда-то пропали... оставив странную сосущую пустоту.

Яркая мокрая зелень, капли редкого дождя гулко шлепают по листьям. Тяжесть клинка в руке и запахи влажного леса. До Хона десятков шагов, все решится за несколько секунд. А в душе лишь пустота и отголоски страха. И лучше не задумываться, что будет потом... Я сделал шаг вперед.

— Вышей противоядие.

Я на секунду замер. Потом развернулся и посмотрел на невозмутимого учителя. Абсолютно спокойное лицо, безразличный взгляд черных глаз и небольшая склянка в протянутой руке.

«Нельзя было сказать про противоядие сразу!?» — одинокая гневная мысль пронеслась по краю сознания, а в реальности же я просто взял склянку. Сковырнул пробку лезвием меча и опрокинул в рот. Огонь скользнул по пищеводу, оставляя после себя традиционно мерзкий привкус.

А еще через секунду я забыл и про сенсея, и про отвратительное зелье. Нужно вытащить Хона, и сделать это быстро.

Стелющийся шаг, один, другой, третий. Зеленые листья подлеска качаются под слабым ветерком, изредка роняя капли утреннего дождя. Руки расслаблены, внимание рассеяно и сосредоточено одновременно. Я отвожу мечом мешающуюся ветку в сторону. Рассеянный свет и колышущиеся листья превращают попытки найти прозрачных пауков в бесполезное занятие. Шаг, еще... до места, где был Хон осталось буквально два метра. Я замер.

Хон лежит, привалившись к дереву, в пол-оборота ко мне. Трава вокруг смята, рядом валяется обломанная ветка. Мои глаза лихорадочно скачут по стволам деревьев, веткам, траве, пытаюсь зацепиться за малейшее несоответствие. И находят его. Возле ноги Хона, на опавших листьях, лежит что-то полупрозрачное, похожее на скомканный в комок полиэтиленовый пакет.

Вдох... Выдох... Спокойно... нельзя спешить... Я снова пробегаюсь взглядом по веткам и стволам деревьев. И цепляю второй прозрачный комок, на стволе дерева, к которому привалился Хон. Этот «комок» почему-то гораздо прозрачней и заметить его в разы сложнее.

Пальцы левой руки одним слитным движением цепляют клапан перевязи. Небольшая рыбка метательного ножа привычно ложится в ладонь. Рука продолжает слитное движение одним махом посылая рыбку в паука на дереве. И тут же возвращается к перевязи, тысячи раз отработанным движением цепляя второй нож. Второе слитное движение, в том же темпе, но в этот раз стальной росчерк втыкается в прозрачный комок на земле...

Вдох... Выдох... я снова замер. Прозрачный комок с дерева унесло куда-то в кусты. Тот что на земле припилен ножом, не двигался и, кажется, помутнел еще больше. Шелест листьев на ветру. Колышущиеся пятна теней не дают рассмотреть труп прозрачного паука.

Я начал обходить дерево, к которому привалился Хон. Шаг, еще шаг. Правая рука, с мечом, вынесена чуть наотмашь. Левая прижата к очередному кармашку с ножом. Глаза лихорадочно пытаются найти новый «комок». Одинокая капля пота скатилась по виску...

Странный едва слышный скрежет прокатился по подлеску. Я замер...

— Матка поняла, что ее детей убивают. Скоро она будет тут — раздался из-за спины тихий голос сенсея.

Слева бесшумно появился Синх, тоже наготове и напряженно вглядывается в листву.

— С`еро, бери Хона и быстро беги к малой заставе. Синх, прикрываешь его. Я подстрелю матку, но она будет долго умирать от яда — голос сенсея сместился за правое плечо. Я кинул туда быстрый взгляд, но заметить сенсея не получилось... как обычно.

Я перевел взгляд на Хона. Смятая, грязная одежда, присыпанная мокрыми листьями. Бледное лицо с закрытыми глазами, спутанные волосы, потеки крови на скуле и явный след от укуса на судорожно сжатом кулаке. А ведь иди я впереди — наверняка оказался бы на его месте.

На заставе, кроме лекций и тренировок с чучелами, были и курсы первой помощи. Как правильно перевязывать раны, накладывать жгуты, оказывать помощь при отравлениях. И отработка эвакуации раненых тоже проходили. Скорой помощи в горах нет, если не оттащить бессознательного раненого к ближайшему посту — то он, скорее всего, умрет. Поднять с земли взрослого бессознательного человека и закинуть себе на плечи не так-то просто. Нужно знать пару «фишек» и иметь хорошую физическую силу... благо приемы я

отработал, и сила у меня есть. Я убрал меч и почти лег на Хона, закидывая его ногу себе на плечо. Резкий поворот, почти кувырок, через колено, я распрямляюсь и встаю на ноги уже с Хоном на плечах. Синх только махнул рукой и устремился к дороге. Еще немного, и мы вберемся из этого проклятого леса.

— Демоны! — внезапно вскрикнул Синх.

Он как-то странно дернулся, словно что-то отбросил невидимое, извернулся и замер с большим ножом в руке.

— Отрыжка полуночи! Меня укусили! — яростным шёпотом воскликнул Синх, его лицо как-то быстро побледнело, прямо у меня на глазах.

— Где? — спросил я.

— Плечо — быстро ответил он.

— Скинь плащ и покажи точное место укуса — решение, как по наитию, всплыло у меня в голове.

Если мы промедлим хоть полминуты, сюда может добраться матка. Она хоть небольшой высоты, но туловище, даже без учета ног, у нее размером с небольшой автомобиль... бронированный хитином автомобиль. Наши мечи и копья она сомнет и не заметит.

Синх, не говоря ни слова, сбросил плащ и содрал наплечник с правого плеча. Быстрый взмах ножом — Синх сдирает порезанный рукав и буквально сует мне под нос голое плечо с отчётливо видной жирной красной точкой укуса. Кожа вокруг точки на глазах темнеет и наливается синюшным оттенком. Кажется, Синх уже понял, что я хочу сделать.

Я ткнул пальцем в место укуса одновременно призывая Силу, и Сила послушно отозвалась. Мягкий поток холодной воды плеснул внутри меня, прокатился по руке и ручейком вылился из протянутого пальца. В реальном же мире место укуса покрылось корочкой изморози, белая блямба, несколько сантиметров в диаметре.

— Бежим! Надолго заморозки не хватит! — тихо скомандовал я, срываясь с места.

Через пару шагов меня бесшумно обогнал Синх, сверкая голой рукой. Даже в такой ситуации мы старались не шуметь.

Не успели мы выскочить на дорогу, как сзади раздался новый скрежет. Только теперь в разы громче. Может сенсей уже ранил матку? Только поймать сенсея она вряд ли сможет... В отличие от нас. Эта мысль меня подстегнула еще больше, я побежал еще быстрее.

Минута бега, вторая... Синх вырвался далеко вперед... впрочем, ненадолго. Он зашатался прямо на бегу и, заложив петлю, ввалился в подлесок с правой стороны дороги.

На него явно подействовал яд... А мне что делать? Бросать Синха и бежать с Хоном на плечах до заставы? Это несколько часов... за это время его может не только матка найти и съесть, но и кто-то из других зверей. А двоих я на себе не утащу никак...

Так ничего не надумав, я ввалился в подлесок следом за Синхом. Снова мокрые ветки лезут в лицо. Только бесшумно стелиться над землей у меня уже не получается, грудь ходит ходуном, прохладный воздух с хрипом вырывается наружу.

Синх нашелся сразу. Он лежал на спине недалеко от дороги. Его бледное лицо, покрытое мелкими бисеринками пота, врезалось мне в память.

— С`еро... Беги... Сенсей... Сказал... — Синх говорил медленно отрывисто, с явным усилием выталкивая слова.

— Нет уж. Я останусь тут и подожду помощи, — слова Синха внезапно разбудили во мне злость.

Бежать, бросив раненого... Кого? Кто мне Синх? Друг? Шпион? Товарищ? Неважно...

Бежать будет подлостью, даже если я спасу Хона. Я аккуратно, положил Хона рядом с Синхом. Теперь лежат мои товарищи рядом. С бледными лицами, парализованные... Не так я себе представлял эту охоту.

Тут я понял, что тоже испугался, устал и сбил дыхание. Ноги дрожат от нагрузки. Странно... Раньше я с таким грузом мог бежать полчаса минимум... А тут несколько минут бега и все... Опять перенервничал и забыл про Силу?

Я несколько раз медленно вздохнул и вновь окунулся в прохладный поток. Вдох-выдох... Поток подхватил меня и понес по своим волнам, забирая усталость и даруя божественную прохладу. Напрягшись, я вернулся обратно в свое тело. И почему мне кажется, что проваливаться в поток все легче, а возвращаться все сложнее?

Я продолжал дышать и брать силу от потока. Медленно я остывал, успокаивался. Шелест листьев, редкие капли, срывающиеся с мокрых веток, уже не беспокоили меня. Даже лежащие за моей спиной Синх и Хон отошли на второй план. Я стоял за кустами возле дороги и просто ждал... Ждал, когда появится сенсей или когда кончится мое терпение.

Холодный поток Силы, вне меня и одновременно внутри. Великолепный, волшебный, захватывающий... Детское ощущение чуда. Странно, но в моменты опасности мне кажется, что я становлюсь ближе к Силе. На ступеньку приближаюсь к ее пониманию. Вот и сейчас, поток меня несет и я, в такт своему дыханию, ныряю чуть глубже и поднимаюсь наверх. То возвращаюсь в лес, то ощущаю мир как взвесь холодных снежинок. Единую, гармоничную вязь, летящих мимо и сквозь меня, куда-то к недостижимой цели... Внезапно, среди гармоничного движения синего сияния, почудилась легкая дисгармония... словно камень, тихо канувший в воды пруда. Я повернул голову налево.

За деревом, буквально в трех шагах от меня стоит сенсей и смотрит на меня своим ничего не выражающим взглядом. Несколько секунд молчания... Сенсей выходит из-за дерева и спокойным шагом идет к Синху и Хону. Мне кажется, или я в первый раз заметил его приближение?

Так же молча он осмотрел двух товарищей, потрогал пальцем место укуса на плече Синха и достал из подсумка на поясе знакомую склянку противоядия.

«Если у него было противоядие, почему он не дал его выпить Синху?!» — про себя воскликнул я, внешне храня спокойствие. Пока я боролся с желанием задать этот вопрос в слух, сенсей залил половину склянки в рот Хону, аккуратно придерживая его голову. Потом повторил процедуру с Синхом.

Сенсей, не издав ни звука развернулся ко мне. Его ничего не выражающие глаза уставились на меня с какой-то угрозой. По позвоночнику пробежала холодная дрожь, я в первый раз вижу его недовольным. Желание задать идиотский вопрос сразу же вылетело из головы.

— Синх должен очнуться через половину мона. Скажи ему, чтобы он постоянно повторял плач Аой — тихий невыразительный голос сенсея впечатывался в мое сознание. — Идите на заставу, matka мертва.

С этими словами сенсей Кн'хару развернулся и через несколько шагов буквально растворился в подлеске. Я сморгнул и посмотрел на лежащие тела моих товарищей... Почему-то сильно захотелось курить.

Топать по раскисшей грязи с грузом на плечах еще то удовольствие. А от взгляда на бледного, шатающегося Синха становилось только хуже.

— Привал — сказал я, сворачивая с дороги к упавшему стволу дерева.

Рядом присел Синх. Он часто дышит, с каким-то присвистом, мелкие бисеринки пота густо блестят на его бледной лысине. Сейчас он мало напоминает пышущего здоровьем и остроумием парня, с нашей первой встречи. Хона я разместил рядом, аккуратно положив голову на ствол дерева. Ему явно стало лучше, но он до сих пор не очнулся.

— Как себя чувствуешь? — спросил я.

— Как толстун, попавшийся стае скальных крыс — сверкнул натянутой улыбкой Синх.

Толстунами тут называют животных похожих на енота, довольно безобидных на фоне остального населения Лесов. Живут они в норах, хорошо прячутся, и занимают роль мелкого хищника-падальщика. От других мелких хищников отличаются толстым слоем жира и вкусным мясом.

— Говоришь, сенсей был недоволен? — Синх перевел разговор на явно интересующую его тему.

— Не то чтобы, по его лицу сложно что-то понять. Но такое ощущение осталось — честно ответил я.

— Ну да. Стоило только напороться на первого серьезного... зверя как старшие ученики валяются отравленные... — Синх тяжело дышал и говорил с перерывами. — Повезло еще... что у сенсея было две дозы противоядия.

«А еще последний ученик проигнорировал приказ и не унес старшего на заставу», — подумал я про себя. Чувствую, моя самодеятельность мне еще вылезет боком. Правда, сожалений я не испытывал.

— А что за «плач Аой», о котором сенсей говорил? — я тоже задал интересный мне вопрос.

— Техника обращения к... Силе Жизни... Помогает при лечении ран... Твоя заморозка... спасла меня... но, чтобы я не валялся на койке... надо лечиться — с этими словами Синх, на секунду скривившись, приложил руку к голому плечу и застыл с отрешенным выражением лица.

Я тоже устроился поудобней и обратился к Силе. Про Силу Жизни мне никто толком ничего не рассказывал. Но, как я понял, так или иначе ей пользуются почти все практики боевых домов. И даже талантливые крестьяне. Именно за счет этой Силы в это мире живут в разы дольше, лечат раны и восстанавливают силы.

Я иногда думал: «А могу ли я пользоваться другими Силами?» Но, от прямых вопросов к учителям меня удерживал здравый смысл, а на собственные исследования банально не было времени. Мне приходилось постоянно учить что-то другое... или куда-то бежать, сражаться, тренироваться... Можно было еще «считерить» и обратиться к печати познания. Только, как бы решение не оказалось хуже незнания. От прошлого познания этикета я чуть не помер. Да и просто валяться в обмороке или ходить с головокружением я сейчас себе позволить не могу.

Я откинул от себя лишние мысли и вновь сосредоточился на вечном синем потоке. Надо дотащить Хона... пока важно только это.

Хона я успешно дотащил, Синх тоже дошел без проблем, ему постепенно становилось все лучше. На заставе Хона переложили в носилки и забрали в лазарет. Нас же отправили в небольшую комнату с двумя кроватями и сказали ждать до завтра.

Комнаты что в монастыре, что на заставах какие-то однотипные. Минимум мебели, спартанская обстановка, грубо обработанные деревянные стены и забранное решеткой окно. Монахи являются именно монахами, никаких излишеств себе не позволяют.

Синх сразу завалился на постель, приложил руку к плечу и начал заниматься непонятным упражнением. Ему явно было не до разговоров. Я же сходил в местный аналог душевой, облился чуть подогретой водой из кувшина и улегся на соседнюю кровать.

Так и прошел вечер... А на следующее утро меня позвали в новый поход. Меня одного, Синх остался лечиться. На огороженном частоколом дворе меня встретило непривычное столпотворение. Три телеги, запряженными мулами, с парой анхей на каждой, шесть учеников и три мастера-охотника, включая и нашего сенсея. Что ученики, что мастера носят невзрачные плащи и коричнево-серую, сливающуюся с местностью одежду. Но я уже научился с первого взгляда определять кто есть кто.

От толпы учеников отделился флегматичный паренек, и где-то я его уже видел...

— Приветствую, меня зовут Анн — негромко сказал он, с коротким поклоном. — В этом походе я буду вашим напарником.

Тут я вспомнил его — это тот самый парень, что заслонил меня от отравленной стрелы на во время набега скальных крыс.

— Приветствую, спасибо, что прикрыл меня тогда — ответил я с таким же поклоном.

Этот невзрачный парень один из немногих в этом мире к кому я испытывал искреннюю благодарность. Хоть паранойя и шептала, что его не просто так поставили на стену рядом со мной, и это было его задание — прикрыть меня. Но, он меня на самом деле спас, и получил отравленную стрелу в спину за это.

— Не стоит, это был мой долг, как идущего по Пути Защитника — как-то просто ответил он.

От этой простоты меня аж пробрало. Синх еще тот фанатик, много раз рассказывал про Пути и Предназначения с жаром и искренностью. Но тут было нечто большее — твердая и непоколебимая уверенность. Даже не уверенность — знание. Как люди знают, что утром взойдет солнце, так этот паренек, не колеблясь не мгновения, готов исполнить свой долг.

— Хорошо.... А какая у нас задача? — я с трудом, но все же удержал невозмутимое лицо.

— Мы пойдем с телегами к логову Да`хтин. Надо собрать паучков, они сейчас уже не опасны. Забрать потерянную повозку, тело матери и в ее логове обычно остается много добычи. Кости зверей или снаряжение людей, которым не повезло. Надо это все собрать, оно еще послужит делу нашего Дома, — Анн рассказал расклад.

Ну да... вполне логично. Такой мощный парализующий яд небось много денег стоит, да и все остальное в хозяйстве пригодится. Жадностью это не назвать, но ресурсами тут никто не разбрасывался. Все шло в дело.

Негромкий хлопок привлек мое внимание. На крыльце появился еще один мастер. Тоже в серо-коричневой невзрачной одежде... Но его одежда отличалась от мастеров-охотников как дорогая машина от заурядного такси. Видно, что она всего лишь похожа на одеяния охотников. Какая-то не обмятая, слишком опрятная, даже выглядит дороже. Ее владелец если и ходил по горам, то недалеко и недолго.

Только лицо при взгляде на лицо нового мастера всякие мысли про франтоватость сразу отпадали. Множество разнообразных шрамов, короткие, почти седые волосы и взгляд блеклых, почти белёсых глаз оставляли ощущение жесткого, повидавшего жизнь, даже по местным меркам, война.

Ветеран, как я его про себя назвал, вскинул руку и парой жестов приказал всем выдвигаться. Все бодро зашевелилось, а Анна аккуратно потянул меня к последней повозке. Путешествие началось.

— А кто этот новый мастер? — спросил я тихо у Анна, через полчаса после выхода.

Мастера не стали нас дожидаться, усвистав сразу после выхода. Половина учеников тоже убежала с ними, оставив две пары на сопровождение телег. Я с Анном оказался в замыкающих. Хотя по мне шестеро анхей увешанных оружием в сопровождении не нуждались. Но, тут как в армии, действовали по правилам.

— Он помощник мастера Сигурея, тоже белый мастер. Пришел по Пути Обмена этой весной. Это все, что я про него знаю, — так же тихо ответил Анна.

Тут надо упомянуть, что монастыри и большие заставы Идущих управляются триумвиратом мастеров. Белые мастера отвечают за административную и хозяйственную часть, теми же крестьянами и обучением учеников заведуют они. Черные — военное командование, все основные бойцы находятся под их управлением. И серые мастера, о которых я узнал совершенно случайно, в отличие от белых и черных они могут носить любую одежду. Занимаются контролем всего и вся, разведкой и контрразведкой, их роль не выпячивается, но про них все знают. Старички знают, а левым персонам на вроде меня никто ничего не расскажет. Я и про серых мастеров узнал совершенно случайно, подслушав разговор двух учеников после тренировки. А может и не случайно... может мне специально подставили двух болтунов — моя паранойя не хотела униматься.

Другой момент — это Путь Обмена. У Идущих хватает обычаев, подчас странных, но не лишенных смысла. Согласно Пути Обмена монах должен как минимум один раз на ступень мастерства поменять место службы, начиная со старшего ученика. И попробовать минимум две профессии, кроме той, которой он хочет заниматься. Тот, кто нацелился стать чистым воином — должен побегать курьером или поработать учителем несколько лет. Идея вполне в духе этого мира, где новых членов Домов кропотливо обучали десятилетиями.

Так в монастырях и появлялись новые лица, часто занимающиеся несвойственным им делом. Только некомпетентных лентяев среди них не было.

Подобную информацию мне приходилось буквально добывать по крупицам. Ученик в культуре этого мира не задает вопросов — он молча, почтительно и со всем старанием выполняет указания учителя. И делает это не для того, чтобы стать умным и независимым. Нет — тут все готовят новые кирпичики в стену своего Дома. А если кто-то не хочет быть кирпичиком, или считает себя слишком умным — его просто выкидывают на улицу. Без Дома, без десятилетий тренировок и обучения, удел таких умников провести свою жизнь в низших кастах. Крестьянином, подмастерьем, бродягой — по сравнению с воинами и мастерами Домов обычные люди стоят лишь чуть выше животных. Неудивительно, что среди них пристроить своего сына в тот же монастырь Идущих считается большой удачей.

Мне еще повезло — я тут на правах почетного гостя из далекой страны, к которому приставили сопровождающих. Я могу позволить себе изредка задавать глупые вопросы. Обычный бы послушник пахал бы от рассвета до заката, молча. Что, кстати, мои спутники и делают.

Так, которая время в невеселых размышлениях, я и шел за повозками. А точнее за мулом, что был привязан к последней повозке. С общества мысли сами собой перешли на местных животных. По большей части они походили на земных. Змеи, например, один в один. Или взять мулов — таад по-местному. Я плохо помню, как выглядят земные мулы, но очень похоже. Как ни странно, но по домашним животным нам тоже прочитали лекции. С практическими занятиями. Как запрячь, чем кормить, как ухаживать.

Резко выпадали из земной картины только звери, на которых повлияли Силы. Тут тоже далеко ходить не надо — к логову мутировавшего паука мы сейчас и идем... Все эти звери, да и люди, меня наталкивали на мысли о том, что этот мир является отражением моего. Параллельной реальностью, другим измерением — назвать можно, как угодно. Но эти миры явно связаны между собой. И таких миров наверняка больше двух... Это очень интересно, только рассказать об этом мне может только Мрак. Если его друг Змей научился ходить между мирами, то, может, смогу научиться и я. А где-то там маячит возможность вернуться...

— Мы пришли — короткая фраза Анна вырвала меня из сладких мечтаний.

Знакомая местность, в этот подлесок я входил в поисках пропавшей телеги, и из него же я вытаскивал Хона. Все это было вчера... а кажется, что уже прошло пару недель.

— С`еро, забери свое копьё и ножи — из ближайших кустов внезапно возникла фигура сенсея, и он тут же принялся давать указания. — Потом вместе с Анном обойдите лес — поищите еще детей да`хтин. В последней повозке возьмите кожаные мешки. У вас два мона.

С этими словами сенсей растворился в подлеске. А я остался стоять в недоумении... Где копьё? Где ножи? Анн же молча потянул меня дальше. За кустом лежала кучка барахла, какие-то обрывки одежды, белые кости, все в обрывках паутины. А отдельно мое копьё и пара ножей, на заботливо подстеленном куске ткани. Я как-то автоматически глубоко поклонился, проявляя благодарность тем, кто собрал мое оружие, и подобрал копьё с ножами. Ткань тоже свернул и сунул в подсумок. Скаченные через печать мира правила этикета продолжали всплывать в самые неожиданные моменты.

— Яд детей да`хтин действует долго. Встречаются они редко, противоядие стоит дорого. Если кому-то не повезло их встречать — могут лежать в логове пять-шесть дней, пока мать их постепенно ест, — негромкий голос Анна отвлек меня от очередных раздумий.

Проследив за взглядом Анна, я увидел два тела. Видимо мастера с частью учеников успели обчистить логово паучихи, пока мы плелись вслед за телегами. Ближе к нам лежал типичный анхей, в коричневой кожаной броне, весь заляпанный обрывками паутины. Видимо, возница пропавшей телеги. А вот за ним лежало нечто странное. Это явно человек, только в каких-то странных одеждах.

Свет словно преломлялся и изменялся возле рядом с ними. Отчего они расплывались и прямо на глазах меняли цвет. Становясь то серого, то зеленого, под цвет травы, цвета. А еще у фигуры не было ног. Ниже поясницы наклеплено много паутины, образуя эдакий кокон, словно ноги отрезали и замотали место ампутации бинтами...

— Это накидка из кожи скального тамита, — прозвучал негромкий голос подошедшего ветерана. Его, в отличие от сенсея, я вполне успел заметить.

— Такие накидки очень любят тени — продолжил он, с каким-то значением глядя на меня. Помолчав пару секунд, он продолжил. — Идите, ученики, займитесь своей работой. Здесь вам делать нечего.

Автоматически поклонившись, я отправился к последней телеге за мешком. Анн

зеркально повторил мои действия. Увиденное меня как-то выбило из колеи...

От неудачной охоты, как я про себя окрестил встречу с детьми да`хтин, я отходил несколько дней. Слишком она как-то неоднозначно закончилась. Благо, меня пару дней никто не трогал, и я мог спокойно помедитировать на пару с Синхом. Он все еще возился со своей рукой.

Я запоздало вспомнил, что обморожение ничем не лучше ожога. Вода, замерзая, разрывает клетки мышечных тканей. Замерзшие ткани могут выглядеть «живыми», на самом деле они все мертвы. Спасая Синха, я ему убил кусок мышц плеча. Но, лучше так, чем валяться парализованным рядом с бушующей маткой.

Хон появился на третий день. Бледный, шатающийся, буквально по стенке он зашел в нашу комнату. Я только успел его подхватить и посадить на свою кровать.

— Как ты? — спросил я.

— Могло быть и хуже — он как-то странно усмехнулся половиной рта. — Расскажите, что там было.

Я, сбиваясь, за пару минут рассказал наши злоключения. Синх же очнулся, от очередной медитации, присел на кровати и тоже меня внимательно слушал.

— Спасибо С`еро, и за меня, и за Синха, — с какой-то странной усмешкой сказал Хон.

— Да какая разница? Вы бы сделали тоже самое, — ответил я. Похвала от обычного молчаливого Хона меня серьезно смутила.

— Разница есть, — ответил Хон, переглянувшись с Синхом.

С этими словами он поморщился, встал и ушел в сторону лазарета, держась за стену рукой. От моей помощи он отказался.

Я же уселся на кровать и задумался. Во всей этой истории меня постоянно преследует чувство, что я чего-то недопонимаю. Вот сейчас Синх и Хон сказали спасибо. Но как-то странно, как будто я ради них сделал то, чего делать не должен был. А объяснять, что к чему они не могут из-за негласных правил поведения.

Сенсей был недоволен, в первый раз на моей памяти. И этот странный мужик, которого достали из гнезда да`хтин, без ног, в мерцающей накидке. Непонятные намеки на тень от мастера-ветерана. Кто это был вообще? Шпион, случайно напоротившийся на детей да`хтин? Зачем он вообще сюда приперся? По мою душу?

Слишком много вопросов, на которые мне никто не ответит. Да и от вида человека, которому *отъели* ноги мне стало как-то плохо. Внешне я старался не показывать, но мысли, что я мог оказаться на его месте, преследовали меня.

И как-то больше всего напрягала беззащитность. Даже более опытные Синх с Хоном пропустили атаки пауков. Если бы не учитель — нам бы всем пришел там конец. Просто зайдя в кусты, можно закончить свою жизнь в логове гигантского паука. Что будет есть тебя по кускам, залепляя откушанное паутиной.

Новый кошмар этого сумасшедшего мира.

Но надо с этим жить. Нужно становиться сильнее. И тогда будет шанс выйти из этого круга. Стать кем-то, кто управляет собственной жизнью и избавлен от местных кошмаров.

Такие мысли одолевали меня, но я старался на них не заикливаться. Благо сенсей не бросил нас на заставе и на четвертый день вытащил всех нас в новый поход по горам.

Бух-бух — вновь ноги выбивают пыль из горной дороги. И вновь мы бежим по

затерянными тропинкам на крутых склонах. Люди моего мира платят кучу денег, чтобы забраться в горы, пройти туристическим маршрутом, полюбоваться видами. А я тут получаю все бесплатно. Да столько, что уже из ушей лезет. Хочется в теплую сухую кровать... горячий душ... а про туалет со смывом лучше вообще не вспоминать... Я вновь привычно отогнал непрошенные воспоминания.

Близился вечер. Сенсей нас весь день куда-то вел и привел в очередную небольшую долину. Хон, не отошедший после яда, с бледным лицом, весь в бисеринках пота, едва стоит на ногах. Синх держится бодрячком, но явно бережет руку. И я, единственный не пострадавший от детей да`хтин, спокойно стою и мерно дышу, словно не было марша по склонам гор на протяжении целого дня.

Кн`хару сенсей нас оглядел безразличным взглядом. Его лицо, как обычно, ничего не выражало, только печальные кончики усов опустились еще ниже.

— Плохо, что вас покусили дети да`хтин. Но хорошо, что вы остались живы, — сенсей сделал паузу, не торопясь огладил усы, и снова оглядел нашу инвалидную команду. — Многие ученики, встретив первую опасную тварь умирают или становятся калеками. Будьте мудрей хаа, осторожней лии и решительней анара. Только так вы сможете выжить и победить тварей Лесов.

Мы синхронно склонились в поклонах. Где-то фоном в моей голове всплыл перевод пословицы — будь мудрей филина, осторожней мыши, решительней тигра. Я тихо порадовался, печать еще действует и продолжает подкидывать мне перевод.

— Восстановите силы в этой долине. Через семь дней, на рассвете, я заберу вас, — с этими словами сенсей развернулся и быстрым шагом направился назад по тропинке. Минута, и его фигура уже растворилась среди невысоких деревьев.

«Как так у них получается? Вроде идет не спеша, но за минуту доходит туда, куда мне идти минимум пять минут быстрым шагом», — я проводил взглядом учителя. Подобные фокусы, которые регулярно демонстрировали опытные воины, стали для меня уже чем-то привычным. А еще я заметил краем глаза, как Синх перебросился взглядами с Хоном. Тоже расту над собой, раньше я бы пялился на сенсея, забыв про окружение.

— Пойдем, я уже здесь был и знаю, где место для ночлега, — со вздохом сказал Хон.

Этим местом оказалась небольшая пещерка рядом с маленьким озером. Вообще вся долина была какой-то миниатюрной. Озерцо, пара склонов, поросших мелким лесом. Обустроенная пещерка с лежаками, рядом с ней протекает ручей. Кстати, неизвестные даже не поленились закрыть вход в пещерку воротами из неочищенных бревен.

— А как называется эта долина? — спросил я, когда мы разложили вещи из рюкзаков.

— Долина Лахи, — ответил Хон. — Весной тут очень красиво.

Лахи — у меня из подсознания всплыл образ небольшого белого цветка, напоминающего подснежник. Получается «долина подснежников», все-таки местным присуща некоторая поэтичность...

— Синх, бери С'еро, кроме еды надо до заката нарвать свежей ос'хи, она отпугивает змей, — Хон ткнул пальцем в низ ворот, где действительно были привязаны пучки высохшей травы. — И нам еще нужен отвар из лахи. Он хорошо помогает при отравлениях.

Потянулись тихие, спокойные дни. Синх с Хоном по большей части пили отвары и медитировали. Как мне пояснили, долина, кроме полезных цветов, хорошее место для обращения к Силе Жизни — вот они и пользовались моментом. Я же откапывал дхна, ловил рыбу, готовил на всех еду и тоже медитировал. Правда не на Жизнь, а на свой Хлад.

Я экспериментировал с попытками создать дистанционное оружие. Все, что у меня сейчас есть — это поддержка себя и заморозка при соприкосновении. А по оговоркам местных выходит, что настоящие Адепты Сил могут быть натуральными архимагами. Сжигать леса, трясти горы, управлять тайфунами, жить тысячи лет. На такие чудеса я не махаюсь, но вот какую-нибудь замораживающую атаку хочется получить прямо сейчас.

Вот выпрыгивает на меня прыгун, а я ему в морду ледяной шар, и он мгновенно превращается в ледяную статую и тут же со звоном разбивается об камни! Ага...

Только все было без толку. Я не мог придать Силе какую-то стабильную форму. Сила вытекала из меня и размывалась в пространстве, словно вода сквозь пальцы. Попытки «собрать пальцы горстью и зачерпнуть» заканчивались ничем. Сила Хлада просто отказывалась замедляться или отделяться от общей Реки. Тут нужна или подсказка от кого-то знающего, или время для экспериментов. В конце концов — если не получается зачерпнуть, то может получится сделать выплеск на расстоянии?

Я чувствовал, что оперировать с Силой стало легче. Может это из-за долины, а может, потому что меня просто оставили в покое. Не надо никуда бежать, выполнять чьи-то задания, думать, что за тобой кто-то следит... Хотя наблюдатели присутствовали — Синх и Хон распределили дежурства, чтобы не оставлять меня без присмотра. Вроде как случайно, но, когда я вне пещеры, кто-то из них маячит неподалеку. Вот и сейчас, я ловлю рыбу, а Хон медитирует на большом камне выше по склону.

Меня подобный присмотр не напрягал. Синх и Хон стали... своими? Даже если они следят за мной по заданию своего начальства. Все равно мне как-то спокойней, когда они рядом. Этот мир — не добрая сказка. Даже в этой затерянной долине хватает ядовитых змей.

Нужно ловить момент спокойствия, наслаждаться каждой минутой, когда я могу просто смотреть на поплавок из белого пера. Кстати, рыболовные снасти в этом мире сильно похожи на наши, есть крючки, вполне цивилизованного вида, свинцовые грузила, разнообразные поплавки, только катушек и спиннингов я не видел.

— Как улов? — спросил подошедший Синх.

Его самого я уже давно заметил. Все-таки выслеживая кошмарных тварей быстро учишься следить за окружением.

— Поймал три рыбины, и в сетку на ручье попались еще четыре, — ответил я, вставая с камня.

— Отлично, будет из чего похлебку сделать, — сказал Синх и как-то нервно огляделся.

Я невольно насторожился. Просто так Синх робеть не будет.

— Старшие сказали передать тебе следующее, — Синх подобрался и серьезным тоном продолжил. — Как бы не сложилась твоя судьба в Круге, двери монастырей Круга будут открыты для тебя.

В ответ на эти слова я сложился в глубоком поклоне, в добавок еще вложил кулак правой руки в ладонь левой. И так замер на несколько секунд. Только почему и зачем я так сделал — хоть убей не пойму. Эти правила этикета, вбитые мне в подкорку, меня начинают бесить... Синх же, напротив, мой поклон прекрасно понял, повеселел и, махнув мне рукой, отправился в пещеру, что-то насвистывая на ходу.

Я медленно выдохнул, подавив желание выругаться. Хон никуда не делся, и продолжает медитировать в метрах тридцати выше по склону. Вот только что это было? По форме и смыслу это явно официальное приглашение от Ищущих. Причем идущее напрямую от их руководства, в разрез интересов Круга.

Идущие решили подрезать перспективный кадр в моем лице? Или подстреливают соломки на случай, если я не пройду в Круг? Что за мной наблюдали, оценивали — и прыгну понятно. Только вот зачем я им?

Так ничего не надумав, я спокойно повернулся к удочке. Круг, Идущие, выбор будущего — это, конечно, все очень важно. Только сейчас я все равно ничего не придумаю. А вот что точно я знаю — вот так, в тишине, посидеть с удочкой мне ближайшие месяцы, а то и годы, точно не дадут.

Наступила осень. Ночи стали длинней, холодней и все чаще утренние туманы закрывали склоны гор. Мелкий холодный дождь, кажется, проникает везде, портит дрова и мочит тропинки. Раньше в такую погоду я болел. Да и вообще сидел дома, втыкая в компьютер и вылезая только на пары в универе. Сейчас же днями напролет наворачиваю круги по грязным тропам и хоть бы хны.

Доступ к силе Хлада дает огромное преимущество перед обычным человеком. Я перестал мерзнуть, перестал бояться жары. Практически не устаю. У меня быстрее проходят царапины и ушибы. Я стал сильнее, меньше сплю... и быстрее бегаю по горам с копьем наперевес.

А еще осень означает, что я скоро вернусь в монастырь. К своему первому учителю, и он продолжит из меня делать машину смерти. Эффективно и неотвратно, ломая через колено. И это пугало. Я даже тварей Безумных Лесов не так боюсь, как своего учителя.

Твари... тоже отдельная история. За три месяца беготни по горам встречалось разное. На пару сценариев фильмов ужасов хватит. Хоть это и детский сад по сравнению с тем, что творится за стенами Заставы Копья. Но и того, что просачивалось через горы, хватало для страха.

Сначала, когда про тварей рассказывали на лекциях на заставе, я подсознательно не верил. Казалось, подобным существам не место в реальном мире. Но безумие Сил сделало их реальными. Из серьезных тварей, помимо достопамятной матки да`хтин, мы видели волка хаоса и мумии скальных крыс, которых выпила черная пиявка.

Волк хаоса, ар`гхаг, внушал даже в виде чучела. Эдакая помесь дикобраза и кабана два метра высотой, с пастью, как ковш экскаватора. В живую же добавилось стойкое впечатление чуждости. Его иглы как-то странно преломляли свет и казались полупрозрачными. Взгляд сам собой соскакивал с него, будто смотреть на него больно глазам. Впрочем, сенсей Кн`хару не дал нам долго на него любоваться. Так — посмотрели полминуты из-за камня издалека и тихо пошли подальше, к ближайшим вестям Алуны. Заниматься такой тварью должна команда опытных охотников, а не выводок птенцов.

Черная же пиявка похожа на метровую черную змею. Вот только не является материальным созданием. Скорее выглядит как полоса ожившего черного дыма. Если такой «дым» присасывается к живому существу — оно обречено. К счастью, трупы оказались довольно старыми — месячной давности. Саму пиявку мы не стали искать, просто доложили наверх.

Тут мне мимоходом объяснили, почему в пограничных заставах так ценятся Адепты Сил. Чтобы убить подобную, нематериальную тварь, нужен Адепт определенной, лучше всего стихийной Силы. Без него подобная пиявка может затерроризировать любой поселок, безнаказанно убивая жителей и воинов одного за другим. Даже мастера Домов боевых искусств не могут толком ничего сделать. А той же Элианор достаточно дыхнуть огнем на подобную змею, и она тут же развеется. Я понял, зачем ее держат на заставе, охраняют и носят, как с важной персоной. И стало ясней, зачем я нужен Идущим.

Я медленно втянул влажный воздух. Пахло осенью, влажной листвой и мокрым камнем. Только что закончился очередной мелкий дождь. Листва местами уже пожелтела, создавая непередаваемую игру красок. Осень в горах красива. Особенно если тебя не трогают мелкие

невзгоды вроде усталости или холода.

Мы встали лагерем в неприметном овраге в распадке. Три небольших палатки, две для учеников и одна для сенсея, очаг из камней — вот и весь лагерь. Двое учеников спят, а один стоит «на фишке». Сенсей ставил палатку вместе с нами. Только вместо того, чтобы там спать, он мог полночи где-то гулять. Или внезапно вылезть и проверить часового. Или просто встать, если кто-то приблизится к лагерю. Была пара моментов... Иногда мне казалось, что в часовом нет смысла. Сенсей все равно проснется первым при любой угрозе. Но эти мысли я держал при себе.

Утро уже почти наступило, горы уже посветлели, через мон надо будет уже будить Синха и Хона. В такое время в голову лезут всякие глупые мысли... Вроде — «Чего стоит бояться больше, черного сенсея или тварей Безумных Лесов?» Только толку с этих мыслей? От обоих надо держаться подальше, но кто мне даст выбор?

В кустах на краю оврага в метрах тридцати от лагеря что-то зашуршало. Листья дернулись и замерли — кто-то задел ветку. И этот кто-то не маленький, с собаку размером минимум.

Я напрягся, руки медленно скользнули по копью, удобней его перехватывая. Вдох-выдох, еще раз... Но кусты по-прежнему стояли недвижимо, только легкий ветерок слегка трогал верхние ветки.

Медленно и тихо скользнуть с камня. Пост часового устроен чуть в стороне от лагеря, и до палаток мне надо пройти шагов десять. Но, дойти я не успел — полог палатки сенсея распахнулся и на меня уставились внимательные черные глаза.

Я показал копьем на дёрнувшийся куст и отрапортовал жестами «движение» и «средний зверь». Сенсей коротко кивнул и в следующую секунду оказался уже снаружи палатки с арбалетом наперевес.

Все-таки есть что-то чарующее в том, как двигаются опытные воины. Медленно, плавно и вместе с тем быстро. Постоянный контроль окружения. Правильная постановка ног... я сморгнул, не время зависать — надо будить остальных.

Чтобы разбудить других учеников хватило пары хлопков по ткани палатки. Чуткий сон у нас уже выработался, хоть и не такой как у мастера-охотника. Через полминуты рядом со мной стояли Синх и Хон, уже проснувшиеся и готовые к бою. Я повторил пантомиму, только добавил знак «главный» и «пошел».

— Сворачиваем лагерь, — тихим шепотом сказал Хон, после секундного раздумья. — Вы собираете палатки, я прикрываю.

Быстрые сборы заняли минут пять. Собрали и палатку сенсея, точнее, Синх собрал. Плотно упаковали заплечные мешки, и оттащили пожитки к выходу из оврага.

— Мешки на плечи. Бегом. Рядом стая крыс. Хон, на северный подъем — сенсей нарисовался рядом, как всегда неожиданно.

Мешки на плечи взлетели сами собой, и мы припустили следом за Хоном. Бежали быстро, но размеренно. Убегать нам уже пару раз приходилось. Но, такой спешки от сенсея я не припомню. Без слов мы выстроили в нужный порядок. Впереди Хон, я по середине, сзади Синх. Моей же задачей было держаться за Хоном и не отставать.

Бух-бух — я опять бегу по горам. Такое впечатление, что за эти полгода в патруле я пробежал больше, чем во сей прошлой жизни. Легкий транс позволяет скользить по краю моря Силы. Черпая силы и отдавая лишнее тепло. В голову начинают лезть непрошенные мысли.

Слова сенсея «рядом стая крыс» — оставляет немного вариантов. Крысы после катастрофы Безумия вполне себе выжили, приспособились и мутировали в несколько устойчивых видов. Вот только стайными были только скальные. Те самые, что весной штурмовали Долину Копья. Но, насколько я помню, стаями они ходят только весной, когда отжираются перед тем, как дать потомство. И не спросишь ведь никого, бег по мокрым камням и траве разговорам не располагает.

Хон резко вскинул руку в знак «стой». Я едва успел затормозить.

— Синх, видишь знак на скале? — ткнул пальцем Хон в нечем не примечательный склон.

— Да, — коротко ответил Синх.

— Бегите к нему, там должно быть укрытие, я вас догоню, — с этими словами Хон развернулся и припустил куда-то в бок.

— За мной! — скомандовал Синх, и мы снова побежали.

Укрытие и знак на скале... Бегая в патрулях, кроме всего прочего, я узнал, что есть тайная система знаков. Незаметная для непосвященных. Стоянки, удобные тропы, ловушки, схроны с припасами — словно какие-то ниндзя монахи размечали свою территорию и готовили ее к встрече врага. Саму систему от меня не скрывали, но и объяснять, как находить ее знаки, не спешили. Сам я знаки не видел, даже когда на них вот так прямо показывали. Видимо все не так просто с ними... А может и просто, только надо сначала разгадать какой-то секрет... Дальше под ногами пошел мелкий гравий вперемешку с песком и мне стало не до раздумий.

Дыхание с присвистом вырывается из натруженных легких, несколько капель пота скатилось по лбу к переносице. Последние метров триста подъема бегом по склону с мелкими камнями выбили меня из транса. Я вспомнил уже позабытое чувство истощения после пиковых нагрузок.

Мы добежали до практически вертикального склона скалы, дальше по нему могут залезть только какие-нибудь пауки... или нет? Шорох камней за спиной ударил по нервам. Я плавно и быстро развернулся, правая рука приготовила копьё, а левая легла на клапан чехла с метательным ножом. По склону, повторяя наш путь, быстро бежал Хон. Бледное лицо с каплями пота, отпечаталось в сознании — все-таки он еще не восстановился до конца после отравления. Я медленно выдохнул... все-таки я лажаю. С этой пробежкой я забыл следить за спиной и мне не хватает сосредоточенности для транса. Я все еще «птенец».

— Стая почуяла нас. За нами погоня — выдохнул Хон, когда до нас добрался. — Надо лезть в укрытие, попробуем пересидеть там.

— По этой щели? — спросил Синх и ткнул копьём в трещину на скале в нескольких шагах от нас.

— Да, — Хон немного помолчал, выравнивая дыхание, и продолжил. — Я иду первым, С'еро ты за мной, смотри внимательно куда я ставлю ноги.

Трещина при ближайшем рассмотрении оказалась довольно большой. Местами в нее можно было спокойно просунуть ногу. Она змеилась по склону огибая, большой выступ на высоте этажа эдак четвертого. Это что — получается по ней надо туда залезть?

Хон же тем временем явно готовился к скалолазанию. Утягивал ремни рюкзака, потуже затягивал петли, фиксирующие копьё, проверял одежду. Делал это спокойно и деловито, как будто каждый день только и лазил по скалам.

Кстати, мне тоже нужно прикрепить копьё к рюкзаку, да и вообще подготовиться. Я же

должен лезть сразу за ним. Слишком много рассеянности и зря потерянного времени. Я сосредоточился на дыхании и отрешился от мира. Вдох-выдох. Синяя волна привычно поднялась изнутри и омыла мой разум и тело. Охлаждая, принося покой... Сосредоточенность, собранность, спокойствие...

Успокоившись, я скинул рюкзак и продел древко копья в специальные петли, затем начал проверять и подтягивать одежду. Рядом со мной Синх делал тоже самое.

Хон тем временем подошел к трещине, внимательно ее осмотрел, вставил в нее ногу и как-то бодро полез наверх. Раз-раз-раз спокойно, ровно, как будто это шведская стенка. Я же внимательно смотрел за его ногами. В трещине словно были подготовлены выемки на примерно на одинаковом расстоянии. Как раз под ноги, чтобы было удобно взбираться. Раз-раз-раз и вот уже Хон скрывается за выступом.

— Давай, — хлопнул меня по плечу Синх.

А внутри подступило какое-то сосущее чувство. Высоты я не боялся, но заниматься скалолазанием я был не готов. Еще только не хватало, чтобы пальцы начали дрожать. Вдох, привычная синяя волна смывает страх. Оставляя за собой только безмятежность и спокойствие.

«Чтобы я только делал без Силы?» — спросил я сам себя, и тут же ответил. — «Жил бы спокойной жизнью, а на скалы если бы и лез, то только ради развлечения!»

Ноги и руки тем временем сами собой уперлись в выступы в трещине. Подтянуться, вставить ногу, перекинуть руку, еще-еще-еще. Восхождение оказалось не таким страшным... главное не смотреть вниз.

— Молодец, давай сюда, — голос Хона вывел меня из транса.

Переступив на покатый камень, я оказался в небольшой нише, похоже над тем самым выступом. Места тут немного — буквально на три-четыре человека.

— Устройся сбоку, я подстрахую Синха, — скомандовал Хон.

Как-то я просто залез. Страху было больше, чем дела. Надеюсь, спускаться будет тоже просто...

Из ниши открывался прекрасный вид на распадок. Раньше, в прошлой жизни, я бы непременно полюбовался необычной картиной — суровые скалы, чахлые пожелтевшие деревца, обрывки желтой травы. Но за последние полгода подобные виды слишком приелись. Мышцы, не оправившиеся от экстренной пробежки и подъема, тянули и ныли. Во рту стало как-то сухо. Сбоку начал что-то вещать забравшийся наверх Синх.

А вот это природой не было запланировано — по склону, в нашу сторону, бодро прыгали полтора десятка серых пятен.

— Ребята, посмотрите, — напряженным голосом сказал я и вытянул руку.

Синх тут же заткнулся, я ощутил, как он и Хон придвинулись поближе.

— Идут ровно по нашим следам, через кон будут тут, — сказал Хон.

Кон — одна шестая мона, где-то пять минут, привычно перевел я. Если бы мы провозились со сворачиванием лагеря лишние пять минут, лезли бы наверх уже наперегонки с крысами. Да и сейчас, скала такое себе препятствие для скальных крыс.

— И что дальше? — вопрос сам собой вырвался у меня.

— Дальше... — потянул Хон. — Дальше они попробуют сюда залезть. Место хорошее, копия у нас есть — отобьемся. Потом... Потом они будут нас стеречь, может ночью еще раз атакуют. Сейчас осень, стеречь будут недолго, стае нечего тут есть, два-три дня и уйдут.

Я немного подумал, а стоит ли задавать очередной глупый вопрос. Посмотрел на

приближающиеся полтора десятка серых пятен и все же решился.

— На заставе нам говорили, что скальные крысы сбиваются в стаи и мигрируют весной, а сейчас-то они что тут делают?

— Это говорили про весенние большие стаи в тысячи голов, — терпеливо ответил Хон. — Потом они разбиваются на маленькие стаи, от полусотни до сотни голов, и выводят потомство. К осени молодняк подрастает, стаи разрастаются до нескольких сотен, и они ищут место для зимовки.

Хон замолчал, я не смотрел на него, но знал, что сейчас он в задумчивости оглаживает свою щетину. В отличие от многих местных у него хорошо росла борода. Только ее приходилось сбривать, потому что ученикам борода не положена.

— Весной на нас бы навалились толпой и сожрали. Сейчас крысы должны осторожничать. Да и тут не вся стая, а один охотничий отряд. — продолжил рассказ Хон, и тут же округлился. — Давайте копыя доставать, поговорим потом.

Вдох-выдох, Сила привычно омывает меня... Мне иногда кажется, что я чаще сосредотачиваюсь на дыхании, чем говорю. Руки крепко держат копые, на мне левая часть ниши. Справа, где трещина, стоит Хон, сзади страхует Синх.

Снизу слышно какое-то шепуршание и пара коротких взвизгов. Интересно — полезут или нет? Лучше бы полезли... Стоять так, с копыями наперевес, мы долго не сможем. Иллюзий по поводу недоступности ниши для крыс я не строил. Если они спокойно забирались на отвесные стены заставы, то скала им помехой не будет. А трещина, по которой мы сюда поднялись, и вовсе готовая дорога.

Шорохи и шуршание сместились — теперь, кажется, они идут со всех сторон. Слева, справа, снизу... и даже сверху. Как-то стало неуютно... Вдох-выдох, снова окунуться в Силу. Почувствовать ветер, аромат мокрой скалы, шорох камней под кривыми крысиными когтями.

Слева снизу показалась серая крысиная морда. Крупная с черными глазами и черным носом, с оскаленной пастью и совсем не крысиными клыками. Морда качнулась назад и тут же с пронзительным визгом бросилась вперед!

Тело заученным движением скрутилось влево, посылая копые навстречу. Лезвие, на секунду сверкнуло и ударило в шею, ровно под оскаленную пасть. Обратное движение, вправо, срывая серое тело с камня и роняя его ровно на новую морду. Красные брызги щедро окропляют серый камень.

Справа раздается новый визг, но отвлекаться нет времени. Нижняя пасть, на секунду ошеломленная падением трупа, оправилась и с яростным визгом лезет вперед. Тело снова скручивается, посылая копые вперед и вкладывая в него всю энергию. Наконечник, блеснув розовым цветом, уходит прямо в пасть. Визг захлебывается. Крыса, уже мертвая, продолжает переть вперед, нанизывая себя еще глубже.

Я поднимаю копые с трупом и резким движением толкаю вперед и тут же дергаю копые назад. Серое тело молча исчезает за кромкой, оставляя за собой шлейф из кровавых пятен. Вдох-выдох. Справа снова слышен резкий визг, который тут же захлебывается. Я не отвлекаюсь, там стоит Хон, и он справится.

Сверху слышен шорох. На секунду мелькает серый хвост. Большой, толщиной с руку взрослого человека. Появляется соблазн рубануть по нему лезвием наконечника... Но эта мысль соскальзывает с глади безмятежного пруда. Моя задача не пустить крыс в нишу, и нельзя отвлекаться. Хвост скрывается, шорохи смещаются влево. Потом вниз...

Вдох-выдох... Копье наотмашь. Тело снова готово скрутиться, выбрасывая покрытый кровью наконечник вперед. Сильно, быстро, вкладывая в удар всю массу.

— Расслабься, С'еро, — от хлопка по плечу я аж вздрогнул. — Они больше не полезут.

Вдох-выдох... Слова Синха медленно дошли до сознания. Я медленно опустил копье и сморгнул капли пота... Когда я успел так вспотеть?

Вдох-выдох... Напряжение медленно уходило, кажется, мы отбились.

Шел второй день заключения в нише. И так же, второй день, шел мелкий морозящий дождь. Дома, в том, почти уже забытом мире, такие дожди могли идти месяцами... Здесь же такие дожди идут только пару недель в начале осени. И вот мне повезло сидеть в осаде, под дождем, в окружении стаи скальных крыс. Порядка десятка серых дежурили рядом с нашей скалой, больше не пробуя залезть к нам.

Трупы от первой попытки выжившие крысы неторопливо грызли несколько часов. Потом прибежал еще десяток серых. Обменялся визгами-писками с дежурящими в осаде, помог доесть трупы и убежал куда-то вдоль склона. И потянулись долгие часы.

Мы поделили смены, чтобы двое бодрствовали, на случай штурма, а один отсыпался. Было скучно, ниша слишком маленькая, и на покато, мокро камне страшно даже делать разминку. Оставалась только медитация и небольшие упражнения, чтобы кровь не застаивалась. Запаса еды хватит дней на пять. Фляги с водой полные. Хон натянул полог, где потихоньку скапливалась дождевая вода. Но психологически тяжело сидеть и ждать крыс.

Особенно страшно было первой ночью. Я дежурил в первой смене, крысы возились внизу, деля между собой последние кости. Сейчас бы арбалет-другой...

— Синх, а почему арбалет только у учителя? Мы то ладно, еще слишком зеленые, а вот Хону могли бы и выдать, — как бы между делом спросил я.

— Чтобы от арбалета был толк, нужны яды, которые действуют на тварей Лесов, а они все как один дорогие и редкие, или лет пять учиться в Доме Молчаливых Стрел, чтобы навскидку бить в уязвимые места. А еще нужно уметь скрываться, да так, чтобы тебя твари не почуяли и не убили после того, как ты выстрелишь, — ответил Синх, методично водя точильным камнем по наконечнику копья. — Если кто-то из учеников окажется достойным кандидатом в Охотники, тогда да — его будут учить стрелять. Хон может через год или через два станет кандидатом, если боги Удачи будут на его стороне.

Кстати, еще одна особенность монахов — они довольно суеверны. Никто не скажет напрямую, что через год перейдет на ступень выше, или что, пойдя на охоту, добудет нужного зверя. Боятся сглазить и обязательно сделают оговорку про Удачу или про благосклонность богов. Я старательно замечал и запоминал такие нюансы... Пригодится когда-нибудь.

Так, перебрасываясь ничего не значащими фразами, мы досидели до ночи. Потом стало как-то не до разговоров. Тяжелые тучи закрывали все небо, морозящий дождь и не думал утихать. С уходом последних отблесков солнца наступила полная мокрая темнота. Только редкие шорохи доносились снизу. Жаль, что меня не учили бить копьем на слух.

— У меня под рукой камень Алуне. Если они полезут я его открою, — рядом раздался свистящий шепот Синха.

Камнями Алуне называли молочно-белые окатыши. У них было интересное свойство — если их подержать на свету, то потом они начинали светиться в темноте. Практичные монахи придумали делать зеркальные ладанки, как пусть слабую, но замену фонариков.

Была такая ладанка и у меня. Только я, к стыду своему, совершенно про нее забыл. И даже забыл, когда в последний раз ее заряжал. Но, зато я вспомнил про свое ощущение мира через Силу. Когда я ждал подмоги, я даже, кажется, смог ощутить приход сенсея. Может и здесь получится отследить крыс.

Я вновь окунулся в холодное синее море. Сила всегда рядом со мной, везде и нигде одновременно. И сейчас она текла вокруг меня. Через скалы, воздух, Синха, что сидел рядом со мной. Как-то даже странно, что я не видел этого раньше.

Вдох-выдох, грудь мерно вздымается. Диафрагма идет вверх и медленно опускается. Я пытаюсь осознать и ощутить мир вокруг. Ощутить через Силу, понять изменения в нем. Из меня словно выходит волна, ошупывает камни рядом и возвращается.

— Что-то странно, кажется, похолодало, — донесся голос Синха откуда-то издалека. — Может оно и к лучшему, если скалы обледенеют, даже крысам будет непросто сюда залезть.

Вдох-выдох, снова пустить волну, только в другую сторону, подальше от Синха. Сознание, зависшее на границе транса, каким-то шестым чувством поняло, что нужно держаться от союзника подальше. Странно пытаться ощущать камни, когда между ними и воздухом почти нет разницы.

Я потерял счет времени, дышал, пускал волны, и пытался ощутить границу между воздухом и скалами. Получалось плохо, и то и то висит в Силе словно ил в мутной воде. Я ощущал себя, я чувствовал движение Силы, ощущал присутствие чуждой материи, но разделить их не мог.

Короткий сильный взвизг ударил по ушам и вырвал меня из медитации. Я на секунду замер, пытаюсь понять, где я, и почему вокруг так темно. Снизу, из-за кромки камня доносились какие-то всхлипы и подвывания.

— Похоже, одна из крыс сорвалась со скалы и сломала лапу, — донесся до меня чуждый голос.

Медленно, словно всплывая из-под воды, появилось осознание, что это голос Синха. Моего напарника и может быть друга... А еще появилось ощущение кого-то третьего, подошедшего со спины. Тоже кто-то знакомый, от кого нет угрозы, а есть ощущение надежности?

Хон, до меня с опозданием дошло, что это именно он, молча встал между нами. Теперь мы уже втроем вслушиваемся в происходящее внизу.

Подвывания вдруг сменились истошным визгом, который так же внезапно захлебнулся... Снизу, из темноты, пришла новая волна шорохов и писков. Но теперь у них была другая тональность, словно крысы занимались каким-то давно знакомым им делом.

— Вожак стаи добил подранка, — я с замедлением опознал голос Хона. — Этой ночью они к нам больше не полезут.

— Иди спать С'еро, с рассветом наступит твоя смена, — а это уже сказал Синх.

Я молча, аккуратно, чуть ли не на ощупь, двинулся вглубь ниши. Поспать действительно не мешало.

Утром третьего дня приевшаяся картина осады наконец изменилась. Сначала я не понял, что царапнуло мое сознание. Что-то неуловимо поменялось в картине мокрых скал и серых пятен.

Крысы, на второй день отрыли несколько нор, прямо под скалой, где сидели мы. И теперь сидели в них оставив снаружи пару часовых. Только эти «часовые» занимались своими делами. С тихим, но яростным писком делили какую-то кость. Словно боялись повысить голос и разбудить остальных.

— Хон, — тихо произнес я.

Хон все понял с одного слова, коротко кивнув, подтянул копьё поближе и тоже начал внимательно осматриваться. Через несколько секунд он что-то заметил...

— Смотри, это волчанки, — сказал он тихим голосом, показывая направление рукой и добавил. — Разбуди Синха, только тихо.

Я посмотрел налево, но там были только камни с редкой травяной порослью. На миг показалось что что-то шевельнулось, но всматриваться не было времени.

Синх проснулся сразу, с первого прикосновения, хотя поспать ему удалось только пару часов.

— Тихо, волчанки рядом, — коротко проинструктировал я его.

Уже втроем мы пристально начали изучать левую часть распадка, где Хон заметил волчанок. И в конце концов даже я смог их разглядеть. Их грязная свалывшаяся шкура на удивление хорошо сливалась с камнями. Сами волчанки двигались в каком-то странном рваном ритме, подолгу замирая на одном месте. Были видны только три грязных пятна и иногда еще удавалось разглядеть отдельные лапы. И видели мы их только потому, что сидели в нише на высоте четвертого этажа. Крысы же поделили кости и с упоением их грызли, ничего не замечая.

— Они крыс не видят, идут по запаху, — сказал Синх, наблюдая за приближающимся пауко-волками.

— А почему тут три волчанки? — задал я «своевременный» вопрос. — Мы как-то раньше с одиночками сталкивались.

— Волчанки часто собираются в семьи из двух-трех самок и самца, просто такие семьи к нам редко заходят, — ответил Хон, и тут же продолжил. — Надо предупредить крыс. Волчанки не крысы. Если они порвут крыс без потерь, то будут тут сидеть пока мы не перестанем шевелиться от голода.

Дальше был очень занимательный урок практической маскировки. Три твари грязно серого цвета подкрадывались к таким знакомым и безобидным крыскам. Подкрадывались умеючи, почти незаметно перетекая от одного укрытия к другому. Я в очередной раз поймал себя на мысли, что окажись я там, внизу, то ничего бы не заметил, пока не стало бы слишком поздно.

Вот до часовых, продолжающих грызть кости, осталось шагов сто... семьдесят... почти пятьдесят. Определять расстояние на взгляд нас тоже учили. Тут Хон быстрым и слитным движением чем-то запустил в часового. Истошный взвизг ударил по натянутым нервам. Бедный крыс аж подпрыгнул на месте.

Волчанки замерли на миг, а потом, как по команде, рванули к крысам. Их грязно серые шкуры стелились над землей, лапы сливались в одно размытое пятно от скорости. Только было уже поздно, из нор уже посыпались проснувшиеся крысы.

Бой выглядел как свалка серых пятен, под непрекращающиеся визги и рычание. Волчанки, словно самонаводящиеся ракеты сходу схватили и сбили с ног трех крыс. Несколько мощных рывков из стороны в сторону, словно бультерьер схватил и трясет обычную крысу, и три изувеченных тела отлетает в сторону. На секунду я даже восхитился согласованностью и смертоносностью волчанок. Но оставшиеся крысы не побежали, они как-то разом ринулись на остановившихся волчанок со всех сторон, старательно уклоняясь от их пастей и пытаясь укусить их лапы.

— Будь волчанка одна, у дюжины крыс были бы неплохие шансы, — как-то отстранено сказал Хон.

Визги внизу продолжали раздаваться, но уже было понятно кто победил. Крыс слишком мало, волчанки их хватали одну за другой и мощными рывками отбрасывали в сторону.

Пасти у мутировавших собак большие, зубы тоже, после укуса и пары раздирающих бросков жертве оставалось только пищать и пытаться уползти, волоча раздробленные лапы и теряя кровь.

— Двоих только подранили, и то вторую не сильно, — высказался Синх.

Подранили действительно только двоих. И то одна волчанка только почти незаметно прихрамывала. Зато у второй вцепившийся намертво крыс оторвал половину левой средней лапы. Эта, безлапая, уже ковыляла, впрочем, довольно бодро. С одной стороны, похоже, крысам не в первой сражаться с волчанками... А с другой, волчанкам не в первой терять ноги. Откуда-то из памяти с лекций всплыло, что ноги волчанки вполне способны отрастить новые, только уйти на это может несколько месяцев.

— Целым остался только самец. Он один к нам уже не полезет, — задумчиво сказал Хон, продолжая рассматривать наших новых стражей. — Они сейчас обожрутца и или уйдут подальше, или будут нас стеречь.

Я же, как самый младший, молча внимал мудрости более опытных товарищей. И молча смотрел как волчанки добивают раненных, раскиданных в стороны крыс. Мутировавшие собаки работали деловито, согласованно, явно занимаясь подобным не в первый раз.

— А может основная стая крыс напасть на этих волчанок? — внезапно родил я один из своих глупых вопросов.

— Может, но только если будет проходить мимо. Мяса с волчанок мало, специально за ними охотиться не будут, — размеренно ответил Хон. — Так что придется нам тут сидеть, пока не вернется учитель.

Тем временем волчанки закончили добивать подранков и начали насыщаться. Причем расположились треугольником, самка с оторванной ногой жрала крысиное мясо и прямо смотрела на нас. Другие две волчанки контролировали секторы справа и слева за ее спиной. Интересно, в прошлом мире, если бы я увидел, как один хищник убивает другого и потом жрет, выдирая мясо кусками прямо у меня на глазах, то мне поплохело бы. А тут смотрю и лишь жалею, что у меня нет арбалета под рукой.

— Интересно, что волчанки, что крысы хорошо действуют в команде. А когда мы их убивали на стене или волчанок по одиночке, разума я у них не замечал, — вслух высказал я свои мысли.

На этот раз мне никто сразу не ответил, повисла небольшая пауза, прерываемая порывками насыщающихся внизу хищников.

— Стайные твари одни из самых опасных. Даже если они по отдельности кажутся глупыми. В Безумных Лесах глупые и слабые не выживают. А у стаи всегда больше способов напасть или обмануть, расслабляться нельзя, — ответил Хон после паузы, и тут же скомандовал. — Синх, иди отдыхать, для нас пока ничего не изменилось, дежури по прежнему графику.

Как-то так, обыденно, закончился очередной эпизод нашего сидения в осаде.

Наше спасение тоже пришлось на мою утреннюю смену. В начале пятого дня, когда запасы еды уже начали заканчиваться. Еще пару дней голодания, и волчанки могут нас взять ослабленными. Сами-то они только и делали, что отъедались и отсыпались. Вторая подраненная самка даже перестала хромать. Все волчанки заметно округлились, их запыленная и свалявшаяся шерсть приобрела какой-то лоск.

Мы же, напротив, не то, чтобы совсем упали духом, но общая подавленность ощущалась. Двигались меньше, разговаривали меньше, дежурили и делали необходимые дела как-то

механически. Я гнал от себя подлые мыслишки, про то, что я же особенный и меня должны обязательно спасти. Этот мир не про то, что кого-то особенного будут беречь, скорее его засунут в какую-нибудь задницу, чтобы он или выжил, став сильнее, или скатился в отработанные материалы. С этих садистов станет специально меня и Синха с Хоном за компанию подержать на этом утесе подольше, хотя бы чтобы посмотреть, как мы будем выживать.

И вот так сидел я, смотрел на безлапую самку, старательно вылизывающую свой обрубок, и пытался заняться медитацией. Получалось плохо, в голову все время лезли какие-то тусклые, депрессивные мысли.

Смотрел, пока что-то не мелькнуло в воздухе, и самка не взвилась с истошным визгом. Я подобрался, руки как-то сами собой перехватили копые поудобней. Внизу из нор тут же вылетели две оставшиеся волчанки. На секунду картина замерла, вторая самка и самец замерли, пытаясь найти угрозу. Визжащая безлапая крутилась на одном месте, пытаясь с визгом что-то выцепить на своем боку. Рядом со мной как-то синхронно появились Синх и Хон.

Внезапно в воздухе снова что-то мелькнуло. Теперь уже покатился по камням самец, только катился он молча и от этого гораздо страшней. Так же молча он поднялся и куда-то рванул, только пыль с мелкими камнями разлетелась от его лап.

В третий раз что-то мелькнуло. Взвилась с воем оставшаяся, здоровая самка, тоже закрутилась, пытаясь что-то выкусить из своего бока. Потом остановилась и тоже рванула в сторону, пытаясь найти невидимого стрелка. Через пару секунд на площадке перед нашим убежищем осталась одна волчанка, которую ранили первой, она уже что-то выдрала из своего бока, и теперь со всхлипываниями зализывала рану.

— Там болт из арбалета, — сказал глазастый Хон.

— Сенсей вернулся? — спросил Синах.

— Похоже на то, — ответил Хон и продолжил. — Он подранил все три волчанки, и они даже не поняли откуда отстрелял. Болты отравлены. Скорее всего ядом черного прыгуна, волчанки умрут через пару минут. Главное, чтобы к нам сейчас не полезли, пока яд еще слабо действует.

Внизу же ситуация продолжала развиваться. Хромая волчанка, оставшаяся нас стеречь, попыталась подняться, но ее лапы подкосились, и она свалилась на бок. Тоскливый вой вознесся к хмурому небу.

— Это не яд прыгуна, а что-то посерьезней, — прокомментировал происходящее Синх.

Ответный жалостный вой раздался откуда-то справа, куда убежала вторая самка, только вожак умирал молча. Мы прождали пару минут, затихла первая самка, сначала пытавшаяся подняться, а потом молча уткнулась мордой в землю. Наступила какая-то непривычная, неподвижная тишина. Только ветер едва слышно шелестел, гоня над землей тяжелые серые тучи.

Рядом грудой камней, в пятидесяти шагах от утеса, как-то незаметно соткалась знакомая фигура сенсея, во все той же невзрачной, сероватой одежде.

Как-то незаметно закончилась моя смена на заставе Копья. Я тепло попрощался с Хоном и сенсеем. Наша команда, пусть ненадолго, заменила мне семью. Позволила мне восстановиться и прийти в себя, после адского марафона, устроенного мастером Тени. Задним числом я понимаю, что несмотря на всю свою браваду, у меня уже закончились все моральные силы и мысли уйти, слиться с Силой, выглядели все соблазнительней.

Полугодовая практика стала свежим глотком воздуха. Я пришел в себя и готов перенести измывательства черного демона... или мне так хочется в это верить. Где-то в фоне вспоминаются речи Мрака про обучение адепта Силы и даже членство в Круге. Но все это кажется малореальным. Какой-то сказкой, морковкой, подвешенной перед мордой ослика. Где я, а где личности уровня Мастеров? Взять, например, телохранителя Элианор... с ним даже рядом стоять тяжело. Или мастера-охотники, что могут отойти на три шага и раствориться в воздухе. Это просто в каком-то пограничном монастыре, на окраине Империи. А ведь Круг — уровень элиты Империи. И кем мне надо стать? А точнее — через что мне надо пройти, чтобы стать чем-то значимым на таком уровне?

Чем больше я понимаю этот мир, чем сильнее становлюсь — тем больше понимаю размер пропасти до вершин, где стоят сильные мира сего.

— Эй, С`еро, чего стоишь как одинокий Ъх? — знакомый веселый голос оторвал меня от тяжелых размышлений.

— Да так, задумался, — ответил я. — Нам уже выходить?

— Да, пошли. Через три дня будем в монастыре, — бодро сказал Синх. — Если, конечно, боги будут на нашей стороне.

Внизу, на первом уровне, уже стоит собранный караван. Полтора десятка повозок, забитые разнообразным грузом. К ним полтора десятка возниц-анхей и три пары монахов охраны, одна из которых — это мы с Синхом. Плюс незнакомый старший ученик в черно-синих одеждах, как глава каравана.

Синх знаком показал мне подождать и умотал к главе каравана. Я пробежался по лицам попутчиков, никого из знакомых не было. Только непривычные разноцветные одежды резали глаза. Как-то я отвык от цветовой иерархии Идущих. Мы то с Синхом до сих пор ходили в серо-коричневых одеждах охотников.

— Нас определили в передний дозор. Пойдем в полтора сотнях шагов перед караваном, — сказал вернувшийся Синх. — Мы этой дорогой уже ходили, главное, смотри по сторонам. Если что-то заметишь или почувствуешь, сразу говори мне.

Странно, но Синх почему-то нервничает. Что может случиться на известной дороге, да еще в составе каравана с кучей охранников? Каждый возница вполне себе опытный воин. Итого здесь двадцать два вооруженных человека. Кто из просочившихся тварей может представлять для нас опасность? Хотя... Так действительно лучше не думать. В фильмах, после фразы «Да что тут может пойти не так?» и начиналась самая жесть. Когда постоянно сталкиваешься с порождениями Безумных Лесов, волей-неволей сам становишься суеверным.

— Выступаем! — раздался резкий возглас главы каравана.

Синх хлопает меня по плечу. Мы быстрым шагом обгоняем тронувшиеся повозки. Впереди три дня путешествий по горам... И всего три дня до новой встречи с черным

демоном. Чувство страха свербит где-то внутри и холодит внутренности. Меньше всего мне хочется возвращаться в этот ад, называемый обучением у мастера Тени. Но выбора нет, я слишком далеко зашел, чтобы бросить все на полпути. И я пройду этот путь. До конца.

Шел второй день пути. И я чувствовал, как моя решимость медленно испаряется. Странно, вроде идешь, делаешь привычное дело и все хорошо... но изнутри медленно точит неуверенность и страх. Чем ближе монастырь, тем чаще где-то на периферии маячила фигура сенсея в черных одеждах. И я снова и снова вспоминал, что пережил за полтора года обучения.

Но непонятное чувство не унималось, оно свербело где-то внутри, заставляя отвлекаться от привычной работы. Как-то даже необычно для меня столько бояться... Необычно?! Я замер на половине шага.

— Синх, ты ничего не чувствуешь?

Одним из первых и главных уроков, что дал нам сенсей Кн'хару — это внимательность ко всему необычному. Будь то предчувствие, запах или камень на слоне, который чем-то выделяется. Рядом с порождениями Безумия нельзя быть ни в чем уверенным, и нужно быть постоянно на стороже.

Синх остановился в паре шагов впереди меня. Внимательно огляделся и, кажется, даже принюхался.

— Нет, но мне что-то здесь не нравится.

Недолго думая Синх вскинул вверх правую руку, сжатую в кулак — знак остановиться.

— Стой! — донеслось из-за спины, но мы не оглянулись, продолжая вглядываться в окружающий нас распадок.

— Доклад, — бросил подошедший черно-синий, за его спиной маячила еще пара учеников.

За прошедшее время я немного к нему присмотрелся. На фоне местных наш командир выделялся правильным лицом с небольшой, четко очерченной бородкой, и пронзительным умным взглядом. По имени, кстати, его никто не называл, или говорили «командир» или в третьем лице.

— Плохое, неправильное чувство. У нас обоих, — четко ответил Синх.

— Хм-м... — глубокомысленно сказал командир и задумчиво огладил бородку.

Что примечательно, такой бредовый доклад, а тем более остановка каравана из-за «плохого чувства» не вызвало никакого отторжения. К нашим предчувствиям отнеслись с полной серьезностью.

— Туда, — ткнул командир посохом в кусты впереди и выше по склону, шагов двести от нас.

Как-то незаметно сам черно-синий и пара его сопровождающих вырвались вперед. Я с Синхом заняли позиции с флангов сзади. Во время подъема чувство неправильности, свербящего негатива, только усилилось. Вдобавок у него появилось четкое направление — верх склона, куда мы сейчас идем быстрым шагом, держа наготове оружие.

Чем ближе кусты — тем сильнее неприятное чувство. Изнутри поднялась волна адреналина, заставляя чаще дышать, сильнее сжимать древко копья. Я подавил желание метнуть пару ножей в стену пожелтевших кустов перед нами. Командир, с парой учеников, как-то незаметно и слитно нырнули за стену ветвей, словно канули в воду. Я только бросил взгляд на Синха, в пяти метрах от меня, и последовал за ними.

За линией кустов открылась небольшая полянка, наверное, когда-то это было

живописное место, с яркими цветами и мягкой травой. Теперь же оно покрыто черной копотью и окружена голыми ветвями. А в середине черного пятна лежат два мумифицированных тела.

Распахнутые рты, высушенные, выгнутые в агонии тела. Умирили неизвестные явно в муках, испытывая нечеловеческую боль. Картину ухудшало пульсирующее, стучащее в сознание чувство чужеродности. Краем глаза я отметил, одежду и снаряжение убитых. Непохожи они на обычных анхей или монахов. Скорее на те останки тени, что были в логове да`хтин. Только чудо-плащи словно высушены вместе с телами, серые, покрытые копотью, и не думают менять цвет. А еще я заметил матово-черный арбалет, валяющийся прямо у меня под ногами, даже мимолетный взгляд оставил ощущение тщательно сделанного, смертоносного оружия.

Где-то на полминуты повисла тишина.

— Подождите на склоне, — сказал нам черно-синий, оторвав взгляд от трупов. Второй пары учеников на поляне уже не было.

За кустами было хорошо и приятно. Прекрасная осенняя погода, теплый ветер гонит тяжелые тучи, чуть слышно шелестят листья, копошатся анхей вокруг остановившегося каравана. Свербящее чувство ушло куда-то за край восприятия. Кстати, с этого места вся дорога просматривается как на ладони. Пара арбалетчиков могла выцелить и убить любого из нашего каравана. Кроме, может, старшего ученика. Эти ребята с тай`да уже спокойно отбивали летящие в них стрелы и камни, что я не раз видел на их тренировках... Но стрелки в засаде тоже были не простые, с непростым снаряжением.

Из кустов бесшумно вынырнул один из пары учеников, я так и не запомнил их имена. Проигнорировав нас, быстрым шагом, почти бегом, направился к каравану. Там он подхватил с повозки свой мешок, перекинулся парой слов с оставшейся парой учеников и таким же быстрым шагом умотал куда-то назад по дороге.

— Идем, до заката нам нужно добраться до стоянки, — сказал нам вышедший из-за кустов командир и направился к дороге.

Я с Синхом переглянулись, краем глаза я заметил, как он сложил пальцы в знаке «соблюдать тишину». Я чуть заметно кивнул в ответ и пошел вслед за командиром. Разговаривать, а тем более задавать свои глупые вопросы мне пока не хотелось. Как не хотелось знать, куда делся второй ученик. От всех этих разборок с тенями лучше держаться подальше... Хотя что-то говорило мне, что в кустах с арбалетами они сидели по мою душу. И не просто так их демонстративно и страшно убили.

На ночевку остановились в одном из знакомых мне лагерей. От долины копыа до монастыря три дневных перехода. Два больших лагеря на перевалах, где может разместиться несколько десятков повозок с погонщиками и охраной. Большие дома, больше похожие на крепости, с уже набившими оскомину кельями. В одну из таких келий меня с Синхом и определили. Пусть я ворчу, но ночевать в спартанской келье всяко лучше, чем в палатке или в скальной нише.

Уже перед сном я не утерпел и попробовал было сунуться к Синху с осторожным вопросом.

— Эти сапоги не на наши ноги, — ответил Синх местной поговоркой. — Лучше забудь о том, что видел.

С этими словами Синх отвернулся и преувеличено демонстративно начал готовиться ко сну. Разговаривать на эту тему он точно не будет. Что ж... ожидаемо... еще один факт в

копилку моих наблюдений об этом мире. Бесшумно усмехнувшись, я последовал примеру Синха.

Проснулся я резко, сразу. Что-то насторожило меня, потревожило чуткий сон. Держу глаза закрытыми, сохраняю темп дыхания, не выдавая себя, я пытаюсь понять причину тревоги. Слух, обоняние, предчувствие опасности — все молчит. Волна силы прошла через меня от макушки до кончиков пальца, выплеснулась наружу, сканируя ближнее пространство — никакого постороннего отклика. Только Синх на соседней кровати, явно что-то почувствовал и перевернулся на другой бок.

— Тише, дарагой. Мы же не хатим разбудить весь лагерь. — раздался откуда-то мужской голос с грузинским акцентом, да еще на русском языке.

Я мгновенно сложил два плюс два, уже не таясь, открыл глаза и сел на кровати. Правда помогло это слабо. В полутемной келье кроме меня и напарника никого не было.

— Мрак. — утвердительно сказал я.

— Он самый, детка, — ответил голос ковбоя.

Темнота в углу возле двери сгустилась в давно знакомый, черный человеческий силуэт. Редкие лучи лунного света пробивающиеся через решетку окна, казалось, самостоятельно изгибались, обтекая границы ожившей тьмы.

— За друга своего не беспокойся. Он спит и ничего не слышит, — прозвучал ехидный, старческий голос.

— Это ведь ты убил тех теней на перевале, — сказал я.

Сказал и поморщился. Мрак говорил на русском, а отвечал я ему на местном языке. За два года я уже разучился говорить на родном языке. Да и понимал его уже с некоторым трудом.

— Знаишь, твой друг правильный совет дал. Не твоэ это дело, лучше не лэзь, — ответил мне снова голос с грузинским акцентом.

Нормально так... Мрак открыто мне говорит, что следит за мной и слушает, что мне говорит Синх. Тогда понятно, откуда он взялся на перевале — просто следил за мной и перехватил готовящуюся засаду. Интересно, теперь он будет постоянно за мной следовать или только сейчас?

— Итак подсудимый, какое будет ваше последнее слово? — раздался голос строгого судьи.

— Ч-что? — только и спросил я.

Вопрос выбил меня из колеи. А черный силуэт, напротив, словно наклонился и чуть повернул голову изучая меня.

— Ой, это был неправильный вопрос. Расскажите, пожалуйста, как вы провели лето? — теперь от силуэта мрака доносился голос молодой учительницы.

— Лето? — переспросил я, окончательно перестав что-то понимать.

— Да, лето, — голос все той же учительницы. — Лето, горы, прогулки на свежем воздухе... Какие ваши впечатления?

— Хорошие впечатления... Что может быть лучше каждодневных многочасовых маршей по мокрым горным склонам, с постоянным выслеживанием различных тварей? — сорвался я на сарказм. — Разве что многомесячные тренировки с черным демоном, который чередует садизм с издевательствами.

— Пациент сохранил чувство юмора... Похвально... Хм-м — в этот раз голос пожилого доктора.

Я же промолчал, продолжая вглядываться в черный силуэт. Мраку, похоже, что-то от меня нужно. Вот только вместо того, чтобы об этом сказать прямо, он меня изводит посторонними вопросами.

— Как тебе монахи? Уже предлагали перейти под свое крыло? — в этот раз спокойный, нейтральный мужской голос.

Шутки закончились, и Мрак задал вопрос, ради которого он мне и показался. Ему надо что-то ответить... и лучше ответить правду.

— Да, предложение было. В случае если у меня не выгорит с Кругом, Идущие позвали к себе, — я постарался ответить спокойно.

— Хм-м... пациент демонстрирует признаки наличия мозга... Похвально... — снова голос пожилого доктора. И тут же Мрак переключился на голос пожилой еврейки — И что вы себе думаете?

— У меня нет вариантов, чтобы думать, — я окончательно проснулся, сбросив последние остатки сна. — Круг в меня вложился, и он просто так от Адепта Хлада не откажется.

— Всегда есть варианты. Круг дело добровольное. И от желания Адепта зависит многое. Подумай! — сказал черный силуэт веселым голосом маленькой девочки.

Сказал и исчез. Просто моментально растворился, без всяких эффектов. Просто вот он есть, а вот уже нет, как будто кто-то щелкнул выключателем.

— И что это было? — тихо сказал я сам себе.

Я медленно выдохнул и сглотнул ставшей вязкой слюну. Снова вдох-выдох... посмотреть на место, где только что был силуэт черней тьмы... но тщетно, Мрак растаял без следа.

И зачем он приходил? Заморочить мне голову глупыми вопросами, а потом намекнуть, что я могу переметнуться к монахам? Чем дальше заходит дело, тем меньше я понимаю происходящее. Еще эти тени, устроившие охоту за мной. На кой я им сдался?

Вдох-выдох, нырнуть в поток, зачерпнуть Силы, прогнать ее по своему телу, очистить разум. Медитация и обращение к Силе уже стали рефлексом. И Поток помогает, отдает свой Хлад, успокаивает и очищает разум. Чтобы я без него делал?

Привычно выкинув из сознания посторонние мысли, я сосредоточился на произошедшем, пытаюсь разложить по полочкам произошедшее, думая, анализируя. Только напряженные раздумья ни к чему не привели. У меня слишком мало данных, я не понимаю происходящее и неоткуда взять информацию. И, как вишенка на торте, остался один переход до монастыря, где меня опять ждет ад под названием «тренировка у мастера тени».

Снова очистив сознание, я постарался лечь обратно в кровать и заснуть. В конце концов, от гадания «что это было?» толку нет, а завтра предстоит еще один тяжелый переход. Так, даже сам того не заметив, я и уснул.

Скрип песка под ногами. Руки, держащие пару коротких металлических жезлов, описывают полукруг и замирают. Шелест ветра на краю сознания и яркое солнце, приятно греющее кожу. Мой обычный день, с утра до вечера, посвященный тренировкам.

Тренировки с грузами, тренировки с оружием, тренировки без оружия, растяжки, повторения кат, занятия на станках, которые иначе как пыточными не назовешь, и постоянные медитации с обращением к Силе. Хорошо, что во время еды и сна сенсей меня не трогал. Даже появилось свободное время — час после обеда и два перед сном. Правда, в это время я должен читать и осознавать разные тексты. Часть текстов про боевые искусства, развитие тела и познание Силы, а часть про политику и устройство Империи Солнца. А чтобы не расслаблялся, потом обязательно следовал опрос по выданным книгам и свиткам.

К счастью, проблем с усвоением материала у меня нет. Может быть благодаря печати познания, но содержимое книг я полностью запоминаю с первого-второго раза. Даже могу позволить себе такую роскошь, как немного «позависать», бездумно перелистывая страницы, или спокойно обдумать прочитанное. Книги мне давали очень интересные и просто механически их запоминать кощунственно.

Например — история взлета и падения Дома Желтых Слив. Дом специализировался на выращивании плодов, напитанных Силами. Началось его восхождение с желтых слив, наполненных Силой Жизни. А закончилось тем, что он, разбогатев и подмяв несколько мелких Домов, влез в политику и поставки редких растений, которые контролировали другие Дома, и те согласованно его уничтожили.

Надпись на архаичном свитке гласила, что эта история произошла пятьсот лет назад. Как я понял, с тех пор ничего не поменялось. Среди Домов царит жесткая конкуренция, весь рынок поделен и попытки влезть в чужую нишу считаются прямым объявлением войны.

Взять те же Дома Теней, описание которых мне тоже заботливо выдали. Три больших Имперских Дома, выполняющие заказы в центральных провинциях и напрямую от Императорской Канцелярии. И семь-восемь малых, разбитых по пограничным провинциям и специализациям. У каждого Дома своя ниша и территория.

Каждые пару сотен лет случается небольшая война, которую так и называют — война Теней. По итогам какие-то дома Теней исчезают, какие-то раскалываются на несколько новых. А подковерная грызня идет постоянно — за лучшие заказы, за ресурсы и благоволение высоких чиновников, да и просто убить мимоходом Тень из конкурирующего Дома считается нормальным.

Среди Домов Воинов ситуация лучше, но конкуренцией пропитана и их жизнь. Контракты на охрану часто пересекаются с контрактами на нападение и «отжатие» бизнеса. Сегодня сражающиеся вместе, завтра могут убивать друг друга — это тоже считается совершенно нормальным. Единственное, что выпадает из общей картины грызни Домов — редкие устойчивые многовековые союзы. Как у Идущих с Молчаливыми Стрелами и Стальной Чешуей. Дома, заключившие подобный союз, уже никогда не воюют друг с другом, вне зависимости от прибылей с контрактов.

Мои размышления про взаимоотношения Домов прервал подросток в серой одежде слуги. Замерев в поклоне, он терпеливо ожидал, пока я обращу на него свое внимание. Кстати, вернувшись с летней практики, я заметил, как резко поменялось отношение ко мне

слуг в сером. Я перестал быть «глупым мясом», и стал «уважаемым учеником»... Зато у учителя мастера-тени осталось все по-старому, как он надо мной издевался — так и продолжил. Правда, тут изменилось уже мое отношение. Когда на своей шкуре понимаешь, что от твоего развития зависит твоя жизнь — сложность и жестокость тренировок начинает восприниматься как должное. Мне стало легче учиться, исчез постоянный надрыв, непонимание, что я делаю и зачем. Новые полгода обучения прошли заметно легче.

— Господин, вас ожидают на третьем уровне, — проговорил подросток, когда я подошел к нему.

С этими словами мальчик еще раз поклонился и торопливо убежал, только пятки сверкнули, и скрипнула дверь для слуг. К слову, тренировался и жил я в том же здании, где провел первых два года в монастыре, но из подвальной кельи переехал в келью на первом этаже.

Раз ждут — надо идти... Я направился собирать оружие и приводить площадку в порядок. Еще одно изменение после летних каникул — раньше ровняли песок после тренировок слуги, теперь же это моя почетная обязанность.

Через мон я прошел через ворота третьего уровня, тут меня уже ждал проводник — благообразный пожилой слуга в светло-серых одеждах. От мальчишки, который прибежал ко мне на втором уровне, он отличался как небо и земля. Еще бы — ведь он встречает гостя на третьем уровне...

Все эти игры в статусы, цветную одежду, разделение по уровням, сначала смотрелись дико, а сейчас я как-то к этому привык. И на мне надето уже не белое кимоно ученика, а светло-бежевое шелковое одеяние почетного гостя. После тренировки пришлось переодеться, потому как прийти в тренировочной одежде на встречу на верхнем уровне было бы неуважением. Кстати, одежды почетного гостя у меня появились тоже вместе с переездом на первый этаж.

Неторопливо следуя за пожилым слугой, я вспоминал окружающие дома и тропинки. Кажется, я уже был тут два года назад, когда в первый раз увидел демона-сенсея. Да, точно — за зарослями ивы виднеется небольшая беседка с резной крышей. Мой сопровождающий довел меня до начала тропинки и с поклоном отступил.

Вот я снова шагаю по узкой тропинке, вымощенной белыми камнями. На меня накатывает чувство дежавю. Три года назад я шел по этой тропинке и не знал, что прокляну этот день. День, когда началось мое обучение у мастера-тени... Буря эмоций на мгновение вышла из-под контроля, заставила сердце стучать быстрее. Я прикрыл глаза и сделал пару глубоких вдохов... Наверняка сейчас предстоит серьезный разговор, и лишние эмоции будут мне мешать.

В беседке на больших плоских подушках меня дожидалось два человека. Легко узнаваемый Мрак в большой конусовидной соломенной шляпе и белый мастер, один из наставников монастыря. Я разулся и с поклоном зашел на отполированный пол беседки.

— Присаживайся, — раздался от черной фигуры грудной женский голос и протянутая рука в сторону третьей подушки.

Снова поклонившись, я сел на предложенное место... Интересно... Похоже, Мрак не одного меня эпатажит постоянной сменой голосов.

— Мы позвали тебя, чтобы сообщить неприятное известие, — Мрак протянул руку и подхватил одну из двух кружек со столика. — В семи переходах отсюда, в Долине Горных Ручьев замечен Черный Туман.

Мрак сделал паузу выпить чая, а я украдкой осмотрел его и белого мастера. Мрак как всегда в темных одеждах, окруженных дрожащей темной дымкой, с глубоко надвинутой широкой соломенной шляпой, словно прячется от солнца. И белый мастер, седой монах в красивых белоснежных одеждах, с отрешенным видом смотрит куда-то вдаль. Его морщинистая рука плавно оглаживает длинные седые усы и узкую белую бородку. Кажется, будто он погружен в свои мысли.

— Наместник объявил Призыв. Идущие по Пути и их союзники, как домио этой земли обязаны выступить на защиту земель Империи, — Мрак продолжил сухим серьезным голосом. — Как тебе должны были рассказать, обычное оружие бесполезно против Черного Тумана. Лучшее оружие против него — это Адепты Стихий. Как ты и твоя соседка.

Мрак снова сделал паузу и отпил из коричневой глиняной кружки. Белый мастер отвлекся от отрешенного созерцания и перевел взгляд на нас.

— Идущие обратились уже к Кругу, они хотят, чтобы ты присоединился к Призыву и помог в сражении с Черным Туманом, — на этих словах белый мастер чуть заметно наклонил голову, а Мрак продолжил размеренно ронять сухие слова — Я же спрашиваю тебя, здесь и сейчас, хочешь ли ты присоединиться к Призыву и защитить эти земли?

Интересно... Интересно почему меня вообще спрашивают, поставили бы перед фактом — сейчас встаешь и отправляешься воевать с главным местным ужасом, и я встал бы и пошел. Только вопрос задан, и нужно ответить. Причем вариант ответа у меня только один. Я уже достаточно тут прожил и проникся отношением местных к защите своих земель от тварей Безумных Лесов. Если я откажусь, в глазах монахов я перестану быть человеком — скачусь до кучки мусора на обочине дороги. Причем буквально, меня будут демонстративно не замечать и игнорировать даже слуги.

— Да, — спокойно ответил я.

Белый наставник благосклонно кивнул.

— Ты выбрал. Собирайся в дорогу, выступление будет через... — Мрак повернул голову к белому мастеру.

— Через четыре мона. За тобой зайдут, — подхватил он.

Я согнулся в поклоне. Короткие сборы, и вот я ухожу из беседки по дорожке из белых камней. Только слышно, как шелестят ивовые листья на прохладном весеннем ветру. На меня накатило умиротворенное настроение. Легкий ветерок приятно ласкает лицо, мелодичная песня птиц отдает чем-то хорошим в душе.

Подсознательно я понял, что боялся повторения истории с черным сенсеєм. Что в беседке меня сейчас порадуют продолжением обучения еще на несколько лет. Или новым учителем, еще более зверским. А когда этого не произошло, мое настроение скакануло вверх.

Подумаешь — поход против Черного Тумана. Что за минуту может выпить и высушить отряд в несколько десятков сильных воинов, оставив после себя мумифицированные трупы. Как Мрак выпил тех двух теней на перевале. Невольно я вспомнил ту картину и настроение как-то поползло обратно вниз. Надо брать себя в руки и готовиться с серьезной Охоте.

Четыре мона пролетели незаметно. Я только и успел собраться и перекусить, к счастью все необходимое для долгого похода у меня уже было в келье. И вот я иду вниз к выходу из монастыря вслед за сопровождающим паренком в серой одежде. Встречные ученики и слуги одобрительно кивают или кланяются. Похоже, весь монастырь уже в курсе, куда я иду и зачем.

Внизу возле ворот, уже собралась представительная делегация из двух десятков синих и

пары черно-синих монахов. Все собраны в поход, с рюкзаками, увешаны оружием. Кстати, на мне синие одежды обычного ученика Идущих. Их мне передал мой учитель мастер Тени с пожеланием не высовываться и не выделяться. По его безразличному невзрачному лицу сложно было что-то понять, но у меня осталось ощущение, что он сильно недоволен происходящим. Хотя чего ему беспокоиться — погибнет его непутевый ученик, он станет свободен от долга Кругу... Наверное...

— С'еро, привет! — окликнул меня знакомый голос.

От толпы учеников отделилась знакомая лысина. Я себя поймал на том, что невольно улыбаюсь. Синх же и вовсе сверкал лыбой во все тридцать два зуба.

— Привет! — отозвался я и хлопнул по подставленной ладони.

Аналог рукопожатия есть и в этом мире, только он больше похож на жест «дай пять» и используют его только хорошие знакомые и друзья. А в Домах воинов еще те, кто ходил в походы и сражался вместе. Сборы в поход на порождения Безумного Леса. Знакомые, которым я могу доверить спину. Сопричастие важному и нужному делу... Я на несколько мгновений ощутил себя дома, и в глазах что-то предательски защипало.

— Что с тобой? — заботливо спросил Синх.

— Да так, в глаз что-то попало, — я на всякий случай прикрыл глаза и отвернулся.

— А... я понял тебя... — как-то по-особенному потянул Синх.

Я тут же забыл про лишнюю влагу в глазах и развернулся. На площадь перед входом вышел знакомый мне черно-синий монах, ведя на поводу белоснежную кобылицу, а на лошади сидела узнаваемая тонкая фигура в темно-коричневых одеждах. Кха'ра и Элианор — неистовый старший ученик и повелительница Огня.

С грацией и прямолинейностью ледокола Кха'ра подошел прямо к нам и кинул мне поводья — я автоматически поймал их.

— Вы двое, ведите лошадь ровно за мной, — услышал я его голос, когда он прошел мимо меня.

Я только проводил его взглядом, остальные монахи пришли в движение, выстраиваясь в коробочку вокруг нас.

— Выступаем! — рявкнул команду Кха'ра и ударил посохом об камень мостовой.

Удар гулким эхом раскатился по площади, земля ощутимо вздрогнула и толкнулась в ноги.

— Хо! — хором выдохнули окружающие монахи, а впереди раздался скрип открывающихся врат.

Воины вокруг меня пришли в движение. Двинулись вперед, чеканя шаг и слитно стуча посохами. Я, словно подхваченный потоком, двинулся вперед, подстраиваясь под шаг соседей. Пятка моего копья глухо стукнула об камень в общем ритме. Что-то изменялось во мне и вокруг, словно я сейчас открываю новую страницу книги своей судьбы...

Кха'ра внушал и подавлял. Даже его спина, маячащая впереди, дышит силой и уверенностью. При взгляде на нее непроизвольно хочется выпрямиться и идти, чеканя шаг. Его команды, что он изредка отдавал рычащим голосом, начинали выполняться еще до того, как он заканчивал их проговаривать.

Казалось бы, еще один черно-синий, на которых я уже посмотрелся на заставе. Но на их фоне охранник Элианор выглядел матерым волком в стае дворовых собак. И не сказать, что старшие ученики слабаки — каждый из них действительно серьезный воин. Только Кха'ра больше чем воин. Бешеная харизма, самоуверенность и ярость во взгляде и выдающееся мастерство в каждом движении. На заставе я пару раз слышал шепотки, что ему давно пора дать черного мастера, и полностью с этим согласен. Не зря его имя переводится как «Черный дракон».

В такой компании я не мог даже перекинуться парой слов с Синхом, не говоря уж о том, чтобы обернуться и поглазеть на Элианор. Элианор... Странная девушка, живущая по соседству... Адепт Огня, старше и опытней меня. Один взгляд на нее может вызвать у меня бурю эмоций... А может и не вызвать. Она загадка для меня. Загадка, будоражащая мой ум и приводящая в смятение чувства. Но мне нельзя давать слабину, нельзя отдаваться эмоциям в окружении толпы монахов. И не во время похода на главное местное чудовище... Может быть потом?

— Стоп! — рявкнул идущий впереди Кха'ра.

Я пришел в себя, поглощенный своими раздумьями, я не заметил, как мы отмахали остаток дня и дошли до места вечерней стоянки — несколько укрепленных домов, даже без частокола ограды.

— Будешь рядом с ней, — Кха'ра внезапно развернулся и впери свой тяжелый взгляд прямо в меня.

Было видно, что он хочет еще что-то добавить, но сдерживается.

— Хо, — выдохнул я с коротким наклоном головы и вкладыванием кулака правой руки в ладонь левой. Мимолетно я в который раз порадовался забитым в подкорку знаниям этикета.

Черно-синий уже меня не слушал, он шел куда-то в сторону раздавая на ходу новые команды.

— Пойдем, я знаю эту стоянку, за тем домом есть конюшня, — потянул меня Синх в другую сторону.

Я покорно пошел за ним, ведя за собой лошадь Элианор. Еще со времени короткого знакомства на заставе Кха'ра мне не понравился. Тогда я хорохорился, с вызовом смотрел в его глаза. Он это прекрасно понимал, и я понимал, что в его глазах мой вызов — не более чем трепыхание жалкой букашки. Сейчас же у меня больше силы, больше уверенности... но их все равно слишком мало...

Для того, чтобы стать на один уровень с мастерами, нужно потратить десятилетия... Сила Хлада может помочь сократить этот путь... но и всего лишь. Она не сделает меня отличным бойцом, не даст опыта схваток, не научит убивать тварей из Безумных Лесов. Всего нужно достигать собственными руками, проходить на собственном опыте.

Задумавшись, я механически подвел лошадь к конюшне и подал руку Элианор, чтобы

она слезла с лошади. Она приняла руку и одним движением соскользнула с седла. Я поймал взгляд ее зеленых глаз. Заинтересованно-отрешенный взгляд, словно смотрящий одновременно на меня и сквозь...

— Кх-м... Давайте я провожу вас в вашу комнату, — кашлянул Синх.

А я понял, что уже несколько секунд держу ее руку и смотрю прямо в ее глаза. Кровь прилила к моему лицу, сердце отозвалось глухим стуком в моих ушах. Только спасительный Хлад не позволил мне вспыхнуть как маков цвет. Выдохнув, я отпустил ее руку... Еще пара мгновений — она развернулась, уходя вслед за Синхом... А перед моими глазами продолжило стоять тонкие черты бледного лица, обрамленные темно-рыжими волосами.

«Надо держать себя в руках, если я так засвечусь перед Драконом — мне конец», — с этой мыслью я повел лошадь в конюшню. Там поводья подхватил подросток в серых одеждах слуги. Мимолетно удивившись, ведь на стоянках по дороге к Заставе никаких слуг не было, я развернулся... И столкнулся с Черным Драконом нос к носу.

Аккуратно уложенные черные волосы, ровная черная бородка, и презрительный взгляд сверху вниз, словно на таракана, которого сейчас раздавят... «Накаркал», — тихо пронеслась мысль в опустевшей голове.

— Саех? — почтительно спросил я с наклоном головы.

Обычно всплывающая к месту и не к месту вежливость меня раздражает. Но тут она меня прямо-таки спасла. Краем уха я услышал, как слуга поспешил убраться подальше. Кха'ра на секунду отвлекся на подростка за моей спиной и снова впериł тяжелый взгляд в меня.

— На какое расстояние ты можешь сделать выплеск Силы? — тихо спросил Дракон.

От этого вопроса я растерялся. Я думал, что он сейчас меня морально уничтожит и прикажет держаться от Элианор подальше, а тут обычный практический вопрос... Причем вопрос странный, на который он должен знать ответ — за моими тренировками выплеска Силы монахи точно наблюдали.

— На расстоянии трех шагов я заморожу стакан воды целиком, на расстоянии двенадцати стакан покроется коркой льда, — ответил я, преодолев растерянность.

— Мало, — сказал Кха'ра, и тут же с какой-то горячностью продолжил. — Когда столкнемся с Черным Туманом, ты должен будешь выдать все что можешь, а потом еще раз и еще раз, пока эта тварь не умрет! Понял?!

— Да, саех, — я опять склонил голову.

Когда я поднял глаза, Кха'ра продолжал сверлить меня взглядом, только теперь в нем не было презрения. Вместо этого он словно пытался меня оценить, проверить, насколько я готов исполнить свои слова... Помолчав еще несколько секунд Черный Дракон развернулся и ушел.

«Не знаю, что это было... но, кажется, меня пронесло», — проговорил я про себя. Надо по-быстрому свалить в келью, пока не нарвался на еще кого-нибудь. Но сбежать не получилось, на выходе из конюшни меня перехватил возбужденный Синх.

— С'еро! Пошли посмотреть, там павлины почти пришли! — сказал он.

С запозданием я вспомнил, что павлинами Синх называл стрелков из Дома Молчаливых Стрел за их разноцветные яркие наряды. Долго стоять и тормозить мне не дали — Синх буквально потащил смотреть на павлинов. Я только мимолетно посетовал — сегодня я прямо блистаю быстротой ума и удачей.

По дороге быстрым шагом колонной по двое двигаются нарядно разодетые лучники.

Яркие белые одежды радуют глаз своей чистотой, серебряная и золотая вышивка блистает в лучах заходящего солнца. Высокие наплечники, черные шапки и разноцветные оперения стрел над плечами, большие, ассиметричные луки. Идут быстрым шагом, в ногу, двое с золотой вышивкой во главе колонны. Всего дюжина стрелков. Как-то мало народу набирается на чудовище, которое может опустошить провинцию.

— Много собирать смысла нет, — сказал Синх, и я понял, что последнюю мысль я произнес вслух. — С Туманом будете бороться вы, силой своих Стихий, а мы так — охрана и приманка.

Может в этом и есть причина, почему так нервничает Черный Дракон? Он сильный и честолюбивый воин, с важной миссией по защите провинции, а успех дела зависит от какого-то недоучки и Элианор. Если я что-то запорю, то все может пойти крахом... Может поэтому он и смотрит на меня, словно хочет растоптать?

Тем временем лучники дошли приблизились к стоянке и как-то вместе, разом, начали перестроение. Передние серебряные чуть отстали — задние сместились в стороны, образуя полукруг, в фокусе оказалась пара золотых. Те синхронно вскинули луки вверх.

— Хо! — разнесся по горам их слитный крик.

Так они и замерли словно в скульптурной позиции, двое золотых в центре с воздетыми луками и десять серебряных в полукруге на них смотрящие.

— Идущие по Пути Посоха приветствуют своих братьев! — гулко сказал вышедший вперед Кха'ра.

— И тебе привет, линиялая ящерица, — со смехом сказал правый золотой.

Скульптурная композиция как-то естественно распалась, правый золотой сделал несколько шагов вперед и обнялся с вышедшем вперед Кха'ра. Серебряные разрушили строй и начали с любопытством нас разглядывать. Большая часть любопытных взглядов досталась мне. Не воздержался и левый золотой, внимательно меня оглядев с ног до головы.

Я тоже пробежался взглядом по их фигурам... лучников на заставе редко можно было увидеть. Они несли дежурство на башнях, из которых выбирались только на пересменке. Если не обращать внимание на кричащую одежду, то они похожи на монахов — те же обветренные, суровые лица восточно-европейского типа. Но движения уже другие, они не так как привычные мне монахи ставят ноги, держат центр тяжести, явно по-другому развиты руки...

«Откуда у меня способность замечать подобное?» — мелькнула мысль и пропала. А в память уже отложилась яркая одежда с красивой серебряной и золотой вышивкой. Белоснежные вставки как будто не знали пыли дороги. Еще запомнился левый золотой, с тремя большими шрамами через все лицо и тяжелым взглядом. По суровости его взгляд недотягивал до Черного Дракона... но был где-то рядом.

— Пойдем, надо устраиваться на ночь, — хлопнул по плечу меня Синх.

И я пошел, развернулся, и уже за спиной услышал приглушённый возглас.

— Живущий в тених, как я вижу, отправил эту личинку в поход с нами? — сказал голос правого золотого, того самого, что радостно обнимался с Кха'ра.

Я чуть не запнулся, когда понял, о чем они разговаривают. «Личинка» — так меня называют среди своих. А «живущий в тених» — это Мрак. «Кажется, мне должно быть обидно», — подумал я, механически переставляя ноги. Но душа лишь отозвалась пустотой и равнодушием. Мне на самом деле наплевать и на лучников, и на то, что они думают.

— Ты как себя чувствуешь? — участливо спросил Синх, похоже что-то почуявший.

— Все нормально, только устал чего-то, — ответил я.

А мне было на самом деле все равно. На душе царит какая-то пустота и безразличие, словно что-то выгорело. Такие эмоциональные качели у меня частенько бывали года три назад. Когда мне только передали силу Хлада. Сейчас то откуда эта пустота? Слишком близкий контакт с Элианор? Или на меня так подействовало перспектива сражаться с Черным Туманом? Но с порождениями Безумных Лесов я уже встречался не раз, и меня так не лихорадило.

«Остается только Элианор, что-то с ней явно не так», — думал между делом. Я сходил в местный аналог душа, проглотил еду, не заметив вкуса, и сейчас готовился ко сну. Экипировка, копье, ножны с мечом, одежда занимали свои места на стойке возле кровати. Рядом со мной укладывался Синх. Он явно заметил мое состояние и теперь сгорал от любопытства. Но я его стойко игнорировал.

Кровать. Теплое одеяло накрыло меня с головой, и я мгновенно провалился в сон. Обо всех проблемах можно будет подумать завтра.

Дорога... я опять иду по дороге вперед. Четыре дня подряд, с небольшими перерывами на отдых или ожидание результатов разведки. Если подумать, то большую часть осознанного времени в этом мире у меня занимают две вещи — тренировки и пешие марши.

Шагать гораздо проще, чем тренироваться. Мне нравится просто идти, смотреть на горные виды и ощущать где-то за своей спиной Элианор. Я бы совсем забил на тренировки, хотя бы на несколько дней, но Кха'ра отличился и тут, устроив совместные упражнения после второго дневного перехода. А еще, перед упражнениями, были рассказы...

— Когда Черный Туман двигается, он похож на черное облако, несомое неспешным ветром. Иногда он впадает в спячку, тогда облако словно осыпается на землю и покрывает все слоем сажи. Но, стоит кому-то наступить на черный пепел, как он весь вокруг поднимается и набрасывается на нарушителя. Когда мы ходили в Леса, я сам видел спящий Туман и видел, как на него забрел асук. Пепел вокруг словно вскипел и за несколько мгновений облепил животное. Через пол кона пепел опал, оставив после себя только черные кости, — обстоятельно рассказывал один из черно-синих.

А у меня перед глазами словно встает картина, как похожее на оленя животное вступает на землю, покрытую слоем жирного черного пепла. Как пепел вдруг вскипает и слетается со всех сторон, превращаясь в облако, полностью скрывающее оленя. Как олень пытается выпрыгнуть, но уже слишком поздно. Жалобные крики быстро стихают, и через пару минут облако оседает, открывая кучку черных костей, покрытых черным жирным пеплом. Меня аж передернуло от проявившейся картины.

Интересно — это у меня так воображение разыгралось или печать познания все еще работает?

— Мы дождались, когда Туман проснулся. Утром, как настоящий туман, он медленно заполнил лес и двинулся на восток. Медленно, с тихим странным скрежетом, только деревья внутри Тумана падали одно за другим. Потом, когда мы вышли на полосу, оставшуюся как след от него, мы нашли только почерневшую труху. Туман съел все листья, все деревья и всю траву. Наш сенсей сказал нам раскопать нору толстуна. Туман проник в его нору и оставил от него только черные кости, — продолжал вещать старший ученик, каким-то горьким, сухим голосом.

А я словно наяву видел полосу мертвой земли в несколько сотен метров — черную, испещренную холмиками трухи, оставшейся от лесных исполинов. Особенно дико это смотрелось на фоне нетронутых зарослей слева и справа. Слово в четко очерченных границах прокатился огненный вал, сжигая огромные деревья дотла.

— Как сенсей нам рассказывал, Черный Туман стоит из ядра и пепла, что облаком кружится вокруг ядра. Само ядро никто из живущих на заставе не видел. По записям на свитках, оставшихся с декады бедствий, оно похоже на облако пепла, только гораздо гуще и шириной всего в несколько шагов. Проявления Силы Стихий пережигают внешний пепел, он осыпается и становится не опасным, но, пока не задето внутреннее ядро — все бесполезно. Туман или отступит, или навалится со всех сторон, — продолжал черно-синий. — Если же получается повредить ядро, то Туман умирает резко и быстро. Но перед смертью он пытается словно дотянуться до обидчика. Облачный пепел ускоряется в несколько раз и бьет во все стороны... Так записано в свитках.

На этот раз внутренний проектор не торопился показывать картинку смерти Черного Тумана... Молчали все монахи и лучники, рассеявшиеся кругом и внимательно слушавшие старшего ученика охотника.

«Кстати, а ученик ли он?» — мелькнула мысль. На Заставе я слышал о дюжине мастеров-охотников. Одним из которых был мой сенсей-охотник. А вот про отдельную официальную одежду для мастеров-охотников я не слышал. Во внутренней иерархии Идущих им вполне могли соответствовать черно-синие одежды старших учеников.

— Сейчас все распределяются по командам и начинают отрабатывать действия, которые вам расскажут ваши командиры. Разойтись! — прервал молчание Черный дракон и резко хлопнул в ладоши.

Меня тут же потянул в сторону Синх, к кучке из пяти синих и еще одного черно-синего. Этот, третий из старших учеников Идущих, ничем не выделялся, держался в тени и практически ничего не говорил. Только чем-то он неуловимо напоминал моего черного сенсея, который мастер Тени. Не будь он к ночи помянут. И это меня сильно настораживало. Черно-синий внимательно оглядел нас и начал инструктаж. Голос его был каким-то невзрачным и тихим.

— Мы вместе с уважаемым Адептом Хлада, — на этом месте он сделал короткий поклон в мою сторону. — Определены в тыловую группу. Основная группа вместе с Адептом Огня нанесет удар с условного фронта, а мы с тыла. Туман движется медленно, окружить его будет не сложно, адепты стихий уничтожают пепел, привлекая к себе внимание, а фланговые группы лучников будут подстергать момент, когда можно будет расстрелять ядро.

Невзрачный старший ученик снова внимательно нас оглядел, словно проверяя насколько до нас дошел план.

— Наша задача наносить максимальный урон, оттягивая на себя пепел. Насколько хватит сил у уважаемого Адепта Хлада, — снова короткий поклон в мою сторону. Как только он исчерпает свои возможности — отходим. Как только появится опасность окружения Черным Туманом — отходим. Если кто-то получит ранение или окажется задет пеплом — отходим. Если мы не выманит ядро в первый день, повторим на следующий. Если лучники не смогут пробить ядро — будем уничтожать пепел сколько сможем, пока не подойдет подкрепление.

На несколько секунд повисла пауза, черно-синий снова глядел на нас, как бы проверяя — нет ли вопросов. У меня вопросы были... но не было желания высовываться вперед всех и задавать их.

— Защитники, у вас с собой есть Купели Черного Лотоса, достаньте их и закрепите на тай'да, — сказал командир.

С этими словами синие ученики, включая и Синху, полезли в рюкзаки. А я почувствовал себя полным дураком, ведь никаких «купелей» у меня не было, как и монашеского посоха. Только и оставалось, что наблюдать за соседями.

Сами купели напоминали маленький металлический фонарик, наподобие тех, что развешивали на улицах до появления электричества. На вид крепкие, шестигранные, с толстыми металлическими ребрами. Они плотно, с характерным щелчком, садились на шестигранные же наконечники посохов. Даже недалекому мне стало понятно — эти купели специально создавались под тай'да.

— Уважаемый Адепт Хлада, — опять короткий поклон от черно-синего. — Пожалуйста

обратитесь к Силе и направьте ее в одну из купелей.

Синх тут же поднес мне свой посох, позволяя разглядеть эту купель еще ближе. Чувство, что я смотрю на маленький уличный фонарик с матовыми стеклами только усилилось. Стараясь сохранять невозмутимость, я положил руку на фонарик и обратился к Силе. Синий поток внутри меня с готовностью отозвался, всколыхнулся, прокатился по руке и щедро плеснул на металлический шестигранник. «Купель» прямо на глазах покрылась инеем и мягко засветилась ультрафиолетовым, почти белым цветом. Теперь он еще больше напоминает уличный фонарь зимой, облепленный снежной метелью. И, кажется, я не смог удержать лицо, мои брови сами собой, поползли вверх.

— Купель Черного Лотоса запоминает Силу, которая в нее попадает. И когда вы подаете в нее собственную нха'ра, пережигает ее, создавая подобие внешней Силы, — тихий, вкрадчивый голос уже не казался невзрачным, напротив, он пробирал словно озноб от ледяного, холодного воздуха. — Ваших сил хватит на один-два мона. Потом будете ощущать сильную усталость, совершать ошибки, что может стать причиной вашей смерти и провала нашей задачи. Поэтому мы приближаемся к Черному Туману, уничтожаем пепел, где-то пол мона, и отходим. Восстанавливаемся — повторяем. И так до тех пор, пока мы не убьем Черный Туман.

С этими словами черно-синий снова замолчал, обводя нас внимательным взглядом. А мне пришла в голову мысль — эти купели сделали не вчера. Монахи явно готовились к появлению Черного Тумана. Готовились годами, а то и десятилетиями, разрабатывая тактику, инструменты. И у лучников наверняка не обычные стрелы, а что-то заряженное Силой, что может пробить ядро. Только одна вещь осталось непонятной и царапает мое сознание. Я поднял правую руку открытой ладонью вперед на уровне плеча — местный аналог поднятой руки в лекционном классе. Черно-синий приглашающе кивнул.

— Черный Туман медленно съедает все на полосе в несколько сотен шагов. А на лекциях нам говорили, что прошлый прорыв Тумана поставил целую провинцию под угрозу уничтожения. Как так получилось? — задал я неуклюжий вопрос.

Старший ученик, вопреки моим опасениям, только благосклонно качнул головой.

— Угроза в том, что Черный Туман, попадая к нам, начинает делиться. Через неделю, когда он вырвется из каменистых долин, вместо него может стать три-четыре Тумана поменьше, потом, через еще одну неделю, каждый из них породит еще три-четыре. Рано или поздно сильные Владеющие Силой, конечно, вмешаются и уничтожат все Туманы. Но, от наших земель и от нашего Имени может уже мало что остаться, — на этих словах Синх и окружающие меня ученики как-то хором возмущенно выдохнули. — Поэтому для нас так важно сейчас перехватить Туман и жечь его, пока он не будет уничтожен! Ясно?!

— Хо! — хором выдохнули ученики и я вместе с ними.

— Раз вам все понятно, то приступим к отработке команд, — медленно и с каким-то предвкушением потянул командир.

А у меня засосало под ложечкой... «Еще один сенсей-садист», — промелькнула обреченная мысль.

Предчувствия меня не обманули. Следующие четыре мона, до самых сумерек, мы отработывали нападение, отход, смещение в сторону. Я же играл роль поддержки — зажигал купели и изредка делал Выплеск Силы. Для обработки «командного взаимодействия» кто-то подготовил целое поле, уставленное тонкими кольшками из обрезанных веток, шагов сорок в диаметре. Вот на краю этого поля мы и плясали. Монахи плясали в буквальном смысле,

выписывая светящимися концами посохов бесконечные круги и восьмерки, сливающиеся в натуральные сферы, а я, стоя за ними, изображал артиллерию за линией фронта, двигаясь то вперед, то назад. Несколько раз выдал полноценный Выплеск.

Вдох-выдох, окунуться в Синий Поток. Нырнуть в глубину, позволяя Силе омыть себя, и резко вынырнуть обратно, в свое тело. Запомнить и заполнить свой разум ощущением Силы, безбрежного Потока, что мерно несет свои воды через все сущее. Вытянуть руки вперед, зацепиться за Поток, не пальцами, но Чувствами и Волей. С натугой откинуться назад, словно оттягивая плотину, накапливая не материальную волну. И, с выдохом, отпустить басовито гудящую тетиву, волну Потока и Силы, толкнуть ее вперед, в реальный мир.

— Ха! — раздается громкий крик Синха, прямо у меня над ухом.

Ученики, закручивающие посохи в светящуюся стену, прыскают, словно мальки, в стороны. Волна Силы незримым гребнем бесшумно уходит куда-то вперед, в поле тонких веток. Я же остаюсь стоять, словно марионетка с выдернутыми нитками, обессиленный и опустошенный.

— Отход! — рявкает из-за спины наш командир.

Меня тут же подхватывает Синх со вторым учеником и резво оттаскивают от поля. За нами убегают и двое передовых, и двое фланговых, не забывая махать посохами словно взбесившиеся мельницы.

Вдох-выдох, прохладный весенний воздух как-то нехотя заходит в легкие. Красные облака, окрашивают горы в багровые тона. Это третья Волна Силы за сегодня... и, кажется, я перестарался.

Тем временем наш командир, заходит в поле из веток и внимательно их изучает, периодически стучая по веткам своим тай'да. Одна из веток раскололась от легкого удара и, с легким шелестом, осыпалась вниз мелкими кусочками льда.

— Почти пятнадцать шагов, неплохо, — донесло до меня бормотание черно-синего. Похоже, мои чувства опять начали играть со мной, внезапно обостряясь в несколько.

«Интересно, а Элианор сейчас тоже отрабатывает атаки на Черный Туман? И какие приемы она использует? Может получится что-то перенять у нее?» — ленивые мысли гулко перекатываются в пустой голове. Меня положили на траву недалеко от поля, заботливо подложив скатанную палатку под голову.

— Саех, С'еро совсем выдохся, — доложил один из учеников подошедшему командиру.

Черно-синий только покивал и задумчиво меня осмотрел... А мне как-то все равно. Меня больше заботит вкусный весенний воздух, что с трудом доходит до легких. И красные, багровые облака, что так красиво заполняют небо.

— Да, вы молодцы, на сегодня все, — сказал старший ученик.

— Хо! — хором выдали остальные

А я ничего не сказал, лишь молча любовался таким красным, и таким красивым небом...

— Продолжим завтра вечером! — донесся до меня бодрый голос черно-синего.

— Хо! — с энтузиазмом отозвались остальные.

«Зачем мне все это?» — подумал я. Медленный долгий выдох, и мое сознание уходит такую ласковую и заботливую тьму...

На пятый день марша мы увидели следы Черного Тумана. Некогда цветущая горная долина была сожрана. От деревьев, кустов, травы и цветов остались кучки сажи, черные пятна, медленно разносимые ветром. Кажется, Туман не обошел вниманием даже землю, вытянув из нее все доступные соки. Посеревшие склоны, черный пепел вместо леса и лишь небольшой ручей в центре все так же весело журчал. Веселое журчание ручья на фоне черных пятен трухи и отсутствия жизни как-то царапало слух, порождая ощущение неправильности.

— Надо спешить, если Туман выйдет из гор, все будет гораздо хуже, — прозвучал у меня над ухом голос Синха.

Надо, кто ж спорит, но и удобное место для нападения тоже подобрать нужно. Судя по тому, что я видел в своих «видениях» — Черный Туман может двигаться довольно резко. Нападать на него без удобных путей отхода равносильно самоубийству... А нужно ведь его еще окружить, чтобы достать ядро фланговыми атаками. Найти подходящее место среди узких горных распадков задача не такая простая.

Командир нашей шестерки, которого, кстати, звали Катэх, присел и сосредоточенно просеивал землю сквозь пальцы. Ту самую землю, по которой прошелся Туман. Земля же ничем не напоминала плодородный чернозем — смесь серого песка и глины.

— Мы отстаем от Тумана на два дня, — сказал командир, поднявшись.

Интересно — это он определил по состоянию земли?

— Двигаемся дальше, — отдал он команду, и мы двинулись.

Двигались мы ровным быстрым шагом. Пара учеников впереди, пара по флангам, командир в центре, и я с Синхом, тоже парой, чуть позади командира. Вообще, монахи порядку движения уделяли немало внимания. Когда я вел лошадь с Элианор, вокруг формировали настоящую коробочку, вперед уходила разведка, по бокам фланговые дозоры, постоянно возле нас был кто-то из черно-синих. Такое впечатление, что они боялись новой засады Теней, и, может быть, вполне обоснованно.

Вдруг Катэх замер, вскинув руку, зажатую в кулак. Остановились и все мы. Ждать пришлось недолго, из чудом уцелевших придорожных кустов вышли двое в знакомых серо-коричневых одеждах охотников. Причем лицо одного из них я узнал — мастер-охотник с Заставы. Прошлым летом он тоже водил учеников по горам, и мы несколько раз с ним пересекались. Второй в серых одеждах был подстать ему, плавные движения с грацией хищного зверя. Итого — два мастера охотника из двенадцати уже тут... интересно...

К ним навстречу вышел наш черно-синий командир. Пара минут переговоров, и охотники снова растворяются в кустах. Меня снова царапнуло ощущение неправильности. Вокруг черно-серая пустошь на несколько сотен шагов, а они продолжают прятаться в единственном куске зелени.

— Доходим до конца долины и там ждем остальных, — отдал приказ Катэх тихим голосом.

Ощущение неправильности только усилилось. Что-то идет не так...

На ночевку мы встали у устья долины. Вместо того, чтобы бегом бежать вслед за Черным Туманом нас остановили и приказали отдыхать. Даже без каждовечерних учений. Народ разбил палатки и занялся своими делами... В том числе и я, удобно устроился рядом с

палаткой в позе лотосаи занялся медитацией. Всех то отличий, что в десятке шагов сидит Элианор и тоже медитирует. Неведомым чувством я ощущаю ее и на таком расстоянии.

Вдох-выдох. Синий поток равномерно течет сквозь меня. Ощущение безмятежности бесконечного спокойного синего океана. Синий Поток пронизывает все сущее и отзывается во мне тихим шелестом волн. Я плыву в нем, качаюсь на его волнах, позволяя Силе проникать сквозь меня. Чем дальше, тем больше мне нравится Синий Поток, тем больше мне хочется стать его частью. Оторваться от суетного мира и раствориться в этом безбрежном спокойном океане...

Странное ощущение вывело меня из созерцания бесконечных волн... Рядом со мной поток изгибается, словно обтекает место недалеко от меня. Шестым чувством я понимаю, что там сидит Элианор. Медленно, словно нехотя, из глубин всплыла догадка — она практикуется в Силе, и ее Сила влияет на Синий Поток.

Медленно, двигаясь сквозь течение я протянул свое внимание и волю к аномалии. Не пытаюсь ни на что влиять, лишь созерцая, ощущая происходящее чем-то, для чего нет понятий в человеческом языке. Волны Потока действительно обтекали место, связанное с Элианор. Что-то их выдавливало... большей концентрацией чего-то чуждого. Где-то там за незримой пеленой словно доносился гул. Чуждый звук. В котором чувствовалось мощь. Чуждая и непонятная. Не враждебная, не противоположная Синему Поток... просто иная...

«Элианор собрала и держит Силу Огня вокруг себя», — мысль мелькнула и снова скрылась в глубинах безмятежности. Но она зацепила за себя другую мысль... третью... Я в медитациях лишь окунался сам в поток, позволяя омыть себя. Черпал частички силы что оседали на мне. И только не так давно научился ставить барьер на пути Потока, накапливать его силу и делать Выплеск. А если задержать силу вокруг себя, собрать словно шар?

«То это закончится моим замороженным трупом», — внезапный вывод прокатился огнем по нервам и вырвал меня из медитации. Ощущение потока куда-то делось, исчезло словно дым под резким порывом ветра. Я моргнул пару раз, сбрасывая с себя оцепенение.

Занятно, чем больше я узнаю о Силе, тем больше я понимаю, что не знаю ничего. И все эти эксперименты слишком опасны. Я повернул голову в сторону Элианор. Та со все тем же безмятежным отстранённым видом продолжала медитацию. Только было в окружающем ее воздухе нечто странное... Он словно гудел, на той самой ноте, что я слышал совсем недавно. А в верхней части «кокона» воздух дрожал, как дрожит воздух над нагретым асфальтом. При этом не похоже, чтобы Элианор испытывала какой-то дискомфорт.

Зачем-то же она это делает? Не просто же так она собрала силу вокруг себя. Учений сегодня вечером не было, восполнять силы не нужно. Выходит — это обычная тренировка... Но, не слишком ли опасная?

Я поймал себя на том, что уже откровенно разглядываю Элианор. Причем смотрю на нее как на обычную девушку, без обычного крышесносящего залипания. Темно-коричневое платье, та же сложная прическа, перевитая лентами в тон платью. Рыжие волосы, обрамляющие тонкие европейские черты. Она явно издалека. Скорее всего даже не из Империи Солнца. Тут наверняка есть другие страны... с другими типами лиц. И меня тоже принимают за такого чужеземца. Редкое, но, тем не менее, знакомое местным явление. Только про страны эти мне никто не рассказывал, ни названия, ни даже намека.

Элианор открыла глаза и повернулась в мою сторону, взгляд ее зеленых глаз встретился с моим. Тот же спокойный, отрешенный взгляд, одновременно на меня и сквозь, словно она видит что-то недоступное... Но, в этот раз у меня на душе царит спокойствие. Я не уплываю

в неведомые дали. У меня не срывает голову от бури эмоций, и я просто смотрю в ответ. Как на обычную девушку, на улице своего города...

Поддавшись хулиганскому порыву, я подмигнул ей. И, кажется, уголки ее губ чуть дрогнули. Хоть взгляд остался все тем же — спокойно-отрешенным.

— Адепты, командир Кха'ра просит вас пройти в командный шатер, — раздался почтительный голос сбоку.

Кто бы сомневался? Так и дали монахи мне перемигиваться с их главным оружием. Странно, что меня вообще держат рядом с ней, а не развели по разным частям лагеря. А может и нет... Может быть, они специально свели нас вместе, проверить мою реакцию, привязать меня к ней. Или чтобы я научился приемам владения Силы от Элианор. Местный этикет накладывает очень большие ограничения на обмен опытом. Методики тренировки учеников какого-то Дома или Мастера — тайна для всех остальных. Открытое обращение с просьбой поделиться секретами тренировки — оскорбление. Тайные попытки наблюдения — повод для войны. Но, можно вот так — наблюдать и вдохновляться открытыми демонстрациями.

— Мы сейчас будем, — ответил я синему монаху, почтительно стоящему в полупоклоне рядом.

Я одним слитным движением поднялся на ноги. Гадать об мотивах монахов можно бесконечно. Чем забивать голову бессмысленными гаданиями — лучше сосредоточиться на скорой битве... а там время все расставит на свои места. Я посмотрел на идущую к нам Элианор. Кстати, машинально я ответил и за нее тоже. По местному этикету за отряд отвечает старший. Но, по силе и опыту, старшая она, без всяких скидок на пол. Местные очень болезненно относятся к малейшим попыткам ущемить их положение, но Элианор, как будто отнеслась к моему ответу как к должному, признавая мое старшинство...

Я качнул головой и направился следом за синим посланцем... И почему в мои мысли постоянно лезет всякая ерунда?

— Адепты, — кивнул нам Кха'ра и показал место сбоку.

В большом светлом шатре кроме меня с Элианор были три черно-синих и два золотых «павлина». Мы сидели кругом на простых раскладных стульях, слева от Дракона двое черно-синих, справа Адепты, напротив золотые лучники. Дракон сегодня словно сам не свой, его ярость, противостояние миру и постоянный вызов куда-то ушли. Вместо этого его движения наполнены спокойствием, выдержкой, степенностью.

— Черный Туман находится в соседней долине. Он заканчивает ее поедать. Это последняя долина, дальше он вырвется в предгорья и его будет сложно сдержать. Этой ночью мы отдыхаем, завтра, с рассветом, выдвигаемся быстрым ходом и в полдень даем бой! — размеренно начал говорить Кха'ра, постепенно ускоряясь.

Он на секунду замер и оглядел нас горящим взглядом. А я понял — никуда его нрав не делся, он мог его утихомирить на время, но внутри его бушует все тот же огонь.

— Все знают план? — Кха'ра оглядел нас еще раз. — Все готовы? Если кому-то есть, что сказать — говорите сейчас!

Он вновь оглядел нас своим фирменным яростным взглядом — только молчание было ему ответом.

— Да пребудут Силы и Боги с нами! — сказал он поднявшись. — Мы победим!

— Хо! — выдохнули все в ответ уже на ногах. От Черного Дракона шла физически ощущаемая энергия заражая яростью и желанием действовать. Одна Элианор, казалось, не

была подхвачена общим порывом, поддерживая отстранённое выражение лица, но встала вместе со всеми.

— Разойтись! — рявкнул Кха'ра.

И мы разошлись... только я помедлил, придержал край шатра, пропуская Элианор вперед. Тут что-то дернуло меня посмотреть назад. Я наткнулся на взгляд Кха'ра, нехороший, оценивающий взгляд. Словно он думал, сейчас меня убить, или чуть-чуть подождать. Взгляд, от которого на уровне инстинктов зарождается страх... Изнутри плеснуло Силой, она прокатилась по нервам, поднялась к голове и мгновенно заморозила зарождающуюся панику. Я спокойно посмотрел на Черного Дракона, как на пустое место. И так же спокойно шагнул наружу, запахивая вход.

Со спокойствием, мерно дыша, я шел к своей палатке, держась рядом с Элианор. Или может это она держалась рядом со мной. Возле шатра она подождала, пока я не выйду. Как будто обычная земная девушка на свидании. И тут меня пробила внезапная мысль — «Кха'ра ревнует?!»

Мысль глупая, нелогичная, но почему-то упорно не уходящая, и она все объясняла. Объясняла причину нелюбви черно-синего ко мне. Его перепады характера, желание растоптать меня. И, вместе с тем объясняла почему дальше взглядов дело не идет. Адепты стихий у монахов на особом счету, а я так и вовсе чужой и ценный ученик. Любая потеря контроля и нанесение мне вреда означает конец карьеры для него. А Кха'ра, несмотря на всю ярость, честолюбив и с контролем у него все отлично, иначе бы его бы не пророчили в Мастера.

— Спокойной ночи, — как-то автоматически пожелал я Элианор, когда мы дошли до своих палаток.

Она кивнула, чуть лукаво улыбнулась и ушла к себе. А я остался стоять, не понимая, показалась ли мне ее улыбка. Или бредовые фантазии настолько распалили мой мозг, что уже начались галлюцинации.

«Пошли они оба к демонам», — проговорил я про себя, глядя на палатку Элианор.

Я снова привычно обратился к Силе. Синий Поток щедро плеснул на меня, делясь частичками Хлада, такими привычными и родными... И мне стало как-то легко... На второй план ушла Элианор, внезапно открывшаяся новой стороны. Мне стал безразличен ярящийся Черный Дракон. Стало спокойно, уютно...

Я выдохнул облако пара и покосился на покрытую инеем траву под ногами. Нужно выбросить все лишнее из головы и идти спать... Завтра будет тяжелый день.

Да, так и сделаю.

Утром нас подняли с первыми лучами зари. Наскоро поели и побежали, а точнее пошли, быстрым, переходящим в бег шагом. Мне это утро чем-то напоминало прошлый год. Там тоже мы вставали ни свет ни заря и бежали. И сейчас Синх бежит рядом, только сегодня он выглядит небывало сосредоточенным, одухотворённым даже. Бежим налегке, рассыпавшись походной колонной по перевалу, оставив палатки и прочий скарб в лагере. Только Элианор по-прежнему восседает на своей белоснежной кобылице.

Горы нас встретили свежей прохладой, лучами утреннего солнца и следами Черного Тумана. На камнях, на земле взгляд постоянно натыкался на мазки черного пепла и кучки сажи, там, где раньше были кусты и трава. И в чем-то я начинаю понимать монахов и их иступленное желание уничтожить Черный Туман. Если его выпустить из гор — он словно чума сожрет плодородные земли. Этого допустить нельзя.

— Привал, — звучит команда.

Я перешел на медленный шаг. Вдох, синий Поток послушно плеснул силой и промчался по натруженным мышцам. Выдох, я встряхнулся, словно сбросил холодную взвесь, и оглянулся вокруг. Бежать, сохраняя концентрацию, и одновременно следить за округой не так просто. Без концентрации нет подкачки Силой — без подкачки я за несколько часов выдохнусь. Но концентрация требует постоянного внимания, как и отслеживание окружения. После такой пробежки иногда выпадешь из мира и требуется пара минут, чтобы прийти в себя.

Рядом разбредаются и тихо переговариваются монахи. Элианор, которая всю дорогу держалась за моей спиной, соскользнула с кобылы. Дежурный синий сноровисто надел торбу с зерном на морду лошади. Кстати, кобыла выглядит свежей, словно не бежала по камням несколько часов кряду. Вокруг нас распадок, впереди плавно снижающийся и переходящий в долину. На камнях те же серые и черные пятна, а в долине черных тонов еще больше. Впереди Кха'ра тихо переговаривается с парой охотников в невзрачных серо-коричневых одеждах.

Я мимолетно присмотрелся к их лицам — и нет, они мне не знакомы. И это не та пара, что встретила нас по дороге вчера. Что-то мне подсказывает — в этих горах сейчас полно охотников, и наш отряд не единственная надежда Идущих по Пути.

— Внимание! — раздался резкий возглас Кха'ра, и он тут же продолжил, набирая обороты с каждой фразой. — Полмона на отдых, приведите себя в порядок, проверьте вооружение, потом разбиваемся по командам и выдвигаемся. Действуем по плану! Основной удар со стороны нашего входа в долину, с восточной стороны, тыловая группа действует со стороны выхода на равнину, с запада, где еще есть остатки леса. Охотники прикрывают основные группы, стрелки заходят с флангов! Слушайте внимательно командиров! Никто не увлекается и не отвлекается!

Кха'ра на секунду замолк и внимательно нас оглядел.

— За нами наши земли! За нами Империя! Мы победим! — его слова больше похожие на рычание, гулко раскатывались и отпечатывались в сознании.

— Хо! — хором выдохнули все.

— Разойтись, — сказал Кха'ра уже спокойным голосом.

Возникло какое-то хаотичное движение, и через полминуты монахи собрались возле

лидеров отрядов. Я лишь проводил взглядом Элианор, отправившуюся ко второму черносинему, который нам рассказывал лекции про Черный Туман. Мой же командир оказался рядом, в пяти шагах. Возле него уже стоят мои сокомандники, включая Синха. Катэх им что-то в полголоса втолковывал. Похоже, это что-то не касается меня, иначе бы позвали...

Пожав плечами, я устроился на камне рядом. Большой гладкий камень, на котором удобно сидеть... Жаль прогреться не успел, я скинул рюкзак, достал свернутое одеяло и положил на камень. Может я и хорошо переношу холод, но здоровье нужно беречь. Вдох-выдох, сосредоточиться на дыхании, погрузиться в медитацию. До боя осталось не так много времени, и нужно его потратить с толком.

Долина представляла собой нечто странное. Ближняя к нам часть полностью зачищена Туманом. Уже набившие оскомину серые и черные пятна вместо деревьев, вперемешку с коричневым камнем скал. Дальняя ярко светится нетронутой зеленью, а по середине ворочается грязно-серое облако. Именно грязно-серое, а не черное, как это было в моих видениях.

Это облако, вытянутое пару сотен метров, словно огромная овальная гусеница, медленно бурлит и ползет, «снимая стружку» с оставшейся зелени. Оставляя за собой серо-черный след... А по середине долины, подчеркивая нереальность происходящего, весело бежит небольшая горная речушка. Две трети долины уже «переработаны», скоро это облако уползет через последний перевал к равнинам.

Долго нам разглядывать долину и Серый Туман не дали. Выделенный проводник из мастеров-охотников повел наш отряд по кромке долины, с подветренной стороны. Тропинок не было — шли быстрым шагом по пологому склону, петляя среди камней.

«Только интересно, зачем я тащу с собой копье, меч и ножи?» — как всегда перед боем в голову начали лезть посторонние мысли. Лезть на страшное облако, с неотвратимостью асфальтоукладчика пожирающее все живое, откровенно стремно. Я привычным усилием подавил пробежавшую дрожь и вновь, в который раз, обратился к Синему Потoku. Неведомая прохлада так же привычно смыла страх, успокоила натянутые нервы, принесла уверенность.

«Что бы я делал без этой Силы?» — в который раз подумал я, и украдкой оглядел своих спутников. Все взрослые, тренированные парни, на вид двадцати пяти — двадцати восьми лет. У всех на лицах застыла мрачная сосредоточенность. Даже Синх молчит и целеустремленно двигается вперед.

Так, в полном молчании, мы обогнули долину по большой дуге и спустились в остатки леса у ее западного конца. Лесок нас встретил гробовым молчанием, не пели птицы, не было видно ни животных, ни даже насекомых... Как будто безмозглые твари поняли, что их ждет неминуемая гибель и спрятались в тщетной попытке уцелеть.

— Ждем сигнала тут, говорить только шепотом, можно размяться, — короткими, рублеными фразами отдал команды Катэх.

Его лицо ничего не выражало. Спокойный взгляд, невзрачное лицо, словно обыкновенный прохожий в обыкновенный день, погруженный в собственные думы. Встретишь такого на улице, забудешь раньше, чем отведешь взгляд. Наверняка он из Идущих по Серому Пути.

Впрочем, сейчас это не важно. Сейчас нужно спокойно дождаться команды и не перегореть перед боем. К медитации душа уже не лежала. Я скинул рюкзак под приметное дерево и перехватил поудобней копье, вставая в начальную стойку. Не зря же я его таскаю? Хоть разомнись.

Время пролетело незаметно, знакомые стойки, удары, сотни раз проделанное упражнение вымыло из головы лишние мысли. Осталось только спокойствие и готовность. Тело, накаченное Силой, жаждало действий и боя. Разум от него не отставал.

Краем глаза я видел, как половина синих последовало моему примеру. Вторая половина сидела в медитативных позах. Катэх молча стоял и неотрывно смотрел на небо в ту сторону, откуда мы пришли.

В идиллию ожидания вмешался посторонний звук. Сначала тихо, потом все нарастая. Какой-то мерзкий скрип, шелест, треск, словно тысячи насекомых одновременно грызут твердое дерево. Невольно все прекратили тренировки и начали наблюдать за горизонтом. Деревья закрывали обзор, но над ними уже висело серое марево, Черный Туман прокладывал просеку буквально в полусотни шагов от нас.

— Внимание! — тихий, напряженный голос командира разбил гнетущее молчание.

С резким свистом, снизу-вверх, небо расчертила белесая черта и с громким хлопком рассыпалась бутоном красных огней. Надо же... у местных, оказывается, есть фейерверки.

— Сигнал! Всем собраться!

Я же выдохнул, с некоторым сожалением прислонил копьё к стволу дерева рядом с рюкзаком. В этом бою оно будет только мешаться.

— Давай, покажи этому огрызку! — хлопнул меня по плечу Синх.

— Зажечь купели! — а это уже отдал команду Катэх.

Передо мной образовался полукруг из шести наконечников тай'да. Я снова выдохнул, концентрируя Силу между ладоней и одним движением зажег все шесть купелей. Раньше такой фокус у меня не получался.

Секундная заминка и передо мной новый полукруг из шести железных фонариков. Выдох, концентрация, взмах, и новый полукруг горит мягким ультрафиолетовым цветом.

— Вперед! — тихо звучит новая команда.

Шаг, еще шаг, я иду в общем порыве, навстречу мерзкому звуку. Руки привычно пробегаются по клапанам метательных ножей и сжимают рукоятку меча. Скоро я встречу с главным местным ужасом лицом к лицу.

Лесок как-то резко оборвался, и в двадцати шагах, за зарослями кустарника, встала стена грязно серого тумана метра в четыре высотой. С первого взгляда туман совершенно обычный, но было в нем что-то неправильное, мерзкое. За грязно серой пеленой угадывалось какое-то шевеление, кипение, движение размытых фигур, которых там не должно было. Шелест грызущих насекомых начал ввинчиваться в уши, давя на нервы. Одинокое дерево, подточенное невидимыми жвалами, выпало из тумана прямо перед нами. Уже лишенное листьев, с обглоданными ветками, все в черных потеках сажи, истаивая и скукоживаясь прямо у нас на глазах. По моей спине пробежал целый табун мурашек. Таких картин я не видел даже в кошмарных снах.

Внезапно мерзкие звуки перекрыла череда громких хлопков, от которых ощутимо вздрагивала земля. Словно где-то неподалеку начал отплясывать великан. Туман вздрогнул, колыхнулся, и словно недоуменно начал оглядываться, не понимая, что происходит.

— Построение квадрат! Только по моей команде! С'еро пока стоишь тут! — от резкого крика нашего командира я вздрогнул.

Четверо синих учеников, хотя какие они ученики — вполне уже сформировавшиеся воины, вышли вперед. Они выстроились двумя парами в десяти метрах от стены тумана. Фонарики на их посохах мерно светились белым, ультрафиолетовым цветом. Сама картина

отдавала полной сюрреалистичностью.

— Ждем! Первый заход пробный! Не углубляйтесь далеко! Только смотрим как Туман отреагирует на купели с Силой Хлада! — Катэх вышел вслед за четверкой и выдал череду команд.

Шелест стих, неестественный туман застыл на одном месте. Все замерло в хрупком равновесии. И оно тут же было нарушено, откуда-то спереди из-за стены тумана раздался новый хлопок и гул, перемежающийся с треском, словно впереди разгорался большой костер. Элианор вступила в игру?

— Ждем, — спокойным тоном сказал командир.

Туман по-прежнему стоял на месте, только стал как-то ниже... Гул и треск за его стеной только нарастал. Внезапно небо над нами со свитом перечеркнула белая черта. В какофонию звуков вклинился свист и хлопок фейерверка, в этот раз зеленого.

— Тон и Таэх начали! Дан'ра и Котх страхуют! — отреагировал Катэх.

Вот я и узнал их имена, точнее я их слышал раньше, краем уха, но не запоминал. Может, запомню сейчас.

Первая пара закрутила тай'да, словно тонкие тростинки, и начала кромсать белыми огоньками стену тумана. Стена же внешне никак не реагировала, только если присмотреться можно заметить, как частицы тумана, оказавшиеся рядом с огоньками, словно теряли невидимую поддержку и опадали невесомым грязно-серым пеплом.

— Водоворот! Слева на право. С'еро и Синх, ждете! — новая черед команд.

Монахи перестроились, закрутили посохи, и один за другим, словно танцуя, начали по дуге заходить на стену тумана. Возле стены огоньки ускорялись и размывались в настоящую светящуюся сферу. Сфера по дуге «снимала стружку» и освобождала место следующей, та ныряла глубже и шла чуть дальше, а за ней ныряла следующая и следующая. Так монахи и работали по кругу, прогрызая внушительную выемку шагов тридцать шириной. Только Туман на это не отреагировал никак. Разве что верхняя кромка деформировалась, оплывая и накрывая покрытую черной сажей землю.

Из-за стены тумана продолжали доноситься гул и треск, которые то нарастали, то утихали. Раздалась новая серия хлопков, от которой задрожала земля. Кажется, Серому Туману совсем не до нас.

— С'еро, давай! — резкий голос Катэха раздался прямо у меня над ухом.

Я только выдохнул и решительно пошел вперед. Четверка синих, как на учениях, выстроилась вокруг меня и закрутила посохи. Я остановился в шаге от грязно-серого края. Вблизи покатаая, бугрящаяся стена казалось еще более мерзкой. Плод больного воображения, чуждый всему живому. В нос ударил какой-то кислый приторный запах.

Передняя пара выдвинулась вперед, быстрыми взмахами тай'да прореживая серую мерзость. Прямо у меня на глазах, серая хмарь, оказавшаяся рядом с пролетающими белыми огоньками, теряла вязкость и осыпалась безвредными хлопьями.

Невольно поморщившись от кислого запаха, я потянулся к Силе, как никогда не тянулся раньше. Ощущение Потока заполонило меня, смыв серую грязь, смыв страхи и неуверенность. Я окунулся, позволяя волнам потока перекатиться через меня, загородить от реального мира, и тут же вынырнул назад, цепляя Поток за собой, ведя его по каналу в мир реальный.

Уже в реальном мире я вбросил руки вперед. На краю сознания, где-то далеко отложилась картинка как серая хмарь резко отпрыгнула от моих рук, словно испугавшись.

Секунду я сдерживаю Поток, позволяя ему накапливаться словно воде в плотине. Держась пальцами за невидимую грань, я отклоняюсь назад, натягивая невидимую гигантскую тетиву. Мгновение, и пальцы не выдерживают, тетива срывается волна Потока уходит широким конусом куда-то вперед, снося невидимым тараном грязно-серую взвесь.

— Назад! — кто-то орет мне прямо на ухо.

Железные пальцы впиваются в мои плечи, меня куда-то несут, быстро, слишком быстро. Так, что я еле успеваю замечать мелькающие ветки перед моим лицом. И глубокое, синее небо. Такое ясное и чистое, и такое похожее на Синий Поток. Я падаю прямо в него. Погружаюсь в безбрежную синеву. И, кажется, что еще чуть-чуть, и я растворюсь в этой безбрежной прохладе и покое...

В себя я пришел после пощёчины. Между прочим, это больно и очень неприятно.

— С'еро, С'еро! Ты как?! — голос Синха отдается эхом в ушах.

— Все нормально, успокойся, — выдавливаю я в ответ.

С криктом я поднялся и осмотрелся. На первый взгляд мы на той же полянке, где ждали сигнала. Все вроде на месте, только монахи стоят запыхавшиеся и какие-то нервные. Я потер щеку — зарядили мне от души.

— Надо отойти подальше. Следующим броском Туман может нас накрыть, — а это уже голос нашего командира.

Что-то свербит на краю сознания, привлекает внимание. Через секунду до меня дошло — звук жующих жвал вернулся и серая хмарь, раньше чуть виднеющаяся из-за деревьев, теперь видна четко и ясно. Туман откусил от леса еще шагов тридцать. И стали понятны слова Катэха — второй такой укус накрое уже нашу поляну.

— Сейчас, — сказал я, перехватывая копьё, рюкзак уже подхватил Синх.

— С'еро ты молодец, хорошо ударил. Через сколько времени сможешь повторить? — на ходу интересуется наш командир.

— Дайте полмона хотя бы, надо прийти в себя, — ответил я.

Вроде со мной все в порядке, иду я вполне нормально, только во всем теле какое-то покалывание, будто я отлежал все руки и ноги разом. И перед глазами плавают какие-то солнечные зайчики. Какой-то странный приход я словил. Раньше у меня таких эффектов от упражнений с Силой не было.

Тем временем мы вышли из остатков леса и отмахали еще шагов сто, пока командир не объявил привал. До края долины осталось совсем ничего. Я с удовольствием растянулся прямо на зеленой траве. На самом деле все могло быть гораздо хуже. Похоже, основная работа с этим Туманом легла на плечи других отрядов.

Краем глаза я заметил, как к нашему отряду подходит странная пара. Точней, первый был нормальный, как может быть нормальным мастер-охотник в привычной серо-коричневой одежде. Второй же одет в серое кимоно слуги и нес два больших узких флага — ярко-красный и ярко-жёлтый.

После короткого разговора с нашим командиром серый отошел в сторонку, устремил свой взгляд куда-то на склон и начал шустро махать флагами. Явно следуя какой-то системе, в четком ритме, с фиксацией позиций.

«Не имея раций монахи завели семафорную азбуку», — мысли нехотя клубились в моей голове. Все-таки с силой Выплеска я перестарался. Сейчас он отсемафорит отчет нашего командира. В ответ мы получим указания из штаба и пойдём на новый заход. Так и произошло...

Отдохнуть нам дали целый мон. Все это время я провалился на траве, бездумно глядя в синее небо. Взрывы, гул и треск стихли, грызущих звуков тоже не было слышно. Теперь, если отрешиться от происходящего, можно представить, что нет никакого Грязного Тумана, монахов, Мрака, черного учителя... А есть только небо, яркое, синее небо с белоснежными облаками...

— С'еро, идем! Пора надрать задницу этой грязной половой тряпке! — вырвал меня из транса голос Синха.

«Вот странно, миры разные, а «надрать задницу» употребляется одинаково. Может Мрак тут потоптался?» — в голову опять лезут посторонние мысли. Лезть под бок к мерзкому туману и выкладывать всего себя не хотелось... Но, нужно.

— Иду, — ответил я, поднимаясь.

Получилось у меня это неожиданно легко. Словно не было отлежалости совсем недавно. Энергия бурлит в мышцах, хочется бежать, прыгать, сделать что-нибудь сумасшедшее.

— В этот раз С'еро бьет сразу. Постарайся собраться и сделать удар не меньшей силы, — выдал указания Катэх.

— Хо, — только и ответил я.

В самом деле — что тут рассусоливать. Все уже понятно, просто повторяем рабочую схему. Правда, я не знаю, был ли какой-то ощутимый эффект от моего удара. Но раз Туман отреагировал, и командир доволен — видимо с эффектом все в порядке. Мы повторили процедуру «возжигания купелей» и выдвинулись к кромке Тумана.

Неожиданная проблема появилась там, где не ждали. Туман так откусил лес, что не осталось удобных подходов для удара. Подобраться к грязно-серой стене еще можно было — а вот с быстрым отходом появились проблемы. Времени рубить кусты и расчищать путь не было, и долго искать подходящее место мы тоже не могли.

— Начали, — дал наконец отмашку Катэх.

Передняя пара привычно закрутила посохи, причем сделала это так слитно и синхронно, что сферы размытых огоньков частично перекрыли друг друга. Шаг, другой — сферы углубились в грязно-серую стену. И мне показалось, звук грызущих жвал стал громче и каким-то угрожающим.

Вдох-выдох, я частично погружаюсь в Синий Поток. Шаг, другой, синие раздаются в стороны, пропуская меня к стене. Вблизи Серый Туман выглядит как-то особенно мерзко. Внутри что-то бурлит, шевелится, стрекочет. В нос опять бьет кислый запах.

Выдох, выбросить все лишнее из сознания. Нырнуть в Синий Поток. Закрутиться вокруг своей оси, цепляя и закручивая Силу вокруг себя. Секундная задержка и тут же обратно, в реальный мир, цепляя Поток за собой.

Я начинаю поднимать руки — в ответ Туман шарахается, словно по нему ударяет невидимый ветер. Ведомый мной Синий Поток наваливается на невидимую преграду. Я служу одновременно и каналом, и плотиной. Я держу невидимую грань секунду, вторую, напряжение увеличивается, становится просто нестерпимым. Каким-то шестым чувством я понимаю, что это край. Еще мгновение и ни моя воля, ни мое тело не выдержит.

Я вскидываю руки, одновременно спуская невидимую тетиву гигантского лука. Невидимым порывом Туман передо мной просто сносит, открывая черную, истерзанную землю. «Бооммм!» — звучит невидимая тетива у меня в голове. Тут же чьи-то железные пальцы впиваются в мои плечи, и меня буквально сдергивают с места. Я вижу мелькающие ветки, голубое небо сверкает в просветах. «Омммм», — отдается в моих ушах. Синее небо растворяет мельтешащую зелень и накрывает меня с головой.

В чувство меня снова привели пощечиной.

— С'еро, С'еро! Ты как?! — голос Синха эхом.

Вдобавок он меня еще и трясет, так что голова мотается и отдает болью в виски.

— Все! Стой! Хватит меня трясти! — отвечаю я.

— А, извини, — говорит Синх, раскаяния в его голосе ни на грамм. — Как ты по нему двинул! Мне даже уши заложило! В первый раз вижу, как снег появляется прямо в воздухе.

Красиво!

Синх перевозбуждён, говорит быстро, сверкая белоснежной улыбкой.

— Сейчас по нему еще павлины двинут. И наступит ему... — тут Синха прервала серия хлопков.

Черета близких взрывов ощутимо отдалась по земле. Дрожь передалась в мои руки, спину, ноги.

— Чем они его так? — задал я вопрос.

Глухой вибрирующий стон был мне ответом. Что-то неземное, большое и чуждое умирает, прямо здесь и сейчас, недалеко от меня. Стон обрывается, кажется, природа замирает в шатком равновесии.

«Хх-тч», — звучит нереально громкий хлопок, похожий на удар гигантского кнута. Резкий порыв ветра неожиданно бросает в лицо песок и листья.

Синх как-то неестественно замирает. Его улыбка сменяется удивлением. Он прямо на глазах бледнеет, пытается обернуться и падает.

— Синх! Что с тобой? — я его тормошу за плечо.

— Унести Адепта! Бегом! — кричит кто-то невидимый.

Меня резко подхватывают и куда-то тащат. А я смотрю на замершего Синха. На застывшее лицо. На смотрящие в никуда глаза... И понимаю, что уже все.

Синх умер. Умер за какое-то мгновение. Внезапно.

В чувство я пришел уже вечером. Когда начало темнеть, монахи распалили большой костер, и кто-то сунул мне в руку флягу. Я машинально отхлебнул и тут же закашлялся. По горлу прокатился огненный ком, а в нос ударил запах перебродившего винограда. Местные, оказывается, умеют гнать брагу... причем градусов восемьдесят.

— Спасибо! — хрипло сказал я, справившись с горящим горлом.

Катэх хмыкнул и забрал флягу. Он сел рядом со мной и устроился на огонь большого костра в трех шагах перед нами. Вокруг установилось какое-то шаткое равновесие. Огонь громко потрескивает, искры во множестве поднимаются вверх. Монахи тянут грустную песню, передавая друг другу фляжки. Алкоголь из горячего кома в желудке наконец начал расходиться по артериям. И мне стало как-то легче.

— Синх был хорошим воином и хорошим другом, и погиб он достойно, — сказал Катэх. — Да будет его новая дорога легка.

С этими словами он потянулся и плеснул в огонь прямо из фляги. Пламя вспыхнуло синим цветом, в ноздри снова ударило терпким запахом винограда.

— Да будет легка их новая дорога! — донеслись голоса из-за огня.

В огонь полетели новые порции спирта. Огонь зашипел и затанцевал синим цветом. На меня пахнуло жаром, запах винограда стал еще сильнее.

Я посмотрел налево, недалеко от огня лежали в ряд шестеро синих монахов и двое серебряных лучников. Все их достала «шрапнель» после смерти Черного Тумана. За исключением одного — он не успел выскочить из серой хмари, во время очередного укуса, его достали, но откачать не смогли.

Кроме Синха там лежит еще один парень из нашего отряда. Его имя я так и не запомнил. На секунду мне стало стыдно... Но спрашивать я не стал. Будет еще дорога назад, может еще узнаю имя погибшего и запомню.

Я перевел взгляд направо, в шагах десяти от костра сидела Элианор. Выглядит она здоровой, но левая рука перемотана бинтами и покоится на перевязи. Как я понял из

обрывков разговоров, когда ударила «шрапнель» командир их отряда, тот самый черносиний охотник, повалил ее на землю и накрыл своим телом. Они оба остались целыми, только Элианор подвернула руку.

Маленькая цена за то чтобы остаться живым в такой заварушке.

Приложившись к фляге Катэх передал ее мне. Я на секунду помедлил, вдыхая виноградный запах, смешанный с резким запахом спирта. Потом задержал дыхание и опрокинул флягу в себя. Пара плотков огнем раскатилась по пищеводу. Я с некоторым опасением выдохнул. Вторая пошла гораздо легче...

— Легкой дороги тебе, Синх! — сказал я и плеснул из фляги в огонь.

Синее пламя вновь взвилось в небеса. А мне стало чуть-чуть легче...

Обратная дорога ничем особенным не запомнилась. У монахов и лучников было отличное настроение. Они часто шутили, смеялись. Даже Кха'ра как-то притушил свою ярость и вполне спокойно общался с обычными синими. А мне было как-то грустно, и я ощущал себя чужим на этом празднике жизни. Впрочем, мои спутники проявили тактичность и меня никто не трогал.

Я спокойно вел на поводу лошадь Элианор, смотрел на горы, на небо. И чувствовал странное единодушие с тонкой и хрупкой девичьей фигуркой у меня за спиной. Она молчала, молчал я... Как-то было спокойно, и тихо уходила грусть.

Разговоры сопровождающих про их подвиги шли фоном. Не раздражая, не цепляя... просто они были, как шум ветра. Нас никто не трогал, монахи прекрасно общались друг с другом. Правда, при этом не забывая держать коробочку вокруг нас. И кто-то из черно-синих обязательно шел рядом.

Шли по знакомой дороге, на ночлег вставали в знакомых местах, постепенно приближаясь к монастырю Идущих. Где меня ждал знакомый черный демон-сенсей. Я же, молчаливо шагая, подводил итоги.

За три года я сильно изменился. Из обычного студента я превратился в воина. Пусть и «личинку» по местным меркам. Но уже не глупое мясо, что путается в своих ногах и руках. Овладел Силой — пусть тоже всего лишь начальный этап. Та же Элианор, как я подозреваю, на порядок сильнее меня. Я стал понимать местное общество, заработал какую-никакую репутацию и социальный статус. И, стал сам по себе чего-то стоить, у меня появилось какое-то будущее, помимо туманных обещаний Мрака...

А еще я понял, как я далек от действительно сильных Мастеров и Владеющих Силой. Хотя понял — это слишком сильно сказано, заглянул за край пропасти. Узнал, что эта пропасть на самом деле существует. И понял, что я вижу не всю пропасть целиком, а только ее маленький край. Осознал, как несбыточны мои детские мечты. Вроде желания вернуться домой или отомстить своему учителю за убийство служанки.

Нет, на самом деле все достижимо. С Силой Хлада, я могу достичь и первого, и второго. И может быть даже стать на уровень настоящих Мастеров. Меня будут учить и заботливо беречь. Условия просто шикарные по сравнению с местными. Вопрос в цене.

Каждая частичка могущества имеет свою цену. Пот, кровь, риск умереть, попытки познать Силу. Все это меняет меня. И от прошлого ленивого студента, что плакал по ночам вспоминая свою семью, уже мало что осталось. Когда мастер тени заставил меня убить девочку служанку — это стало для меня шоком. А сейчас... я даже не знаю, какая у меня будет реакция... Надеюсь я еще не до конца зачерствел.

А что будет в конце? Что останется от меня, если я действительно пройду дорогой могущества и достигну хотя бы подобия тех возможностей, которыми обладает Мрак. Нужен ли мне будет тот забытый, родной мир? Останется ли еще кто-то в живых от моей семьи?

Так, в тяжелых раздумьях, я заснул после очередного перехода. До монастыря остался всего один день пути...

Я резко проснулся, открыл глаза и уставился во тьму. Я сейчас в келье укрепленного дома, в одном переходе от монастыря, где недавно уснул, накрывшись одеялом, и сейчас ночь. Только что-то тут не так, привычки просыпаться посреди ночи после тяжелого

перехода у меня отродясь не было.

— Тревога! — раздался с улицы чей-то заполошный крик.

Крик тут же прервался, сменился каким-то всхлипом. Воображение тут же нарисовало, как кричащему перерезали глотку. Как я оказался в коридоре я не понял сам. Копье в руках, на боку меч, через плечо надета перевязь с метательными ножами. Когда я это все умудрился схватить и за несколько секунд и выскочить из комнаты?

Только, что дальше? В коридоре тишина и полутьма, только от лестницы видны отблески от камина на первом этаже. Куда бежать, что делать!?

Внезапно соседняя дверь с грохотом впечаталась в противоположную стену. Меня обдало пылью, несколько щепок пролетело прямо перед носом. Что-то темное и бесформенное сползло со стены на остатки двери.

— Стоять! — раздался из двери натуральный рев.

Рев почему-то показался мне знакомым. Кха'ра! Это его голос!

Новая чередка хлопков выбила воздух из открытой комнаты. Порыв ветра принес какой-то резкий вонючий запах. От череды ударов дом затрясся. Сверху посыпалась труха и какой-то мусор.

Бдыщ! Словно невидимый великан зарядил дубиной по стене рядом со мной. Я, как будто боксерская груша, снесенная сильным ударом, влетел в противоположную стену, выроненное копьё улетело куда-то во тьму.

— Сволочи! Что они творят?! — сказал я, поднимаясь с пола.

В левой щеке пульсирует боль, похоже, удар не прошел бесследно и что-то в нее воткнулось. С проклятием я выдернул щепку. По щеке на шею тут же потекла кровь. Внутренности, отбитые ударом, отозвались эхом боли. Стон почти вырвался из стиснутых зубов. Надо выбираться из дома, пока меня тут не завалило!

Я уже сделал пару неуверенных шагов, как меня прострелила мысль — Элианор! Ее келья напротив моей! Надо попытаться ее вытащить! Я рванул назад и только перед самой дверью притормозил. Если сейчас вломиться — меня могут встретить каким-нибудь копьём в живот или Выплеском.

— Элианор! Это я! — Сказал я вполголоса.

Перекошенная дверь распахнулась от легкого толчка. Небольшую келью освещали отблески огня с улицы — что-то там успело хорошо разгореться.

— Элианор? — тихо спросил я...

Невнятное шевеление было мне ответом. Сбоку, в темном углу, притаилась хрупкая девичья фигурка в легких белых одеждах. Только, что-то было сильно не так. Элианор полулежала, откинувшись на стену. Даже в отблесках пожара ее кожа казалась неестественно бледной.

— Ты ранена?

Элианор, как всегда, ничего не ответила. Было только слышно ее дыхание, какое-то натужное, с еле слышимым присвистом. Рассмотреть раненую мне не дали — дом сотряс новый удар. На голову просыпалась новая порция пыли. Стена над головой Элианор громко треснула.

— Держись! — только и сказал я, закидывая тонкую руку через плечо.

Она почти ничего не весила и легко поместилась у меня на руках. Никакого сравнения с ранеными напарниками, которых приходилось таскать в бытность свою охотником. Но времени у меня все меньше и меньше. В воздухе ощутимо тянет гарью. Что может случиться

в разваливающемся деревянном доме, где на первом этаже ночью горит камин?

— Демоны, — только выругался я, ныряя в коридор.

«Только бы дом не развалили, пока я тут по коридору пробираюсь», — глупая мысль засела на краю сознания.

Шаг, еще шаг... я все быстрее шел по коридору, заваленному трухой и щепками. Мимоходом обошел остатки человека в черных одеждах, которым выбили дверь в начале боя. Лестница все ближе, все светлей и все ярче отблески огня и сильней запах гари.

— Мать... — только выдохнул я.

С первых ступеней лестницы открывался вид на бойню. Мало того, что кто-то мимоходом раздолбал камин, разбросав горящие угли по всей комнате, но он еще порезал на куски троих монахов в синих ученических одеждах. Они сжимали в мертвых руках оружие, только это им не помогло. Неведомый враг перерубил их несколькими небрежными ударами, оставив валяться расчлененные тела. Только блики огня играли на безжизненных лицах.

— Тон, Таэх... Как же так? — как назло я знал двух из трех погибших, в нашей команде они работали первой парой против Черного Тумана.

Я выдохнул и выбросил из головы скорбь и сожаление. Сейчас, когда у меня на руках раненная Элианор, я должен сосредоточиться на ее спасении. Я сбежал с лестницы. Перепрыгнул через начавший разгораться ковер, обогнул лужи крови, и снова замер.

Дверь на улицу открыта настежь, через нее виднеются блики огня и слышатся гулкие удары, перемежаемые яростными криками. Кажется, это Кха'ра выплескивал свою ярость. Если я сунусь туда — меня прихлопнут словно муху.

«Конюшня! Через выход рядом с кухней!» — идея прострелила молнией мою голову. Разворот, быстрый бег по новому коридору, и я снова замираю. Про запасной выход знали и нападающие. Человеческая фигура в черной одежде прищиlena копьём к двери на кухню... словно бабочка в альбоме энтомолога. А рядом лежит располовиненный надвое победитель — монах в синих одеждах.

— Демоны! — только снова пробормотал я...

Аккуратно переступаю через срезанную руку. Толкаю плечом дверь черного хода — та с еле слышимым скрипом поддается. Мне показалось или висящий на копье труп дернулся?

Я тихо выдохнул, на лбу выступил холодный пот. Только вытереть я его не могу — на руках лежит потерявшая сознание Элианор. Надавил на дверь посильней и выскочил на улицу.

Ночное небо уже подсвечено начинающимся рассветом. Из-за угла дома слышен треск огня, в воздухе разлит запах гари. Удары и яростные крики стихли. От этого стало еще хуже... Если Тени победили — сейчас они будут тут.

Я быстро рванул к двери конюшни — она напротив черного входа, буквально в пяти шагах. С трудом провернул ручку, придерживая Элианор, и вломился внутрь. На первый взгляд конюшня не пострадала. Горит пара лампад, подвешенных на специальных крюках. В стойлах стоит несколько мулов и беспokoйно храпящая лошадь Элианор. На полу ничком в большой луже крови лежит подросток в серых одеждах.

— Демоны! — в который раз тихо выдохнул я.

Короткая пробежка — и вот я в соседнем стойле, следующем за стойлом белой лошади. Аккуратно кладу Элианор на копну сена. Защита тут никакая, но может храп лошади и перестук копыт не даст услышать мою возню...

— Элианор, что с тобой? — тихо говорю больше сам себе.

В свете ламп, ее неестественная бледность еще сильнее бросается в глаза. Тонкие черты лица еще сильнее обострились. Рыжие волосы выглядят какими-то обесцвеченными и безжизненными. Дыхание вырывается с каким-то присвистом. На белой сорочке, на ключице, виднеется пятно крови. Что-то тут не так... Если ее задело чем-то мелким, как мою щеку, то почему она лежит как будто при смерти?

Внезапно ее дыхание стало глубже. Она подобралась и открыла глаза. В этот раз мне не сносило крышу. Я не впал в транс, а просто смотрел в ее глаза, обычные зеленые глаза обычной девушки. Через пару секунд она осмотрела окружение и ее взгляд остановился на моем лице.

— Ты как? — спросил я.

Она как обычно ничего не ответила, только ее взгляд скользнул куда-то в сторону и расфокусировался, как будто рассматривала что-то недоступное. Она слегка нахмурилась, на ее лбу появилась небольшая складка. Напряглась и тут же расслабилась, по ее губам пробежала легкая светлая улыбка. Словно поняла что-то важное, приняла тяжелое, но правильное решение... Ее взор снова остановился на мне. Она с видимым трудом подняла руку и жестом поманила меня.

— Что? — спросил я, наклоняясь к ней.

В ответ Элианор неожиданно резко вбила ладонь в мою грудь.

— Кхх, — вырвался хрип из моего рта.

От быстрого удара легкой девичьей ручки воздух выбило из груди. От ее ладони идет яростный жар. Он мгновенно раскатывается по всему телу. Прожигает кожу, кипятит кровь, проникает через мышцы, пробирает до самых костей.

Я судорожно пытаюсь вдохнуть. И только смотрю непонимающим взглядом на ее лицо. А она вновь смотрит куда-то в сторону, на что-то недоступное простым смертным. С легкой улыбкой... Замирает на секунду и откидывается назад на копну сена. Лежит, смотря в никуда с легкой улыбкой, недвижимо и безжизненно...

— Кхххаааа! — вместо крика вырывается из горла сиплый хрип.

Я падаю на пол, мышцы сводит судорога. Боль и нестерпимый жар терзает мое сознание... С трудом поворачиваю голову и шестым чувством понимаю — в лежащем рядом девичьем теле уже нет ни капли жизни. Остатки своих сил она истратила на последний удар — впечатать мне в грудь силу огня...

Впечатать?! Перед глазами пронеслось самое начало моих злоключений. Когда я пытался помочь незнакомцу, лежащему на снегу в глупом костюме ниндзя. Он тоже перед смертью ударил меня ладонью в грудь. Только тогда был Хлад, а теперь Огонь.

— Х-ххааа! — вместо ругани вырывается невнятный хрип.

Всех моих сил хватает только на то, чтобы в бессильной злобе ударить кулаком по полу. Зачем?! Зачем она передала мне эту проклятую Силу? Почему она не могла остаться жить?! Сначала Синх, теперь Элианор — пара ниточек того светлого, что я видел в этом мире, уничтожены за несколько дней.

Меня крутит новая судорога, от жара плавится мозг, перед глазами все расплывается, новые и новые капли пота стекают по лицу. Все гораздо хуже того раза. Сейчас я даже вздохнуть толком не могу. Судорожные попытки обратиться к Силе Хлада оканчиваются ничем. Словно я кричу в пустоту. Похоже, мне пришел конец. Меня сожжет Сила Элианор прямо рядом с ее телом...

Изнутри поднялась волна гнева. Я не для этого зубами выгрызал каждый день жизни. Не для этого три года переступал через себя — чтобы так просто помереть на задворках. Я буду жить, чего бы это мне не стоило!

Превозмогая боль, жар и судороги я перевернулся на живот. И пополз... пополз к выходу, буквально вбивая руки и ноги в твердый деревянный пол. Шкрябая лицом по вонючим доскам, хрипя, роняя пот и слюну. Метр, другой... В ушах появляется звон, жар нарастает, я уже не понимаю куда я ползу, все вокруг сливается в какую-то оранжевую муть...

— Ай-ай-ай... Что же вы, молодой человек, так убиваетесь. Вы ведь совсем уььетесь, — голос старого еврея прозвучал неожиданно четко. Словно не было вокруг оранжевой мути и звона в ушах.

— Мракххх, — выдавил я.

— Да, молодой человек, да, — раздался все тот же четкий голос старого еврея. — Давайте не будем тратить мое время. Скажите, молодой человек, вы жить хотите?

— Дхааа! — прохрипел я.

— Тогда, пора спать! — раздался задорный звонкий голос маленькой девочки.

С этими словами звон умолкает, оранжевая муть сменяется тьмой. Тьма нежно обнимает меня. Сознание гаснет, и я проваливаюсь в такой долгожданный покой...

Покрытые зеленью холмы пушистым ковром уползают к горизонту. Наполненный жизнью лес исторгает крики птиц, рычание неведомых зверей, шелест и треск колышущихся гигантских деревьев. Буйство красок и феерия жизни слились в зеленый океан, что упирается в череду серых гор. Величественных и безмятежных. Они стоят несокрушимой стеной, сотни лет храня покой иных земель. Слишком слабых, слишком тихих, не готовых принять порождения яростной борьбы среди буйства Сил.

Перед чередой серых гор стоит большая скала. словно гигантский айсберг она плывет посреди зеленого моря, стоит в авангарде перед строем серых охранников. На самой скале выделяется выступ — словно нос ледокола он нависает над буйством красок. Взгляд приковывает вершина выступа — абсолютно плоская площадка, заботливо отполированная неведомыми мастерами. Расписанная сложными узорами, сплетающимися в странную, изломанную фигуру. Линии узоров светятся всеми цветами радуги, слышен гул, словно в скале спрятали мощную электростанцию и сейчас мегаватты энергии бурлят под слоем серого камня, просвечивают через эти странные, хаотичные узоры.

Внезапно гул стихает, радуга, вырывающаяся из-под камня, опадает. Через минуту уже не остается ни следа от причудливых узоров и радужного калейдоскопа. Лишь серый камень, неестественно гладкий, словно кто-то гигантским скальпелем срезал верхушку выступа, и одинокая человеческая фигурка в потрёпанных синих одеждах. Лежащая в середине уже исчезнувшего чертежа...

Я медленно приходил в себя, тяжело поднимаясь из глубин странного мутного сна. Все тело ломит, словно я умудрился отлежать все мышцы разом. К горлу то и дело подкатывает тошнота, в ушах стоит тяжелый гул...

С трудом я разлепил глаза и уставился на безбрежное синее небо с задорными белоснежными облачками. Попытался сглотнуть пересохшим горлом — но в рот словно сгрузили грузовик песка... Мягкий шелест ветра и приятное тепло от нагретого камня на фоне отвратительного состояния... Где это я?!

Последнее, что я помню — это голос Мрака, боль, нестерпимый жар, судороги, звон в ушах и Элианор... Видение хрупкой фигурки, безжизненно лежавшей на копне сена, больно скрежетнуло по сердцу. Уколело и ушло... ушло куда-то вглубь, чтобы обязательно вернуться потом... Но, сейчас меня заботили вопросы — «Что со мной?» и «Где я?!».

— Кх, кхм, — я откашлялся и попробовал перевернуться на бок.

По сравнению с тем, что было в конюшне — я сейчас в замечательном состоянии. Подумаешь, мышцы ноют и Сахара во рту, зато я могу двигаться, нормально вижу и пропало ощущение надвигающейся смерти... Вот только открывшийся вид как-то не радовал — пустая каменная площадка, а вокруг, насколько хватало взгляда, зеленый лесной ковер. Очень характерный лес, с гигантскими деревьями, дымкой в низинах, большими яркими цветами. Я на такой лес насмотрелся, когда стоял на вахте на Заставе Серого Копья. Мрак притащил меня на окраину Безумных Лесов!?

Я поднялся и с трудом встал на дрожащих ногах. «Хорошо, что нет сильного ветра, а то бы меня отсюда попросту сдуло», — проскочила мимолетная, не слишком радостная мысль. Несколько осторожных шагов до края площадки, и новый осмотр окрестностей только утвердил худшие опасения — вокруг простирались нетронутые Безумные Леса, без единого

следа человека.

Накатило отчаяние. Мрак меня просто бросил на краю Леса. Без оружия, без еды, даже непонятно, как спуститься со скалы. Я здесь или загнусь от голода, или переломаю кости при спуске, а там меня схарчат милые зверушки. А то и какой-нибудь плотоядный куст — некоторые местные растения дадут фору по опасности большинству тварей.

Неожиданный порыв ветра чуть было не опрокинул меня. Я с трудом удержал равновесие и со злостью посмотрел на ненавистный Лес. Из груди вырвался сдавленный рык.

— Нет уж, суки. Я не сдамся! — сказал я на чистом русском языке.

Я выживу! Выживу и стану сильнее! Чего бы мне это не стоило!!!

Больше книг на сайте - Knigoed.net